

Тавлванду

Тавлванду

ИСТОРИЯ ЗАВОЕВАНИЯ

СРЕДНЕЙ АЗИИ.

Съ картами и планами.

ТОМЪ I.

II, III

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ТОМЪ I.

ГЛАВА I.

Движеніе Россіи на востокъ: Пермь (Баремія), Вятка, Казань, Астрахань, Сибирь. Россія на стражъ Европы. Характеръ дальнѣйшаго движенія на востокъ. Племена, населявшія Заволжье. Башкиры (бесерги). Лицкіе казаки. Калмыки. Казаки (кайсаки, киргизы). Дзюнгары. Очеркъ исторіи казаковъ до вступленія ихъ въ подданство Россіи. Очеркъ исторіи Дербентъ-ойратскаго союза до движенія Галданъ-Цырева къ Сырь-Дарьѣ. Киргизы отступаютъ къ предѣламъ Россіи. Просьбы хана Тявки, султановъ Каипа и Абуль-Хайра, а также и хивинскаго хана о принятіи ихъ въ русское подданство . .

СТРАН.

1—19

ГЛАВА II.

Принятіе Хивы въ русское подданство. Слухи о золотыхъ рѣкахъ Аму и Иркендъ-Дарьяхъ. Князь Гагаринъ, Ходжа-Нефесъ, Замановъ и Бековичъ. Экспедиціи Бухгольца и Лихарева вверхъ по Иртышу. Экспедиція князя Бековича Черкаскаго изъ Астрахани. Рекогносцировка стараго русла Аму-дарьи. Легенда о древнемъ Яксартѣ. Возращеніе въ С.-Петербургъ. Новыя инструкціи Петра I. Составъ отряда для новой экспедиціи. Устройство крѣпостей по восточному берегу Каспія. Ссоры съ Кожинымъ. Выступленіе изъ Гурьева. Странности Бековича. Четырехдневный бой у Карагача. Мирный договоръ. Вѣроломство хивинцевъ. Мученическая смерть и неволя русскихъ. Нападеніе туркменъ на Тюпъ-Караганскую и Красноводскую крѣпости. Оставленіе этихъ крѣпостей. Дальнѣйшіе виды Петра I. Посольство Флоріо Беневени въ 1718 г. Задержка въ Шемахѣ. Сраженіе русской миссіи съ войсками шемахинскаго хана. Пребываніе въ Бухарѣ. Бѣгство. Пребываніе въ Хивѣ. Наглость хивинскихъ вельможъ. Подтвержденіе слуховъ о золотомъ пескѣ. Поѣздка камердинера Николю Минера. Отчетъ Беневени. Равнодушіе правительства къ катастрофѣ Бековича. Попытки выйти съ Хивою въ дружескія отношенія: Вланкенгель въ 1793 г., Субганкуловъ въ 1818 г. и Бекчуринъ въ 1819 г. Россія избираетъ новый путь въ среднюю Азію черезъ киргизскія степи. Мифы объ этомъ Петра I и Павла I. Походъ въ Индію черезъ Оренбургъ

20—43

Очеркъ исторіи казанскихъ ордъ съ времени вступленія ихъ въ наше подданство до уничтоженія ханскаго званія. Малая орда. Заслуги Тевкелева. Построеніе Оренбурга. Планъ Кирилова. Безпорядки въ степи. Нападенія башкиръ. Коронація хана. Татищевъ. Урусовъ. Командировка Гладышева и Муравина для выбора мѣста подъ городъ на устьѣ Сыръ-Дарьи. Установленіе нами права наследственности и первородства въ ордѣ Абуль-Хаира. Ничтожность вліянія хановъ въ степи. Бунтъ башкировъ и усмирненіе ихъ киргизами. Ослабленіе одного народа другимъ. Бѣгство калмыковъ съ Волги. Бунтъ Пугачева. Мѣропріятія Екатерины II. Народное собраніе у киргизовъ. Республика. Игельстремъ измѣняетъ свой взглядъ на дѣло. Преслѣдованія Сырыма, президента республики. Мнѣніе киргизовъ. Наши линіи. Послѣдній ханъ Ширгазы. Коронація. Султаны правители съ 1824 г. Средняя Орда. Невѣжество губернатора князя Урусова, обнаруженное имъ въ договорѣ съ Аблаемъ и Абдуль-Махметомъ. Соединеніе Оренбургской и Сибирской линій. Притѣсенія состороны Дзюнгарь. Отказъ киргизамъ въ пристанищѣ. Подданство киргизъ Средней орды—Китаю. Утвержденіе Аблая въ званіи хана. Вали сынъ его— послѣдній ханъ ум. 1821 г. Проектъ Сперанскаго. Большая орда. Ссоры съ сосѣдями и бѣгство въ наши предѣлы. Ташкентское ханство. Подданство Большой орды Россіи въ 1819 г. Построеніе города Копала въ 1847 г. Взятіе укр. Таучубека въ 1850 г. Подчиненіе алатаускихъ киргизъ. Построеніе укр. Вѣрнаго въ 1854 г. Степная коммиссія. Взглядъ назадъ

ГЛАВА IV.

Причины неудачи мѣропріятія Екатерины II. Управление степью при Николаѣ I. Киргизамъ запрещается быть осѣдлыми. Сухтеленъ, Перовскій. Возведеніе укрѣпленій. Безпорядки у казаковъ. Пожары. Экспедиція на полуостровъ Бузачи. Начало волненій въ степи. Поиски за разбойниками. Перечень замѣчательныхъ экспедицій, съ начала XIX столѣтія. Караванъ Цюлковскаго. Бергъ. Лебедевъ. Неудовольствія съ Хивою. Вопросъ о русскихъ плѣнныхъ, продаваемыхъ въ Хиву. Зайчиковъ. Виткевичъ. Задержаніе въ Оренбургѣ хивинскихъ купцовъ. Размѣвъ плѣнныхъ. Прокламація. Рѣшеніе особаго комитета о поискѣ въ Хиву. Злоупотребленія. Кандидатъ въ ханы. Опасенія англичанъ и стремленія ихъ утвердиться въ Средней Азій. Графъ Симоничъ. Изгнаніе английской евангелической миссіи. Почему экспедицію рѣшено начать зимою? Веллингтонъ. Планъ похода. Составъ отряда. Штабъ. Заботливость Перовскаго о различныхъ удобствахъ для нижнихъ чиновъ. Джебига и оглазники. Продовольственные запасы. Боевые запасы. Перевозка запасовъ башкирами по наряду. Выборъ мѣста подъ складочный пунктъ и укрѣпленіе на уроч. Чушка-куль. Геке и Жемчужниковъ. Новое укрѣпленіе на Эмбѣ. Поставка верблюдовъ киргизами. Угоны лошадей киргизами изъ-подъ укрѣпленій. Болѣзни въ укрѣпленіяхъ. Опытъ степного похода

Выступленіе въ походъ. Строгость Перовскаго. Вѣрны ли сказанія? Порядокъ движенія. Ученая братія. Бураны. Неумѣнье обращаться съ верблюдами. Транспортировка больныхъ. Нападеніе хивинцевъ на Чушка-кульское укрѣпленіе и на транспортъ штабсъ-капитана Ерофьева. Бунтъ верблюдовожатыхъ (лаучей). Злой геній отряда—Цюлковскій. Болѣзни. Падежь верблюдовъ. Затруднительность движенія по глубокому снѣгу. Рекогносцировка Усть-Урта. Невозможность дальнѣйшаго движенія. Воровство въ отрядѣ. Приказъ о возвращеніи. Масляница. Потери отряда. Наказаніе киргизовъ, сжегшихъ на Каспій наши суда и виноватыхъ въ захватѣ переводчика Антова. Возвращеніе остатковъ отряда въ Оренбургъ. Мечты о новомъ походѣ. Награды. Смерть Цюлковскаго. Непродолжительное торжество англичанъ. Причины неудачи экспедиціи

ГЛАВА VI.

Посольство отъ хивинскаго хана. Настоянія Аббота и Антова. Фирманъ хана. Освобожденіе русскихъ невольниковъ. Еще о Зайчиковѣ. Посольство капитана Никифорова. Инструкція ему. Неудовольствія между русскимъ и хивинскимъ послами. Характеристика приближенныхъ хана. Приемъ посольства. Неудача переговоровъ. Повеленіе посла. Рѣшительный тонъ нашего агента. Окончательные переговоры. Собраніе представителей киргизскихъ. Возвращеніе посольства. Отправленіе въ Хиву подполковника Данилевскаго. Смерть хана. Обязательный актъ 1843 г. Посольство Бутенева въ Бухару. Хлопоты за Коннолли и Стодарта. Дѣйствія Обручева противъ Кенисары. Возведеніе укрѣпленій: Оренбургскаго, Уральскаго, Карабутака, Раима и Косъ-Арала. Первые пароходы на Сыръ-дарьѣ. Поселенія казаковъ при фортахъ. Смерть Кенисары. Джанъ-ходжа проситъ Обручева о занятіи Хивы и Акъ-мечети. Нападеніе хивинцевъ на Раймъ. Встрѣчный палъ. Подвигъ войскъ старш. Иванова въ юнѣ 1843 г. Проектъ Обручева о занятіи Хивы и Акъ-мечети. Смѣна Обручева. Перовскій не раздѣляетъ взглядовъ своего предшественника. Противорѣчія его дѣйствій съ высказанными взглядами. Неудовольствія киргизовъ

ГЛАВА VII.

Нападенія коканцевъ на нашихъ придарьинскихъ киргизъ. Поборы. Проектъ генераль-адъютанта Анненкова о соединеніи Сибирской линіи съ Оренбургскою. Дѣло при Акча-Булакѣ. Поискъ полковника Бларамберга къ Акъ-Мечети въ 1852 г. Убійство орскаго коменданта. Негласная экспедиція Перовскаго противъ Акъ-Мечети въ 1853 г. Устройство фортовъ на пути слѣдованія. Осадныя работы. Медленность ихъ. Занятіе Джулека. Штурмъ Акъ-Мечети. Курьезная диспозиція.

Наши потери. Слухи о сборах коканскихъ скопищъ. Рекогносцировка Вородина. Молодецкое дѣло капитана Шкупя 18 декабря 1853 г. подъ фортомъ Перовскій. Первый шагъ къ соединенію Сибирской линіи съ Сырь-Дарьинскою, занятіе долины р. Или и верховій р. Чу. Постройка укр. Вѣрнаго въ 1854 г. Пронски Турціи и Англии во время восточной войны. Безпорядки въ Оренбургскихъ степяхъ. Исеть Кутебаровъ. Подвигъ 15 фуражировъ на р. Темирѣ. Поискъ подполковника Плотникова въ августъ 1856 г. Бунтъ Джанъ-Ходжи. Генераль-адъютантъ Катенинъ. Всеобщая амнистія. Заботы Катенина о развитіи у киргизовъ земледѣлія. Рекогносцировка р. Яны-Дарьи. Рекогносцировка восточнаго берега Каспія. Посольство флигель-адъют. полковн. Игнатъева въ Хиву и Бухару, а Валиханова въ Кашгаръ. Приготовленія къ экспедиціи со стороны Сибири. Нападеніе коканцевъ на укр. Кастекъ. Дѣло на р. Джирентъ-Айтырѣ 9 іюля 1860 г. Взятіе Токмака 26 августа. Осада Пишпека и сдача этой крѣпости 4 сентября. Нападеніе коканцевъ на новую линію. Бой при Узунъ-Агачѣ 21 октября. Наказаніе отложившихся отъ насъ киргизъ

212—259

ГЛАВА VIII.

Ген.-адъют. Безакъ. Возведеніе укр. Джулекъ. Взятіе укр. Яны-Кургана 23 сентября 1861 г. Подвигъ команды фуражировъ подъ Джулекомъ 20 октября. Возведеніе коканцами укрѣпленія Динъ-Кургана и взятіе его нами 20 января 1862 г. Смерть коканскаго хана Меллябека и безпорядки въ ханствѣ. Осада Пишпека подвластными намъ дикокаменными киргизами. Движеніе нашего отряда къ Пишпеку. Осада и взятіе крѣпости. Претендентъ султанъ Махмудъ. Вмѣшательство въ коканскія дѣла бухарскаго эмира Музафара. Рекогносцировка хребта Каратау и средняго теченія Сыра, — занятіе Сузака и Чулакъ-Кургана въ 1863 г. Регентъ ханства мулла Алимъ-Куль. Военныя приготовленія коканцевъ. Безпорядки въ районѣ Сырь-дарьинской линіи. Взятіе Аулие-ата Черныевымъ 4 іюня 1864 г. Занятіе Туркестана Веревкинъмъ 12 іюня. Отсутствие единства и связи въ дѣйствіяхъ Сибирскаго и Оренбургскаго отрядовъ. Учрежденіе Ново-коканской линіи и подчиненіе части оренбургскихъ войскъ Черныеву

260 - 284

ГЛАВА IX.

Движеніе Сибирскаго отряда отъ Аулие-аты, и Оренбургскаго отъ Туркестана — къ Чимкенту. Киргизская милиція. Сидѣнье Мейера на Акъ-булакѣ 14—15 іюля. Движеніе Черныева на выручку. Переговоры съ Алимкуломъ. Рекогносцировка Чимкента. Осада и штурмъ этого города. Наказаніе жителей г. Сайрама за измѣнническое нападеніе. Виды Черныева на Ташкентъ. Неудачный штурмъ этого города 2 октября 1864 г. Образованіе Туркестанской области. Движеніе

Алимкула къ Туркестану. Молодецкое дѣло есаула Сѣрова подъ Иканомъ 4, 5 и 6 декабря. Предосудительное поведеніе туркестанскаго коменданта подполковника Жемчужникова. Боязливость посланнаго на выручку подпоручика Сукорко. Неудовольствіе Черныева

285—305

ГЛАВА X.

Виды нашего правительства относительно дальнѣйшихъ дѣйствій. Взятіе Ниязбека. Разбитіе Алимкула подъ Ташкентомъ 9 мая 1865 г. Блокада Ташкента. Неудачное нападеніе 7 іюня. Диспозиція къ штурму 15 іюня. Взятіе города. Льготы отъ податей. Окончаніе войнъ съ Коканомъ. Политика оренбургскаго генераль-губернатора Крыжановскаго. Мирный договоръ 1868 г.

306—321

ГЛАВА XI.

Предложеніе Черныева эмиру касательно завоеванія Кокана. Занятіе бухарцами Ходжента. Притязанія ихъ на Ташкентъ. Арестъ бухарскихъ купцовъ. Дѣйствія въ Зачирчикскомъ краѣ. Пріѣздъ генерала Крыжановскаго. Недоразумнѣя. Объявленіе Ташкента независимымъ. Адресъ почетныхъ жителей этого города. Хитрость бухарцевъ. Отправленіе посольства въ Бухару. Задержаніе его. Зимняя экспедиція Черныева къ Джизаку. Подъемъ затонувшихъ орудій у Чиназа. Отступление. Смѣна Черныева. Причины смѣны. Черныевъ остается ординарцемъ у своего преемника генерала Романовскаго. Отъѣздъ Черныева

322—335

ГЛАВА XII.

Инструкція новому губерватору. Затрудненія въ деньгахъ. Тревоги въ лагерѣ. Разбои. Сформированіе милиціи. Баранье дѣло (5 апрѣля). Набѣги Сылдыка. Дѣло подъ Ирджаромъ (8-го мая). Причины движенія къ Ходженту. Осада и штурмъ Ходжента (24 мая). Посольства изъ Кокана и Бухары. Возвращеніе нашего, задержаннаго въ Бухарѣ, посольства. Адресы по случаю спасенія жизни Государя Императора. Устройство внутренняго управленія въ Ташкентѣ. Учрежденіе Мехкеме. Ликвидационная коммисія для уплаты долговъ правительства за 1864—1866 годы

336—360

ГЛАВА XIII.

Рекогносцировка верховій р. Чирчика. Виды генер. Крыжановскаго на Коканъ. Пріѣздъ Крыжановскаго въ Ташкентъ. Война все равно съ кѣмъ. Принятіе завоеванныхъ мѣстностей

въ подданство Россіи. Переговоры съ Бухарою. Осада и штурмъ Ура-Тюбе 2 октября 1866 г. Случай съ лѣстницей. Назаровъ и гвардейцы. Причины большой потери въ нашихъ рядахъ. Движеніе къ Джизаку. Рекогносцировка. Осадныя работы. Дѣятельность гарнизона. Почему штурмъ назначенъ не на разсвѣтъ, а въ полдень? Случай съ уланомъ Кузьминскимъ. Добыча, взятая въ Джизакъ. Отъездъ генераловъ Крыжановскаго и Романовскаго. Назначеніе ген.-ад. ф. Кауфмана. Золотая книга

361—384

ГЛАВА XIV.

Дѣйствія бухарскихъ партизановъ. Сыдлыкъ. Анчоковъ. Мирныя переговоры. Доводы генерала Минтейфеля въ пользу занятія передовымъ постомъ укр. Яны-Кургана. Дѣло 26 мая 1867 г. Своевольіе награждается. Мѣры, принятыя бухарцами. Дѣло 7 іюня. Дѣло 5 іюля Индійскій посланецъ изъ Андура. Захватъ подпоручика Служенко. Новые переговоры съ бухарцами. Проектъ положенія объ управленіи краемъ. Организационная коммисія. Мирный договоръ съ Коканомъ. Мѣры къ уничтоженію разбойничества на передовой линіи. Рекогносцировка сѣвернаго склона хребта Нуратань-Тау. Дѣло подъ Ухумомъ 7 марта 1867 г. Нападеніе на подпоручика Машина въ Джизакъ-Утинскомъ ущельѣ. Сборы генераль-губернатора въ Петербургъ. Неудача эмира въ присоединеніи союзниковъ. Неудовольствія въ народѣ. Ривоядъ, постановленный духовенствомъ и беками въ чрезвычайномъ собраніи въ Бухарѣ. Объявленіе священной войны — газата

385—407

ГЛАВА XV.

Боевыя средства Сыръ-дарьинской области къ началу войны. Средства эмира. Переходъ афганскаго отряда Искандеръ-хана къ русскимъ. Сосредоточеніе войскъ на передовую линію. Оригинальный штабъ. Движеніе къ Самарканду. Лазутчики-послы. Переговоры у Акъ-Кургана. Бѣгство конвойныхъ казаковъ у нашего парламентаря. Дѣло на Самаркандскихъ (Чапанъ-атинскихъ) высотахъ 1 мая. Депутація отъ города. Вступленіе русскихъ войскъ въ Самаркандъ. Раздача медалей и халатовъ. Болѣзненность въ войскахъ. Взятіе Ургута и Чилека. Виды генераль-губернатора относительно Самарканда. Надежды бухарцевъ на перемѣну счастья

403—428

ГЛАВА XVI.

Усиленіе верковъ цитадели. Военный совѣтъ 13 мая. Движеніе къ Катты-Кургану и занятіе этого города. Мирныя переговоры. Страхъ самаркандскихъ евреевъ. Движеніе Абрамова къ Кара-тюбе и неудача. Поведеніе жителей Самар-

канда. Наша довѣрчивость, безопасность и самоуподьянность. Нападеніе бухарцевъ на войска, расположенныя подъ Катты-Курганомъ. Дѣло 2 іюля подъ Зерабулакомъ. Отеуствіе рекогносцировокъ. Неожиданность встрѣчи съ непріятелемъ. Планъ Пистолькорса. Рекогносцировка и отдыхъ послѣ бои. Возвращеніе въ Катты-Курганъ и Самаркандъ. Мародеры-туземцы. Извѣстія о возмущеніи жителей Самарканда

429—452

ГЛАВА XVII.

Проекты духовенства. Средства гарнизона самаркандской цитадели. Жалкое состояніе верковъ. Работы по ихъ усиленію. Прибытіе скопца шахрисябцевъ. Нападеніе на цитадель 2-го іюня. Дѣйствія у бухарскихъ воротъ подполковника Назарова. Штурмъ 3 числа. Вылазки нашего гарнизона и очищеніе эшпалады. Штурмъ 4-го числа. Сообщеніе извѣстія генераль-губернатору о стѣненномъ положеніи гарнизона. Вылазка 5 числа. Услуга иранскаго аскакала. Приходъ Катты-курганскаго отряда 8 іюня. Очищеніе города отъ мятежниковъ. Наши потери. Приказъ по войскамъ. Наказаніе города грабежемъ. Необходимость для насъ Самарканда. Эмиръ сдается на капитуляцію, но она не принята. Мирный договоръ. Возвращеніе отряда въ Ташкентъ. Возмущеніе сына эмира Катты-Тюри противъ отца. Сдѣйствіе нашихъ войскъ, — занятіе Карши и возвращеніе его войскамъ эмира. Посольство сына эмира — Тюря-Джана (Абдула-Фатихъ-хана) въ С.-Петербургъ. Просьбы о возвращеніи Самарканда. Разграниченіе съ Бухарою. Путь въ Хиву. Разбойникъ Бабанъ. Поведеніе Скобелева. Посольства въ Бухару Носовича, Струве и Колзакова

453—487

ГЛАВА XVIII.

Рекогносцировка верховій Заравшана лѣтомъ 1870 г. Движеніе отрядовъ изъ Самарканда и Ура-Тюбе. Недружелюбіе мачинскаго бека. Движеніе отъ Польшорака къ ледникамъ заравшанскимъ. Обратное движеніе. Нападеніе на отрядъ подполковника Деннета. Обходное движеніе Деннета къ Янгы-Саббакскому ущелью и наказаніе враждебнаго скопца. Движеніе Абрамова къ Искандеръ-Кулю. Дѣло на Кули-каланскихъ высотахъ 25 іюня. Изъявленіе покорности мачинскимъ бекомъ. Конtribusiя, взысканная коканскимъ ханомъ въ пользу раненыхъ и семействъ убитыхъ въ отрядъ Деннета. Поводы къ неудовольствію нашему относительно Шахрисябза. Рѣшеніе, принятое генераль-губернаторомъ. Движеніе войскъ изъ Самарканда. Рекогносцировка столицы Шахрисябза (соединенные города Шаръ и Китабъ). Осадныя работы и штурмъ 14 августа. Наши потери. Передача столицы бекамъ, присланнымъ отъ эмира. Занятіе и присоединеніе къ Заравшанскому округу бекетвъ Маганскаго и Фарабскаго. Выдача коканскимъ ханомъ бѣжавшихъ къ нему шахрисябскихъ бековъ

488—510

Карты и планы.

1. Осада и штурмъ Акъ-мечети 28 июля 1853 г.
2. Планъ дѣйствій подъ Узунъ-агачемъ 19—21 окт. 1860 г.
3. Осада и штурмъ кр. Чимкента 12—25 сент. 1864 г.
4. Блокада г. Ташкента въ июнѣ 1865 г.
5. Штурмъ укр. г. Ташкента 15 июня 1865 г.
6. Осада и штурмъ г. Ходжента 17—24 мая 1866.
7. Штурмъ кр. Ура-тюбе 2 октября 1866 г.
8. Штурмъ кр. Джизака 18 октября 1866 г.
9. Штурмъ Самаркандскихъ высотъ 1 мая 1868 г.
10. Бой при Зера-Булакѣ 2 июня 1868 г.
11. Оборона Самаркандской цитадели 1—8 июня 1868 г.
12. Штурмъ кр. Китаба 14 августа 1870 г.
13. » » Чич-ча-го-дзи 18 июля 1871 г.
14. Бой при Суйдунѣ 19 июня 1871 г.
15. Переправа у Шейхъ-арыка 18—19 мая 1873 г.
16. Ночной бой подъ Ильялы 15 июля 1873 г.
17. Махрамскій бой 22 августа 1875 г.
18. Два штурма г. Авдигана 1 окт. 1875 и 8 января 1876 г.
19. Штурмъ г. Балыкчи 12 ноября 1875 г.
20. Штурмъ Денгиль-Тепе 28 августа 1879 г.
21. Карта рекогносцировокъ и осада кр. Денгиль-Тепе въ 1880 г.
22. Штурмъ кр. Денгиль-Тепе 12 января 1881 г.
23. Минныя работы подъ Денгиль-Тепе.
24. Историческая карта расширенія границъ Россіи со временъ Ивана Грознаго.
25. Карта Средней Азіи съ походами.

Источниками служили.

1. Demaison. Histoire des Mogols et des Tartares par Aboul-ghasi. Спб. 1875.
2. А. Левшинъ. Описаніе Киргизъ-Казачьихъ или Киргизъ-Кайсацкихъ степей [изд. 1832 г.]
3. О. Іакинфъ. Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи.
4. А. Н. Поповъ. Сношенія Россіи съ Хивою и Бухарою при Петрѣ Великомъ. Зап. И. Р. Геогр. Общ. 1853 г. № 9.
5. Н. В. Ханыковъ. Описаніе Бухарскаго ханства [изд. 1843 г.]
6. » Осада Герата. Сборникъ матеріаловъ по Азіи. Т. XVI.
7. Веселовскій. Историч. очеркъ Хивинскаго ханства.
8. В. Наливкинъ. Краткая исторія Кокандскаго ханства.
9. Л. Ф. Костенко. Историч. и статистич. свѣдѣнія о калмыкахъ.
10. » Средняя Азія и водвореніе въ ней русской гражданственности.
11. Н. Маевъ. Очеркъ исторіи киргизскаго народа съ 1732 по 1868 г. «Турк. Вѣд.» 1871 г. №№ 3 и 4.
12. » Матеріалы для статистики Туркестанскаго края. 1873 г. Вып. II.
13. А. И. Макшеевъ. Описаніе низовьевъ Сыръ-Дарыи. Морской сборникъ. 1856. № 9.
14. » Историч. обзоръ Туркестана [1890 г.]
15. А. Н. Нуропаткинъ. Обзоръ войнъ Россіи отъ Петра Великаго до нашихъ дней. Часть 3-я, кн. 2-я.
16. » Историч. и военно-географич. очеркъ Кашгаріи. Воен. Сборн. 1897 г. №№ 11—12 и 1878 г. №№ 1—4.
17. Д. Голосовъ. Походъ въ Хиву въ 1717 г. отряда подъ начальствомъ л.-гв. Преображенскаго полка капитана князя Александра Бековича Черкаскаго. Воен. Сборн. 1861 г. № 10.
18. Ф. Н. Лобысевичъ. Оренбургъ, его жители и пр. Воен. Сборн. 1861 г. № 1.
19. » Сыръ-Дарыинская линія. Воен. Сборн. 1864 г. № 8.
20. » Оренбургскіе губернаторы. Тамъ-же. 1872 г. № 5.
21. » Ваятіе Хивы. Вѣстн. Европы, 1873 г. № 8.
22. » Хивинская экспедиція. Тамъ-же, № 10.
23. » Походъ въ Хиву [изд. 1898 г.]
24. Н. Залѣсовъ. Посольство капитана Никифорова въ 1841 г., Воен. Сборн. 1861 г. № 11.
25. » Очеркъ дипломатическихъ сношеній Россіи съ Бухарою съ 1836 по 1843 г. Воен. Сборн. 1862 г. № 9.
26. » Посольство въ Хиву подполк. Данилевскаго въ 1842 году. Воен. Сб. 1866 г. № 5.
27. » Посольство въ Хиву и Бухару полк. Игнатлева. Рус. Вѣстн. 1871. № 2.
28. Н. А. Середа. Бунтъ киргизскаго султана Кенисары Касимова 1838—1847 г. Вѣст. Европы, 1870 г. №№ 8 и 9 и 1871 г. № 8.
29. М. Гр. Черняевъ. Письмо въ редакцію Нов. Времени, 1885 г. № 3490.
30. » Султаны Кенисара и Садькъ. Русск. Вѣстн. 1889 г. № 8.
31. Г. Л. Ивановъ. Походъ въ Хиву въ 1839 г. отряда русскихъ войскъ подъ начальствомъ ген.-адъют. Перовскаго. Воен. Сборн. 1863 г. №№ 1, 2 и 3.
32. » Описаніе зимняго похода въ Хиву 1839—1840 г. [изд. 1873 г.]
33. И. П. Ивановъ. Хивинская экспедиція 1839 г. [изд. 1873 г.]
34. А. Филоновъ. Оренбургскій походъ. Донскіи войсков. вѣдом. 1859.

35. Лессарь. О Дювань ханъ Мервскій. Нов. Времь, 1883, № 2765.
 36. Г. А. Арандаренко. Досуги въ Туркестанѣ. 1889.
 37. Г. З. Демуровъ. Бой при Денгель-Тепе 28 авг. 1879 г. Истор. Вѣст. 1881, мартъ.
 38. В. Н. Татищевъ. Древняя и Новая Россія.
 39. П. Назаровъ. Воспоминанія о степномъ походѣ въ ханства Хиву и Бухару. Воен. Сбор. 1864 г. № 4.
 40. И. Захарьинъ. Зимній походъ въ Хиву въ 1839 г. Русскій Архивъ. 1891 г. № 4.
 41. » Посольство въ Хиву въ 1842 г. Истор. Вѣсти. 1894 г. Кн. XI.
 42. В. И. Даль. Письма къ друзьямъ изъ похода въ Хиву. Русск. Архивъ, 1867.
 43. В. А. Перовскій. Письма къ А. Я. Булгакову (съ похода). Русскій Архивъ, 1878 г., кн. 2.
 44. Зыновъ. Хивинскія дѣла 1839—1842 г. Русское Слово, 1862 г., № 3.
 45. А. К. Гейнсъ. Киргизскіе очерки. Воен. Сб. 1865 г., №№ 1, 6—8.
 46. » О востатки мусульманскаго населенія или дунганей въ Западномъ Китаѣ. Воен. Сб. 1866 г., № 8.
 47. А. Гренъ. Письма изъ форта «Перовскій». Воен. Сб. 1859, № 12.
 48. М. Венюковъ. Замѣтки о степныхъ походахъ въ Средней Азій. Воен. Сб. 1860, № 12.
 49. » Походы въ степи. Воен. Сб. 1862, № 4.
 50. » Туркестанскіе вопросы. Русск. Мысль, 1899, сентябрь.
 51. В. Потто. О степныхъ походахъ. Воен. Сб. 1879, №№ 4, 5 и 7.
 52. Л. Мейеръ. Обзоръ западной оконечности Кара-Таускихъ горъ. Воен. Сб. 1862, № 10.
 53. » Киргизская степь Оренбургскаго вѣдомства [изд. 1866 г.].
 54. » Очеркъ Закаспійской области. Сборн. матер. по Азій. Вып. XV.
 55. Е. Смирновъ. Сыръ-Дарьинская область [изд. 1887 г.].
 56. Н. Дингельштедтъ. Опытъ изученія ирригаціи Туркестанскаго края [изд. 1893 г.].
 57. Н. Б. Тейхъ. Историч. очеркъ устройства Ташкентской химической лабораторіи 1897.
 58. А. Кунъ. Нѣкоторыя свѣдѣнія о Ферганской долины. Воен. Сборн. 1876, № 4.
 59. Д. И. Романовскій. Замѣтки по Среднеазиатскому вопросу [1868 г.].
 60. А. Хорошинъ. Сборникъ статей, касающихся до Туркестанскаго края [1876 г.].
 61. М. Лыко. Очеркъ военныхъ дѣйствій 1868 г. въ Заравшанской долины. Воен. Сб. 1871, №№ 5—8.
 62. Черкасовъ. Защита Самарканда въ 1868 г. Воен. Сб. 1870, № 9.
 63. Зиновьевъ. Осада Ура-Тюбе и Джизака. Русск. Вѣсти. 1868, №№ 3—6.
 64. М. А. Терентьевъ. Россія и Англія въ Средней Азій [1875].
 65. » Россія и Англія въ борьбѣ за рынки.
 66. » Торговля Россіи въ Средней Азій. Записки Общ. Торг. и Пром. 1874.
 67. » Туркестанъ и Туркестанцы. Вѣст. Европы, 1875, № 9—11.
 68. » Торговая политика Англіи. Вѣстн. Европы.
 69. » Матеріалы для статистики средне-азіатской Россіи. Записки Имп. Р. Геогр. Общ. 1875.
 70. » Скайлеръ и Макъ-Гаханъ. Русск. Миръ, 1876, № 288.
 71. Ф. Мартенсъ. Россія и Англія въ Средней Азій.
 72. А. Н. Масловъ. Завоеваніе Ахаль-Теке [изд. 1882 г.].
 73. П. И. Хомутовъ. Исламъ въ его вліяніи на жизнь послѣдователей [переводъ].
 74. В. Н. Троцкий. Матеріалы для описанія Хивинскаго похода 1873 г. [изд. 1884 г.].
 75. Насьяновъ. „Воспоминанія“. Средне-Азіатскій Вѣстникъ, 1896 г., июль.
 76. В. А. Полтарскій. „Воспоминанія“. Ист. Вѣст., 1895, № 2.
 77. Е. Скайлеръ. Turkistan. By Eugene Schuyler. 1876.
 78. Хуттонъ. Central Asia from the Arvan to the Cosack. 1875.
 79. Макъ-Гаханъ. Военныя дѣйствія на Оксусъ и паденіе Хивы [переводъ, 1875 г.].

80. А. А. Майеръ. Годъ въ пескахъ. Очеркъ Ахаль-Текинскаго экспедиціи 1880—81 г. [изд. 1886 г.].
 81. А. В. Щербакъ. Ахаль-текинская экспедиція ген. Скобелева 1880—1881 г. [изд. 1884 г.].
 82. С. Смоленскій. Дѣло 20 казаковъ при мысѣ Чаграѣ 25 іюля 1870 г. Воен. Сборн. 1873 г. № 10.
 83. Русскій Туркестанъ. Сборникъ подъ редакціей Маева и Тронкаго.
 84. В. М. Воллярярскій. Воспоминанія ординарца о войнѣ 1877—78 гг. Рус. Стар. 1892, № 5.
 85. Верещагинъ. Дома и на войнѣ.
 86. Д-ръ Казанскій о Памирѣ.
 87. В. А. Туганъ-Мирза-Барановскій. Русскіе въ Ахаль-Теке 1879 г. [изд. 1881 г.].
 88. А. Ржевусскій. Отъ Тифлиса до Денгель-Тепе. Воен. Сбор. 1885 г. № 3.
 89. Вл. Череванскій. Подъ боевымъ огнемъ. Историч. хроника [изд. 1896 г.].
 90. Ег. Забѣлинъ. Разказъ мѣрнаго унтеръ-офицера объ Ахаль-текинскаго экспедиціи. Кронштадт. Вѣсти. 1882 г., №№ 120—121.
 91. С. Кодилицъ. Неудавшаяся экспедиція. Истор. Вѣст. 1900 г. Апрельъ.
 92. Бар. Бенуа-Мешанъ. Записки о мервскихъ туркменахъ 1883 г. Сборн. матер. по Азій вып. VI [переводъ].
 93. Бѣляевскій. Путь отъ залива Цесаревича черезъ Усть-Уртъ до Кунграда. Тамъ же томъ XV.
 94. Засѣданіе лондонскаго географ. общества 15 ноября 1882 г. Тамъ же, томъ XIII.
 95. Дунгана съ 1845 по 1869 г. изъ исторіи Кашгара Беллю. Тамъ же, т. XVI.
 96. Н. Гродековъ. Война въ Туркменіи. Походъ Скобелева въ 1880—81 г. [изд. 1884 г.].
 97. » Побѣдка ген. штаба полк. Гродекова черезъ Гератъ въ Афганістанъ. Сборн. по Азій т. V и VI.
 98. И. Я. Яворскій. Путешествіе русскаго посольства по Афганістану и Бухарскому ханству въ 1878—79 годахъ [изд. 1882 г.].
 99. Л. Соболевъ. Англо-афганская распря 1878—80 г. [изд. 1882 г.].
 100. В. Коростовцевъ. Нѣсколько словъ о горной долины Алай и о Памирѣ. Изв. Имп. Рус. Геогр. Общ. 1877 г., № 4.
 101. Н. А. Аристовъ. Англо-индійскій Кавказъ. Спб. 1900 г.
 102. Русск. Архивъ 1884 г. кн. 2-я [о генералѣ Безносиковѣ].
 103. Зап. И. Р. Геогр. Общ. 1863 г. т. I о соединеніи Чернаго и Каспійскаго морей.
 104. То же. 1869 г. т. II, по тому же вопросу.
 105. Скаловскій. О физико-географическихъ условіяхъ Черноморскаго бассейна въ связи съ вліяніемъ Босфора.
 106. Lettres du maréchal de Saint Arnaud. 1885 г.
 107. Чарльсъ Непиръ. Армія въ Индіи на походъ. Воен. журналъ 1850 г. № 111.
 108. А. Серебряковъ. Къ исторіи коканскаго похода. Воен. Сбор. 1901 г. № 10.
 109. Лазарь Будаговъ. Словарь турецко-татарскихъ нарѣчій.
 110. Германъ Вамбери. Sogataische Sprichstudien. Лейпцигъ 1867 г.
 111. Всеподданнѣйшіе отчеты туркестанскихъ генераль-губернаторовъ фонъ-Кауфмана, Розенбаха и Вревскаго.
 112. Годовые отчеты сыръ-дарьинскаго, заравшанскаго, ферганскаго и семирченскаго губернаторовъ.
 113. Секретное дѣло штаба туркест. воен. окр. 1871 г. № 1 объ экспедиціи къ Хивѣ.
 114. » » » » » 1878 г. № 34 объ отпускѣ полк. Гродекова.
 115. Дѣло того же штаба 1875 г. № 40 коканская экспедиція.
 116. » » » » 1876 г. № 25 то же.
 117. » » » » 1878 г. № 28 о посольствѣ въ Кабуль ген. Столѣтова.
 118. » » » » 1879 г. т. I № 54.
 119. » » » » 1882 г. № 47.
 120. » » » » № 1 по морскому отдѣленію (о флотилии).
 121. » » » » 1894 г. № 13 о разграниченіи Памировъ.

122. Дѣло канцеляріи туркест. ген.-губ. 1878 г. № 63 о посольствѣ ген. Столѣтова въ Кабуль.
123. Всеподданнѣйшій отчетъ ревизіонной комиссіи сенатора тайн. сов. Гирса [1882—1883 годовъ].
124. Архивъ туркест. военно-окр. суда 1896 г. № 37 о холерномъ бунтѣ.
125. „ „ „ „ „ 1898 г. о возстаніи туземцевъ въ Ферганской области.
126. Дѣло сыръ-дарьинскаго областного суда 1895 г. № 137 о подговорѣ къ бунту въ Ауліетахъ.
127. „ „ „ „ „ 1896 г. № 5 тоже.
128. „ „ „ „ „ правленія 1898 г. дознаніе о невинно осужденныхъ Керимъ-Алидр., доносившихъ о проповѣди газавата ишаномъ Израелемъ.
129. „ „ „ „ „ № 216 о злоупотребленіяхъ Савенковъ, Гуея и друг. 1878—1881 г.
130. Архивъ семирѣч. области правленія за 1898 г. №№ 56, 64, 65 и др. о стремленіи къ осѣдлости киргизовъ.
131. Взятіе Токмака и Пишпека. Воен. Сбор. 1860 г. № 11.
132. „ Яны-Кургана. Тамъ же 1861 г. № 12.
133. Отраженіе кокаидцевъ въ Зайлійскомъ краѣ подполк. Колпаковскимъ id. 1861 г. № 1.
134. Взятіе Ауліе-ата и Азрета. id. 1864 г. № 9.
135. „ Чимкента. id. 1864 г. №№ 11 и 12.
136. Дѣло подъ Иканомъ. id. 1865 г. №№ 3, 5 и 7.
137. Взятіе крѣп. Нязбека. id. 1865 г. № 7.
138. „ Ташкента. id. 1865 г. №№ 8 и 9.
139. Бухарскія дѣла. id. 1866 г. № 7.
140. Взятіе Ходжента. id. 1866 г. № 8.
141. Принятіе Ташкента въ русское подданство. id. 1866 г. № 11.
142. Взятіе крѣп. Ура-Тюбе и Джизака. id. 1867 г. № 1.
143. Дѣло 23 декабря 1880 г. id. 1881 г. № 10.
144. Полное Собраніе Законовъ т. XLIII, № 13649.
145. „ „ „ т. X. № 7347.
146. „ „ „ т. X. № 7514.
147. Топографія Оренбургская. Изд. 1762 г.
148. П. И. Дивова дневникъ (1838 годъ въ Петербургѣ). Р. Стар. 1902 г. Сентябрь.
149. Акад. Миддендорфъ. Очерки Ферганской долины.
150. „Новое Время“ 1903 года. Корреспонденціи изъ Андижана 21 января и 1 марта.

Тавшкент

Предисловіе.

Подъ именемъ Средней или Центральной Азіи разумѣютъ обыкновенно три ханства: Хивинское, Бухарское и Коканское. Но какъ въ различныя эпохи эти ханства представляли собою и различныя величины, то и географическій терминъ „Средняя Азія“ являлся понятіемъ растяжимымъ. Кочевники киргизы, туркмены и калмыки, то подчиняясь сосѣдямъ, то уходя отъ нихъ иногда за тысячи верстъ, занимали подъ свои лѣтовки и зимовки чужія земли, если никто имъ не мѣшалъ, а занятая мѣстность изобиловала кормами и водой. Если новый сосѣдь не дремалъ, то облагалъ данью прикочевавшихъ къ нему дикарей, которымъ перѣдко приходилось платить за лѣтовки одному, а за зимовки—другому сосѣду. Въ такихъ случаяхъ они назывались „двоеданцами“ и причислялись, по нашимъ свѣдѣніямъ, то къ Хивѣ, то къ Бухарѣ, то къ Кокану, то къ Китаю. Такимъ образомъ понятіе о Средней Азіи растягивалось: къ западу до Урала, къ сѣверу до границъ Сибири, къ востоку до Китая и къ югу до границъ Персіи и Афганистана. Этнографическій признакъ являлся непрочною и неустойчивымъ. Поэтому слѣдуетъ предпочесть признакъ терригоріальный и, если заключить обширную площадь въ рамку между 35 и 50 градусами сѣв. широты и между 70 и 95 восточной долготы (отъ перваго меридіана), то въ нее войдутъ какъ разъ всѣ названныя ханства съ туркменами и киргизами, кочующими не только въ предѣлахъ нынѣшняго Туркестанскаго округа и полунезависимыхъ ханствъ Хивы и Бухары, но, въ Персіи, афганскомъ Туркестанѣ и Западномъ Китаѣ.

Къ югу эта площадь будетъ граничить персидскимъ хребтомъ Эльбурсъ, афганскимъ Парамизомъ и Гиндукушемъ, вплоть до нашего Памира, а далѣе верстъ пятьдесятъ по китайскому Кюень-люню. Довольно сносная естественная граница.

Большая часть этой терригоріи завоевана нами, и теперешнія наши границы довольно удовлетворительны, но дошли мы до нихъ послѣ трехсотъ лѣтъ упорной борьбы. Много вынесла Рос-

сія грозныхъ набѣговъ со стороны дикихъ кочевниковъ, выходившихъ изъ той же Средней Азіи. Узкоглазая, скуластая, злая фигура давно знакома была нашимъ предкамъ. Но какъ только собралась и окрѣсла Русская земля.—она сама перешла въ наступленіе.

Приложенная къ настоящему труду историческая карта наглядно указываетъ постепенный ходъ нашего движенія на востокъ со времени царя Ивана Грознаго. Оставили свой слѣдъ въ Азіи цари: Федоръ Ивановичъ, Борисъ Годуновъ, Василій Шуйскій, Михаилъ Федоровичъ, Алексѣй Михайловичъ; императрицы: Анна и Екатерина II; императоры: Александръ I, Николай I, Александръ II, Александръ III и Николай II.

Старинные счеты сведены, твердый порядокъ заступилъ мѣсто своеволія и разбойничьихъ набѣговъ, границы безпокойныхъ сосѣдей отодвинуты отъ остальной Россіи до предѣловъ возможности, и сюда, какъ бы въ отместку за прежнія нашествія, хлынула изъ Россіи волна переселенцевъ.

Въ концѣ 1869 г. покойный Константинъ Петровичъ ф. Кауфманъ, тогдашній туркестанскій генераль-губернаторъ, поручилъ мнѣ составить „Исторію завоеванія Средней Азіи“, предполагая издать ее въ видѣ приложения, къ исторической части начатаго тогда обширнаго альбома Туркестанскаго края.

Оренбургскіе архивы были уже обстоятельно использованы А. Левшинимъ до 1832 г., Г. Л. Ивановимъ—до 1840 г., Н. Залѣсовымъ—до 1842 г., Н. А. Середой—до 1847 г.; поэтому матеріалы мнѣ приходилось собирать только въ мѣстныхъ туркестанскихъ архивахъ, ведущихъ свое начало съ 1847 г., т. е. со времени постройки перваго укрѣпленія на Сырь-дарьѣ, Раиша. Работа моя до того меня захватила, столько нашлось новыхъ, еще неизвѣстныхъ никому данныхъ, что остановиться на томъ или другомъ выборѣ было весьма затруднительно. Мнѣ все казалось важнымъ и цѣннымъ, всякая мелочь. Къ тому же и гигантскую борьбу вели не исполины, а скромные русскіе люди. Задавшись цѣлю воздать каждому по дѣламъ его, я не обходилъ ни одного, самаго скромнаго подвига, но реляціи всегда свѣрялъ съ частными донесеніями. Не стоить писать исторію, если не писать всю правду. Пусть передъ читателемъ пройдетъ живой человекъ со всеми его слабостями и ошибками: дѣло онъ сдѣлалъ, слѣдъ свой оставилъ, а что онъ былъ такой же, какъ и мы, такъ этимъ онъ намъ еще милѣе.

Чего стоятъ краснорѣчивыя реляціи,—вотъ примѣръ: 18 дек. 1853 года 13,000 кокандцевъ при 17 орудіяхъ вапали на недостроенный еще фортъ Перовскій; комендантомъ былъ подполковникъ Огаревъ (онъ же и нач. дѣв. фланга Сырь-дарьинской линіи); рѣшивъ встрѣтить кокандцевъ въ открытомъ полѣ, онъ по-

ручилъ капитану Шкупу 350 чел. пѣхоты и 190 казаковъ съ 4 орудіями произвести вылазку и разбить непріятеля „на вѣрное“, дѣйствуя „по потребности и благоразумію“. Шкупъ разбилъ кокандцевъ, взялъ ихъ лагерь и всю артиллерію. Въ реляціи Огарева однако подвигъ Шкупа затушеваетъ, выходитъ, будто всемъ ходомъ дѣла управлялъ Огаревъ, не выходившій изъ форта. Императоръ Николай произвелъ Огарева черезъ чинъ прямо въ генералы, а Шкупъ наравнѣ съ остальными офицерами, получилъ только слѣдующій чинъ... Въ архивѣ однако сохранилось предписаніе Огарева и рапорты участниковъ боя, по которымъ я и возстановилъ истину.

Ошибки и промахи также поучительны, хотя и отрицательною стороною; расплачиваться за нихъ приходится кровью и костями подчиненныхъ, поэтому повторяются они не должны. А между тѣмъ они повторяются и, напримѣръ, что продѣлалъ въ 1717 году Бекевичъ Черкасскій, то въ миниатюрѣ продѣлалъ въ 1871 году приставъ подполк. Рукниъ: такъ же отдѣлился отъ своихъ, перешелъ въ толпу непріятелей для переговоровъ „по-пріятельски“ и такъ же погубилъ свой отрядъ, хотя самъ живой не дался, а застрѣлился. Нѣтъ сомнѣнія, что Рукниъ, заурядный линейный офицеръ, никогда не слыхалъ даже о Бекевичѣ и его злоключеніяхъ. Мы знаемъ командира довольно крупной части, который былъ увѣренъ, что Ташкентъ взялъ Скобелевъ послѣ Геокъ-Тепе, а недавно, въ октябрѣ 1902 г., какой-то гвардейскій полковникъ за полную свою подпись объявилъ въ большой газетѣ, что Самаркандъ и Хиву взялъ Черняевъ! И это еще военные, въ нѣкоторомъ родѣ специалисты...

Итакъ, не желая быть рабомъ реляцій, я относился къ нимъ критически: панегириковъ я писать и не собирался, а правду высказать не боялся, мало заботясь о томъ, понравится ли это тому или другому изъ дѣятелей, прославленныхъ уже и превознесенныхъ на поляхъ Средней Азіи.

Желая воспользоваться рѣдкимъ для исторіографа случаемъ личнаго знакомства съ главными дѣятелями послѣднихъ войнъ, я представлялъ свой трудъ, кромѣ Кауфмана, еще и генераламъ Крыжановскому, Черняеву и Колпаковскому въ частяхъ, до нихъ касавшихся. Долженъ сознаться, что вполне доволенъ остался одинъ Колпаковскій... Ген. Кауфманъ, интересовавшійся въ особенности описаніемъ его Самаркандской экспедиціи 1868 г., былъ весьма недоволенъ моею „критикой“. Въ 1872 году я представилъ ему три тома оконченной „Исторіи“, доведенной до этого года. Краткое извлеченіе, въ видѣ описанія ряда штурмовъ и сраженій, съ планами и картами, было передано потомъ „для исправленія“ кому-то изъ офицеровъ генер. штаба и, куда дѣвалось, не знаю. Однакоже матеріалы, собранные мною по части диплома-

тических сношеній съ сосѣдними ханствами, я обработалъ впоследствии и, съ разрѣшенія ген. Кауфмана, издалъ въ 1875 г. въ видѣ двухъ отдѣльных трудовъ: 1) „Россія и Англія въ Средней Азій“ и 2) „Россія и Англія въ борьбѣ за рынки“.

Между тѣмъ началась Хивинская экспедиція, о которой всѣ ташкентцы столько мечтали и въ которую такъ рвались. Я былъ обойденъ назначеніемъ и векорѣ отчислился въ распоряженіе главнаго штаба и уѣхалъ изъ края. Только черезъ 23 года, въ 1895 г., я снова перешелъ на службу въ Ташкентъ и началъ продолжать „Исторію“. Завоеваніе Хивы, Кокана, Ахаль-Теке, диверсія противъ Остъ-Индіи, посольство въ Афганистанъ, передача Кульджи китайцамъ, бунтъ въ Ферганѣ, все это составило еще 4 тома и было окончено въ 1899 г.

Главные дѣятели послѣднихъ азіатскихъ войнъ, принесшихъ Россіи столько славы и земельныхъ приобрѣтеній, уже сошли со сцены: Кауфманъ, Скобелевъ, Крыжановскій, Романовскій, Колпаковскій и Черняевъ. Сошли въ могилу и второстепенные дѣятели, каковы: Абрамовъ, Головачевъ и Троцкій. Остались только тѣ, кто 30 лѣтъ тому назадъ были еще молодыми людьми и въ первыхъ рядахъ не стояли.

Казалось бы, пора поднять завѣсу, скрывающую отъ насъ подробности дѣяній нашихъ славныхъ военачальниковъ, но скрывающую также и ихъ ошибки. И то, и другое знать необходимо тому, кто хочетъ служить въ Средней Азій, руководясь добытымъ уже нашими предшественниками опытомъ и остерегаясь повторять прежнія ошибки. Съ каждымъ днемъ воевать становится труднѣе, а теперя и сосѣди у насъ уже не тѣ, что были 20 лѣтъ назадъ. А между тѣмъ третъестепенные дѣятели до сихъ поръ считаютъ „секретомъ“ передачу въ 1881 году Кульджи Китаю, потому что тогда переписка объ этомъ велась „секретно“. Нужды нѣтъ, что и манифестъ объ этомъ напечатанъ, и на всѣхъ картахъ географическихъ кульджинская провинція пририсована къ Китаю, а наши мудрецы думаютъ скрыть. На этомъ основанъ былъ отказъ сообщить мнѣ временно канцелярскую переписку о сдачѣ Кульджи изъ Омскаго архива.

Точно также посольство ген. Столѣтова въ Кабуль въ 1878 г.; нужды нѣтъ, что объ этомъ докторъ Яворскій напечаталъ правдивое и цѣнное повѣствованіе, нужды нѣтъ, что переписка дипломатической канцеляріи авганскаго эмира была захвачена англичанами и что самою причиною войны они торжественно объявили принятіе эмиромъ русскаго посольства и отказъ въ томъ же англичанамъ, а наши мудрецы никакъ не могутъ отвести глазъ своихъ отъ магическаго слова „секретно“, красующагося въ верхнемъ правомъ уголкѣ cadaго отношенія и рапорта... Рано еще говорить объ этомъ... русскимъ! Англичане давно и подробно все

знаютъ, даже договоръ Столѣтова захватили, а отъ русскихъ это надо скрыть?

Наше общество и наши правящія сферы, право, заслуживаютъ того, чтобы знать настоящую, не прикрашенную и не закрашенную правду, а кто не боится сказать ее въ глаза людямъ, отъ которыхъ зависѣлъ, тотъ еще менѣе будетъ стѣсняться съ людьми, отъ которыхъ уже не зависить.

Генераль-лейтенантъ Терентьевъ.

ГЛАВА I.

Движеніе Россіи на востокъ: Пермь (Варемія), Вятка, Казань, Астрахань, Сибирь. Россія на стражѣ Европы. Характеръ дальнѣйшаго движенія на востокъ. Племена, населявшія Заволжье. Башкиры (бесерги). Янскіе казаки. Калмыки. Казаки (кайсаки, киргизы). Дзюнгары. Очеркъ исторіи казаковъ до вступленія ихъ въ подданство Россіи. Очеркъ исторіи Дербень-ойратскаго союза до движенія Галдань-Цырена къ Сырь-Дарьѣ. Киргизы отступаютъ къ предѣламъ Россіи. — Просьбы хана Тявки, султановъ Каица и Абуль-Ханра, а также и хивинскаго хана о принятіи ихъ въ русское подданство.

Движеніе Россіи на востокъ началось еще во время татарскаго ига.

Великій собиратель земли русской Иванъ III (1462—1505), положивъ краеугольный камень нынѣшнему величію Россіи, сдѣлалъ и первый починокъ движенію на Востокъ: при немъ въ 1472 г. завоевана была Пермь (не Біармія ли это? *), а затѣмъ Вятка и земля Югорская (Сѣверо-Западная Сибирь). Распавшійся еще при Василии Темномъ (съ 1425—1462), Золотая Орда все еще претендовала на дань и на власть, но соперничество съ нею отдѣлившись отъ нея царствъ Казанскаго и Крымскаго, давало намъ возможность, союзомъ съ ними, парализовать предпримчивость Орды.

Задумавъ уничтожить и самую тѣнь постыднаго ига, Иванъ III заключилъ союзъ съ Менгли-Гиреемъ крымскимъ, разорвалъ грамоту [сарайскаго хана Ахмата и прогналъ его пословъ. Ахмать также обезпечилъ себя союзомъ съ Казиміромъ IV литовскимъ, но крымцы напали на Литву и тѣмъ отвлекли ее отъ содѣйствія Золотой Ордѣ, а русскія дружины, съ другими партіями крымцевъ, напали на Сарай и разорили его. Главныя же силы Россіи

*) Нѣкоторые исторіографы, подѣль Біарміей, разумѣютъ нынѣшнюю Архангельскую губернію, а Пермь и землю Югорскую считаютъ за одно и то же. Скандинавскіе анналы (лѣтописи) указываютъ, правда, на покореніе Біарміи Новгородомъ, причемъ разумѣютъ Архангельскую и Вологодскую губерніи, но сходство именъ соблазняетъ согласиться съ тѣми, которые производятъ Пермь отъ Біарміи, переименованной въ Варемію и затѣмъ, можетъ быть, въ Вармію, Пармію, Пермію и Пермь. Если и теперь Архангельская губернія населена весьма слабо, то 400 лѣтъ назадъ, конечно, еще слабѣе и потому яблокомъ раздора между Новгородомъ и Москвою едва-ли могла быть, тогда какъ нынѣшняя Пермь, кромѣ дорогихъ мѣховъ, доставляла и серебро изъ Югорской земли.

и Орды, простоявъ другъ передъ другомъ до поздней осени и не рискнувъ первыми перейти раздѣляющую ихъ рѣку Угру, мирно разошлись 7 ноября 1480 года. Этотъ день и считается послѣднимъ днемъ ига. Окончательный же ударъ Кипчакскому царству нанесенъ былъ вѣрнымъ союзникомъ нашимъ, Менгли Гиреемъ, въ 1502 году.

Съ устраненіемъ стараго врага отношенія наши къ Казани *) и Крыму измѣнились: не стѣсняемые болѣе заботами о собственной безопасности, эти сосѣди производили непрерывные разбойничьи набѣги на пограничныя наши области. Хотя воеводы Ивана III и привели Казань въ зависимость отъ Москвы, но казанцы при каждомъ удобномъ случаѣ отъ нея отказывались. На оставшійся въ 1518 году вакантнымъ престолъ казанскій Василий назначилъ одного изъ „служебныхъ“ царевичей**), Шигъ-Алея, но партія крымская спеслась съ Махметъ-Гиреемъ, который въ 1521 году напалъ врасплохъ на Россію, распутившую свои ополченія, и дошелъ до самой Москвы. Казань, раздираемая борьбою партій, снова подчинилась Россіи только черезъ 30 лѣтъ, но, когда ей опять навязали того же Шигъ-Алея, то она снова отложила и призвала на престолъ крымскаго царевича Эдигера. Тогда Иванъ IV рѣшился покончить съ Казанью. Да и пора было. Русь уже собралась въ могучее цѣлое присоединеніемъ къ Москвѣ Великаго Новгорода (1478 г.), Твери (1485 г.), Смоленска (1514 г.) и Рязани (1517 г.); терпѣть долѣе набѣги и своеволие татаръ было не для чего.

Въ 1552 году самъ Грозный съ 150.000 русскихъ (въ томъ числѣ были и стрѣльцы,—только что учрежденное постоянное войско) осадилъ Казань и взялъ ее 2 октября приступомъ черезъ брешь, образованную взрывомъ сильной мины (48 бочекъ пороху).

Черезъ 4 года, т. е. въ 1556 г., присоединено, и безъ труда, слабое Астраханское царство, возникшее было на развалинахъ Золотой Орды.

*) Въ Средней Азійи есть преданіе, что Казань построили каракалпаки, но потомъ были вытѣснены ногаями и ушли къ Аральскому морю. Въ договоръ Игоря съ греками есть статья, которою русскіе обязались не допускать движенія черныхъ болгаръ съ Волги на Грецію. Кара значитъ черный,—не каракалпаки ли это были?

**) Въ XIV и XV вв. изъ Золотой Орды выходили нерѣдко знатные мурзы и царевичи и поступали, съ дружинами своими, на службу къ тому или другому русскому князю. Правительство московское поселяло этихъ служебныхъ татаръ на юго-восточныхъ границахъ, возлагая на нихъ обязанность защищаться отъ набѣговъ другихъ татаръ. Такъ создано на берегахъ Оки ханство Касимовское, названное по имени служебнаго царевича и состоявшее въ ленной зависимости отъ московскаго великаго князя.

Крымскіе ханы, однакоже, предъявили притязанія на Казань и Астрахань,—отсюда рядъ кровавыхъ набѣговъ и войнъ, продолжавшихся 230 лѣтъ до 1783 года, когда Таврической полуостровъ былъ присоединенъ, наконецъ, къ Россіи.

Вслѣдъ за покореніемъ Астрахани, царь послалъ въ 1567 г. двухъ казацкихъ атамановъ, Петрова и Яличева, съ Урала черезъ Байкаль въ Пекинъ. Они дошли до Японскаго моря и воротились хорошо ознакомленными съ сибирскими татарами.

Къ концу царствованія Ивана Грознаго Россія шагнула за Камениый поясъ, какъ тогда называли Уральскій хребетъ.

Въ пустынномъ и дикомъ пермскомъ краѣ только что заходились тогда русскія поселенія. Одному богатому купцу, Строгонову, посчастливилось получить отъ царя владѣнную запись на пустыя земли между р.р. Камой и Чусовой, что составляетъ почти половину нынѣшней Пермской губерніи. Строгоновы обязались заселить эти земли, завели здѣсь соляныя варницы и получили право, для защиты края отъ сосѣдей, строить крѣпости, имѣть цушки и держать собственныя войска. Такимъ образомъ Строгоновы сдѣлались какъ бы ленными владѣтелями довольно обширной страны.

Наемныя войска ихъ состояли изъ всякаго сброда: тутъ были и русскіе, и татары, и плѣнные нѣмцы, и литовцы, но ихъ едва хватало для одной только пассивной обороны отъ набѣговъ уральскихъ татаръ, основавшихъ по Иртышу независимое владѣніе, съ главнымъ городомъ Искеромъ или Сибирью.

Чтобы дать добрую острастку этой Сибири, нашимъ слѣдовало самимъ перейти за хребетъ и поразить разбойника-сосѣда въ самое сердце. Строгоновы такъ и рѣшили. Они пригласили къ себѣ на службу одну изъ разбойничьихъ шаекъ, спасавшуюся на Камѣ отъ царскихъ войскъ. Это была шайка Ермака, состоявшая изъ донской вольницы, грабившей по Волгѣ и своихъ, и чужихъ.

Нападеніе на персидскихъ и бухарскихъ пословъ, плывшихъ по Волгѣ въ Москву, вынудило царя принять противъ разбойниковъ крутыя мѣры: казаковъ ловили, казнили, и стали казаки разбѣгаться, какъ волки. Понятно, съ какою радостью приняли осужденные на казнь люди предложеніе Строгоновыхъ, и какъ усердно служили они своимъ кормильцамъ: они не только обороняли городки отъ набѣговъ вогуличей, вотяковъ и пелимцевъ, но и сами дѣлали набѣги на этихъ „желтокожихъ“.

Понятно также, что Грозный не могъ быть равнодушнымъ къ такому исходу дѣла: его подданные Строгоновы даютъ пріютъ и хоятъ людей, обреченныхъ имъ на казнь, укрываютъ враговъ государства и ни во что не ставятъ царскіе указы и т. д.

Грозный однакоже молчалъ до поры до времени.

Лѣтомъ 1581 г. Строгоновы предложили Ермаку перевалить за Каменный поясъ и наказать хана Кучума. Предпріятіе это, задуманное безъ вѣдома и позволенія Москвы, было чрезвычайно смѣло: преувеличенное понятіе о силѣ и значеніи инородцевъ, господствовавшее тогда въ Москвѣ, которая даже остяцкихъ и вогульскихъ мурзъ считала князьями, а Кучума—самимъ сибирскимъ царемъ, грозило Строгоновымъ, въ случаѣ неудачи, большою бѣдою. Какъ нарочно, въ тотъ самый день, 1 сентября 1581 г., когда Ермакъ съ партіей въ 840 человекъ (въ томъ числѣ до 300 плѣнныхъ литовцевъ, нѣмцевъ и татаръ) двинулся на Сибирь,—въ тотъ же день толпы дикарей-вогуличей, собранныхъ пелымскимъ княземъ, напали на Чердынь и на строгоновскія земли. Иванъ Грозный отнесся къ предпріятію, какъ и слѣдовало ожидать, весьма строго. „Это случилось по вашей измѣнѣ,—писалъ царь Строгоновымъ,—вы вогуличей, вотяковъ и пелымцевъ отъ нашего жалованья отвели, ихъ задирали... потому призвали къ себѣ волжскихъ атамановъ и воровъ, наняли ихъ въ свои остроги безъ нашего указа... Имъ было вины свои покрыть тѣмъ, что Пермскую землю оберегать; а они вмѣстѣ съ вами и сдѣлали точно такъ же, какъ на Волгѣ: въ тотъ самый день, въ который приходили къ Чердыни вогуличи, 1 сентября, отъ тебя изъ остроговъ Ермакъ съ товарищами воевалъ вогуличей, а Пермь ничѣмъ не пособили. Все это сдѣлалось вашимъ воровствомъ и измѣною... А не вышлете изъ остроговъ своихъ въ Пермь волжскихъ казаковъ, атамана Ермака Тимофѣева съ товарищами, и станете держать ихъ у себя, а пермскія мѣста не будете оберегать, и если такую вашею измѣною что впродъ случится надъ пермскими мѣстами отъ вогуличей, пелымцевъ и сибирскаго салтана,—то мы за то на васъ опалу свою наложимъ большую, атамановъ же и казаковъ, которые слушали васъ и вамъ служили, а нашу землю выдали, велимъ перевѣшать“. Грозный шутить не любилъ, и потому нетрудно сообразить, чѣмъ рисковали Строгоновы: подозрѣніе въ государственной измѣнѣ грозило имъ плахой!

Дѣло однако же было сдѣлано: Ермакъ перешелъ Каменный поясъ и, плывя на стругахъ изъ рѣки въ рѣку (Чусовая, Серебрянная, Жаровля, Тура) углубился въ нѣдра Сибирскаго царства. Огнестрѣльное оружіе, неизвѣстное дотолѣ сибирцамъ, навело на нихъ панической ужась. Ханъ Кучумъ, побитый въ нѣсколькихъ схваткахъ, покинулъ столицу и бѣжалъ въ стени; казаки вступили въ пустой городъ Сибирь 26 октября, а весною захватили въ плѣнъ и родственника ханскаго, знаменитаго богатыря Мегметкула. Ермакъ послалъ въ Москву товарища своего, атамана Кольцо, который и ударилъ челомъ, т. е. поклонился Ивану Грозному, всѣмъ Сибирскимъ царствомъ. Грозный не только простилъ

казакамъ прошлыя вины и одарилъ ихъ, поступивъ въ этомъ случаѣ совсѣмъ не по обычаю: грозный самодержецъ принялъ въ своихъ палатахъ приговоренныхъ къ смерти разбойниковъ, прибавившихъ къ прежнимъ винамъ еще новую: самовольное завоеваніе сосѣдняго царства! Государственный смыслъ, подсказавшій впоследствии Екатеринѣ II знаменитое: „побѣдителя не судятъ“, былъ всегда силенъ въ Москвѣ и предохранилъ самодержца отъ излишняго увлеченія дисциплиной.

Въ годъ смерти Грознаго погибъ и Ермакъ. Бурная почъ и безопасность казаковъ дали Кучуму возможность пробраться въ самый лагерь русскихъ. Захваченные врасплохъ, казаки все-таки отбились, но потеряли при этомъ Ермака, который, какъ искусный пловецъ, хотѣлъ было переплыть Иртышъ, но тяжело-вѣнный подарокъ Грознаго—кольчуга, увлекла его на дно.

Послѣ этой катастрофы всѣ покоренныя племена возстали, и казаки выпущены были уйти назадъ въ Россію, гдѣ соединились съ царскими воеводами и тогда снова взяли Искеръ.

Впоследствии русское правительство обезпечило за собою новопокоренную страну возведеніемъ крѣпостей: Тобольска въ 1587 г., Томска въ 1604 г., Якутска въ 1632 г., Нерчинска въ 1653 г. и Иркутска въ 1669 г. Двигались двумя путями: сѣвернымъ, отъ Мангазеи, атаманъ Елисей Буза спустился по Ленѣ до ея устья и дошелъ до Индыгирки; Копыловъ въ 1639 г. дошелъ до Охотскаго моря; Стадухинъ въ 1644 г. дошелъ до р. Колымы; Игнатъевъ въ 1646 г., берегомъ Ледовитаго океана, добрался до Чаунской губы; Дежневъ въ 1648 г. обогнулъ на лодкахъ восточную оконечность Азіи, убѣдился, что она не соединяется съ Америкой, а раздѣлена отъ нея проливомъ и, наконецъ, открылъ р. Анадырь. Отсюда казаки Атласова прошли въ 1696 г. въ Камчатку. Дальше идти было некуда.

Южнымъ путемъ, отъ Томска, атаманъ Колесниковъ дошелъ въ 1643 г. до Байкала. Тогда же Поярковъ пошелъ вверхъ по Алдану, притоку Лены, перевалилъ черезъ Становой хребетъ и спустился по Зеѣ въ Амуръ, а въ 1644 г. дошелъ до его устья. Назадъ отправился Охотскимъ моремъ, перевалилъ черезъ Становой хребетъ, подходящій здѣсь къ берегу, и по Алдану и Ленѣ соединился съ оставшимися на Байкалѣ. Бассейнъ Амура изслѣдованъ въ 1650—1654 гг. Хабаровымъ, открывшимъ Аргунь, Селенгу, Ингоду. Такимъ образомъ черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ появленія русскихъ за хребтомъ вся сѣверная Азія уже принадлежала Россіи по самую Камчатку. Обратимся теперь къ средней Азіи.

Вскорѣ по завоеваніи Казани башкиры (бесерги), бывшіе до того данниками татаръ, приняли подданство Россіи; однако ничуть не стѣснялись дѣлать на нее набѣги. Русскіе вынуждены

были, наконецъ, возводить укрѣпленія вокругъ пограничныхъ селъ и даже непрерывные валы отъ села къ селу.

Такимъ образомъ, одолѣвъ одного врага, Россія тотчасъ же должна была справляться съ другимъ: за Золотой Ордой надо было одолѣвать Казань, за Казанью—башкиръ и т. д.; въ этомъ какъ будто и состоитъ ея дальнѣйшее призваніе: орда за ордою является къ ея предѣламъ, стучится, такъ сказать, въ дверь Европы, но суровый стражъ безцеремонно выпроваживаетъ непрошеннаго гостя. Съ этихъ поръ даже и до слуха Европы не доходить зловѣщій гулъ „великихъ переселеній“, вооруженныхъ народовъ, но до нея не доходятъ также и стоны нашихъ пограничныхъ селъ, къ которымъ прислушивается, съ которыми страдаетъ только одна Россія.

Кипчаки, башкиры, калмыки и киргизы, по очереди, разбились о пезыблемую мощь русскаго народа, избавившаго себя, а съ тѣмъ вмѣстѣ и Европу отъ ужасовъ нашествія дикихъ ордъ, способныхъ напомнить и Аттилу, и Батыя.

Отбиваясь отъ дикарей, Россія, или, еще точнѣе, какой-нибудь Новошешинскъ, заботился, конечно, только о самомъ себѣ, а объ Европѣ и не помышлялъ, но этотъ Новошешинскъ и не искалъ „ни благодарности, ни славы“, какъ не искали наши соплеменники чехи и мораване, побившіе монголовъ въ 1241 году подъ Оломуцомъ и тѣмъ спасшіе и себя, и Европу отъ погрома!

Исторія дальнѣйшаго движенія нашего на востокъ характеризуется, въ общихъ чертахъ, такимъ образомъ: сосѣдство съ дикими, не признающими ни международныхъ и никакихъ правъ, кромѣ права силы, выпуждало насъ укрѣплять границы линіею крѣпостей; подъ защиту этихъ крѣпостей являлись, по временамъ, съ просьбою о правахъ гражданства, т. е. о защитѣ, дикія племена, тѣснимыя болѣе сильными; эти новые подданные черезъ нѣсколько времени оказывались хуже враговъ; намъ приходилось или задавить ихъ окончательно, или прогнать, но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ необходимо было оцѣнить занятую ими территорію рядомъ новыхъ укрѣпленій,—являлась, значитъ, новая линія. Въ старыя времена это называлось чертою. Напримѣръ, „Закамская черта“ проведена была отъ Волги по рѣкѣ Черемшанѣ, а далѣе черезъ степи. Устроены были валы и засѣки изъ срубленныхъ деревьевъ съ заостренными вѣтвями. По чертѣ строились остроги, т. е. поселки, обнесенные заборомъ изъ толстыхъ бревенъ, вбитыхъ въ землю стоймя и заостренныхъ сверху. Эти острога-города заселены были при Алексѣѣ Михайловичѣ плѣнными поляками. Отъ набѣговъ ногайцевъ и крымскихъ татаръ также выводили линіи изъ непрерывныхъ валовъ. До сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Воронежской губерніи, какъ, напримѣръ, въ Вирюченскомъ уѣздѣ, сохранились

слѣды длиннаго вала, составлявшаго когда-то черту. Такъ перекатными линіями и подвигается Русь на востокъ въ тщетной погонѣ за спокойствіемъ. И не найдетъ она этого спокойствія, пока не дойдетъ до народа, уважающаго договоры, народа настолько цивилизованнаго, чтобы не жить грабежемъ и разбоемъ, и настолько сильнаго, чтобы не допускать нарушенія нашихъ границъ разбойничьими набѣгами своихъ шаекъ. Такая, созданная степями и дикими ордами, а нами поневолѣ принятая программа примѣнена впервые къ башкирамъ. Когда ни укрѣпленія селъ нашихъ, ни даже непрерывные валы не въ состояніи были удержать ихъ отъ набѣговъ и разбоевъ, — рѣшено было оцѣпить ихъ укрѣпленіями. Все подданство башкиръ состояло въ томъ, что тарханы, т. е. обѣльные, освобожденные отъ податей, служили въ военной службѣ, а остальные платили ясакъ. Въ 1729 году башкирамъ даны разныя льготы; главною они сами считали освобожденіе ихъ отъ власти казанскаго воеводы и подчиненіе прямо сенату. Когда въ 1734 г. явилось посольство Абуль-Хаира, хлопотать о постройкѣ города на р. Ори, то Кириловъ, оберъ-секретарь сената, подалъ проектъ о томъ, что на Ори надо строить не крѣпость, а торговый городъ въ виду того, что отъ р. Ори пойдетъ колонизація въ башкирскую землю, и потому нельзя содѣйствовать примиренію башкиръ съ киргизами*).

Нуждаясь въ торговыхъ сношеніяхъ съ русскими, башкиры и сами просили построить города среди ихъ кочевій. Въ 1734 году возникли такимъ образомъ Уфа и Самара. Башкиры, конечно, и не подозревали, что сами надѣли на себя узду; до тѣхъ поръ ихъ набѣги и грабежи вызывали съ нашей стороны только пассивныя мѣры, вродѣ укрѣпленія селъ, возведенія непрерывнаго вала и т. п., а съ этого времени набѣги ихъ влекли уже за собою жестокую кару.

Этотъ, нынѣ смиренный и какъ будто придавленный, народъ причинялъ прежде Россіи большія безпокойства: такъ, съ 1676 г. три года усмирялъ ихъ воевода Зеленинъ, въ 1707 г. они опустошили все земли до Казани, а съ 1735 г., когда уфимскій воевода Сергѣевъ, при помощи истязаній и пытокъ, вымучилъ съ ясачныхъ башкиръ болѣе положеннаго, то начался новый бунтъ продолжавшійся 6 лѣтъ. Они разоряли новостроившуюся линію по Яику (Уралу) изъ ряда крѣпостей, хотя это было предпринято съ цѣлью прекратить постоянныя баранты между киргизами и башкирами. Замѣчательно, что въ томъ же году, до начала бунта, сибирскій воевода Татищевъ сообщилъ изъ Кунгура въ Казань, что башкиры что-то замышляютъ и что у татаръ проис-

* Полн. Собр. Зак. IX, №№ 6504 и 6571.

ходятъ какіе-то съѣзды и совѣщанія. Кириловъ, бывшій въ это время уже начальникомъ края, обидѣлся, что Татищевъ сообщилъ это извѣстіе не ему, а постороннему, такъ сказать, воеводѣ, и сталъ доносить въ Петербургъ, что все это вздоръ, и съ своей стороны не принималъ никакихъ мѣръ. Заложивъ г. Оренбургъ, онъ однакоже долженъ былъ ретироваться въ Уфу, такъ какъ начался башкирскій бунтъ. Тевкелевъ, оставленный у новаго города, едва отбился отъ бунтарей, сжегъ 50 ауловъ, и въ томъ числѣ одинъ амбаръ, въ которомъ укрылись 105 человекъ башкиръ; многихъ плѣнныхъ предалъ казни. Однако этими мѣрами онъ еще пуще озлилъ башкиръ, и возстаніе усилилось. Присланы были новыя войска, подъ начальствомъ генерала Румянцева (отецъ Задунайскаго), и къ июню 1736 г. большая часть Башкиріи была выжжена, но не усмирена. Присланный на смѣну ген. Хрущовъ забиралъ отъ башкиръ заложниковъ, но такъ какъ бунтъ продолжался, то заложниковъ предавали смерти. Со стороны Сибири двинулся, наконецъ, и Татищевъ: онъ отбиралъ у кочевниковъ оружіе и заставлялъ ихъ присягать на Коранѣ. Въ сто Хрущова присланъ былъ Соймоновъ.

Бунтъ этотъ стоилъ башкирамъ до 30,000 убитыми. Часть башкировъ однако возмущалась еще и въ 1755 г. при Неплюевѣ, и до 10,000 ихъ ушло въ киргизскую степь, но Неплюевъ объявилъ ихъ вѣдъ закона и подарилъ киргизамъ ихъ женъ и дѣтей, что повлекло къ поголовному истребленію мужчинъ, оставшіеся же въ живыхъ принуждены были возвратиться.

Какъ ни жестоки кажутся подобныя мѣры, но если въ теченіи двухсотъ лѣтъ болѣе кроткія мѣры повели только къ тому, что пришлось, наконецъ, прибѣгать къ жестокости, то это одно уже служить ей оправданіемъ. Что касается вопроса о томъ, до какой степени было политично возбуждать одинъ народъ на другой, то объ этомъ мы скажемъ при изложеніи подробностей, — здѣсь же ограничимся только тѣмъ доводомъ, что если башкиры и киргизы не умѣли, не годились быть подданными, — надобно было сумѣть извлечь изъ нихъ пользу, хотя какъ изъ союзниковъ.

Часть допскихъ казаковъ еще въ XVI вѣкѣ заняла долину р. Яика (что нынѣ Уралъ), а въ царствованіе Михаила Федоровича эти, уже яцкіе, казаки подчинились царю. При Аннѣ Иоанновнѣ положено начало оренбургской линіи, т. е. ряду крѣпостей по Яику и его притокамъ, что отрѣзало Башкирію отъ азиатскихъ степей и тѣмъ закрѣпило ее за Россіей, а съ другой стороны избавило ее отъ набѣговъ казаковъ, или, по нашему, киргизовъ.

Обширныя степи юговосточной Россіи между рѣками Ураломъ, Волгою и Дономъ, гдѣ кочевали остатки знаменитой когда-

то Золотой Орды, были заняты, въ 1630 г., калмыками, перешедшими сюда съ Эмбы и Урала, въ числѣ 50,000 кибитокъ. Такимъ образомъ въ началѣ XVIII вѣка заволжскія степи представляли слѣдующую картину: Уфа, Самара и низовья Яика заняты русскими, нынѣшняя Оренбургская губернія — башкирами, теперешнія земли башкирскаго войска — монгольскими и финскими племенами: мордва, чувашаи, черемиссы, вотяки, мещеряки, тептяри и проч.; за башкирами сидѣли казаки, или, по нашему, киргизы; по восточному берегу Каспія туркмены; наконецъ, по Волгѣ и по обѣ стороны Яика — калмыки.

Почти весь сѣверъ Азіи (до Камчатки) занятъ былъ также русскими: Tobольскъ, Томскъ, Нерчинскъ и Иркутскъ были крайними изъ центровъ нашего населенія; ближайшими сосѣдями нашими были тутъ казаки и дзюнгары.

Подпавъ владычеству Чингиза, казаки достались, по его смерти въ удѣлъ сыну его Джучи и, принадлежа къ Золотой Ордѣ, имѣли однакоже собственныхъ хановъ, т. е. пользовались нѣкоторою самостоятельностью.

Междоусобія, возникшія между потомками Чингиза, повлекли за собою паденіе Золотой Орды (и усиленіе узбековъ, овладѣвшихъ Мавераннагромъ *) и Харезмомъ (или Хивою), но владычеству ихъ подпали не все, волновавшіеся отъ безначалія народы. Нѣкоторые соединились съ крымскими татарами, другіе съ могуль-улусомъ, третьи съ казанскими татарами, четвертые, наконецъ, съ казацкою ордою или казаками. Когда же впоследствии и узбеки раздѣлились, то многія ихъ отрасли **) влились въ составъ казацкаго народа. Такимъ образомъ въ началѣ XVI столѣтія въ степяхъ Кипчака и Чете появились два сильныхъ владѣнія: первое улусъ-могуль, подъ владычествомъ хана Далама, второе — владѣніе казацкаго хана Арслана, который столь былъ могущественъ, что могъ выставить 400,000 готоваго къ бою войска.

Ученые оріенталисты, основываясь на джагатайскомъ подлинникѣ записокъ извѣстнаго Бабера-Мурзы, полагаютъ, что названіе „казакъ“ дано народу за его образъ жизни, такъ какъ это слово у Бабера употребляется въ значеніи бродяги (производныя отъ него: казаклыкъ — бродяжничество, казакламакъ — бродяжничать, скитаться), но скорѣе можно принять, что эти новыя слова произведены отъ названія племени, а не наоборотъ, точно также, какъ и мы употребляемъ слова: казачество въ смыслѣ казаклыкъ и казаковать (вести себя по-казацки) въ смыслѣ казакламакъ.

*) Заръчіе — трансоксанія.

**) Кипчаки, кайманы, конрады, джалаиры, каллы и др., названія которыхъ до сихъ поръ носятъ многіе киргизскіе роды Туркестанскаго края.

Какимъ же образомъ произошло, что народъ, самъ себя называющій казаками, известный подъ этимъ же именемъ у всѣхъ азиатскихъ народовъ *), только у насъ слыветъ подъ названіемъ киргизовъ?

Имя киргизъ слышится въ самой отдаленной древности. Абулгази упоминаетъ о енисейскихъ киргизахъ, какъ о народѣ сильномъ, жившемъ задолго до Чингиза.

Объ этихъ киргизахъ до нашего съ ними столкновенія, т. е. до XVI вѣка, мы ничего не знаемъ. Съ этого же времени до конца XVII вѣка мы безпрерывно сталкиваемся съ ними, то какъ съ друзьями, отдавшимися подъ власть Россіи и платящими ясакъ (1629 г.), то какъ съ врагами, намъ измѣнявшими и грабившими наши села.

Монголы и джунгары, старавшіеся подчинить себѣ енисейскихъ киргизъ, дѣлали на нихъ частые набѣги, отбивали (барантовали) скотъ и проч. Киргизы съ избыткомъ вознаграждали себя на сибирскихъ, пограничныхъ съ ними, селахъ. Мы естественно принимали противъ нихъ кое-какія мѣры, и киргизы скоро очутились въ весьма затруднительномъ положеніи.

Кончилось тѣмъ, что значительная часть киргизовъ была истреблена, остальные бѣжали къ югу, но гдѣ поселились, неизвѣстно.

Объ этомъ переселеніи, или, вѣрнѣе, исчезновеніи енисейскихъ киргизовъ, упоминаютъ и плѣнные шведскіе офицеры, сосланные въ Сибирь въ началѣ XVIII столѣтія. Проще всего предположить, что этотъ, измученный сосѣдями, народъ бросилъ свои земли и влился въ среду того кочевого братства казаковъ, въ которое вливались всѣ народности, терпѣвшія насиліе отъ прежнихъ своихъ властителей, или отъ сосѣдей. Это предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что и по настоящее время между сибирскими кочевниками и въ Семирѣченской области есть нѣсколько отдѣльныхъ родовъ, носящихъ имя „киргизъ“.

Однакоже набѣги енисейскихъ киргизовъ на сибирскіе города и селенія сдѣлали имя ихъ до того страшнымъ и ненавистнымъ, что русскіе стали безразлично давать его и другимъ дикарямъ-кочевникамъ, которые, послѣ киргизовъ, наиболѣе вредили пограничнымъ областямъ Сибири, хотя кочевники эти были казаки.

Весьма легко можетъ статься, что названіе киргизъ-кайсакъ обязано своимъ происхожденіемъ желанію русскихъ отличить чѣмъ-нибудь казаковъ-ордынцевъ отъ казаковъ-русскихъ.

Со времени завоеваній монголовъ киргизская степь дѣлается убѣжищемъ разныхъ бѣглецовъ изъ покоренныхъ ханствъ. Члены

*) Китайцы ихъ называютъ: х а с а к ъ. Не отсюда ли произошло названіе города Хан-хасакъ? Слово въ слово это будетъ „южные казаки“.

владѣтельныхъ фамилій, спасаясь, съ приближенными своими, въ необозримыя степи, пристраивались къ вольнымъ братствамъ и часто становились ихъ предводителями въ набѣгахъ. Съ помощію подобранной партіи разныя князьки проникали въ самыя отдаленныя страны и основывали тамъ независимыя ханства.

Такъ, въ концѣ XV вѣка пробрался въ Тюмень ханъ Шейбани изъ дома, царствовавшего въ Самаркандѣ и Бухарѣ; за нимъ въ Сибири появились и другіе средне-азиатскіе выходцы, которые и основали здѣсь нѣсколько княжествъ. Таковы были татарскія княжества Эдигера, Чингя, Епанчи. Позже сюда явился и Кучумъ, утвердившійся на Искерѣ и внесшій сюда мусульманство.

Живя набѣгами, казаки промышленяли главнымъ образомъ торговлей плѣнными. Въ то время и до конца прошлаго столѣтія казаки были такими же поставщиками рабовъ, какъ потомъ были туркмены. Грабежи каравановъ, нападенія на перекочевку чужого рода и, наконецъ, палеты на осѣдлое населеніе сосѣднихъ государствъ—были дѣломъ весьма обыкновеннымъ. Русскія деревни часто не досчитывались того или другого хозяина: казаки рыскали, какъ хищные волки, отхватывая неосторожно отдалившуюся отъ стада овцу. Русскихъ плѣнныхъ продавали въ Туркестанъ и, наоборотъ, туркестанцевъ сбывали въ Ямышевѣ и въ крѣп. Св. Петра. Времена смутъ въ Средней. Азій, каковы войны джунгарскія, каракашакскія, набѣги Аблая *), движеніе калмыковъ въ 1771 году изъ Россіи въ Китай и т. п., — выражались обыкновенно переполненіемъ нашихъ укрѣпленій продажными рабами. Цѣна ихъ въ это время значительно понижалась: такъ, въ 1757 году послѣ разгрома Джунгаріи „холопы“ продавались по 12 р. или вымѣнивались: на мерина съ придачею отъ 1 р. до 6 р., на сѣрый сермяжный зипунъ, на 5 юфтовыхъ кожъ (цѣною на 7 рубл.), на 5 арш. краснаго сукна, цѣною на 5 рублей и т. п. Наши казаки (войсковые) ипогда и сами дѣлали набѣги на киргизскіе улусы и выводили „половъ“. Коменданты, офицеры и чиновники разбирали плѣнныхъ „въ услуженіе“ и тотчасъ крестили, потому что правительство крещенныхъ никогда въ степь не возвращало. Крещеніе вводило челоуѣка въ сословіе вѣчныхъ рабовъ...

Торговля рабами прекращена въ Сибири только Сперанскимъ.

Казаки-киргизы управлялись своими ханами. Наиболѣе извѣстные между ними были Тевеккель и Текей, или, по нашему, Тявка. Тевеккель послѣ смерти отца своего въ 1582 г.

*) Въ особенности знаменитъ его набѣгъ въ верховья Чернаго Иртыша. Киргизы опустошили весь Алтай, шайки ихъ доходили до р. Катуня, въ Тарбагатаѣ проникали за камень Заиръ, въ Джунгаріи дошли до Мусарта или Ханъ-Тенгри (въ 1757 году).

тогда же отложился от Бухары и ушелъ къ себѣ, въ Дешти-Кипчакъ. Въ 1586 г. (а по мусульманской эрѣ въ 994 году) онъ вздумалъ было воспользоваться войною бухарцевъ съ южными ихъ сосѣдями, но послѣ первыхъ успѣховъ вынужденъ былъ бѣжать. 1588 годъ былъ для Тевеккеля счастливѣе: вспыхнувшее въ Ташкентской области возмущеніе дало ему возможность осадить Ташкентъ и разбить на голову высланныя противъ него знаменитымъ Абдулла-Ханомъ бухарскія войска. Въ этомъ же году воевода Чулковъ взялъ въ плѣнъ, вмѣстѣ съ сибирскимъ царемъ, и племянника Тевеккеля, Уразъ-Мухамета, котораго и отослалъ въ Москву. Впослѣдствіи, чтобы выручить племянника своего, Тевеккель обратился въ 1594 году къ царю Федору Ивановичу съ просьбою о принятіи управляемыхъ имъ киргизъ въ русское подданство, но это не имѣло никакихъ практическихъ послѣдствій по отдаленности края.

Между тѣмъ борьба съ бухарцами велась своимъ чередомъ: Абдулла-Ханъ, разстроенный неудачами, умеръ вскорѣ послѣ роковой встрѣчи съ Тевеккелемъ; за нимъ послѣдовалъ и сынъ его, павшій отъ руки убійцы. Это еще болѣе ободрило Тевеккеля, который собралъ многочисленное войско изъ племенъ туркестанскихъ кочевыхъ узбековъ и подчинилъ себѣ Туркестанъ и Мавераннагръ, именно: Аксу, Андижанъ, Ташкентъ и Самаркандъ, вплоть до Мианкала.

Оставивъ брата своего Ишимъ-Султана, съ 20,000 человекъ, въ Самаркандѣ, самъ Тевеккель, съ 70 или 80 тысячами человекъ, двинулся къ Бухарѣ и осадилъ ее.

Бухарцы однакоже не унывали и производили безпрестанныя вылазки. На 12-й день въ вылазкѣ принялъ участіе весь гарнизонъ и разбилъ казаковъ. Подкрѣпленія изъ Самарканда только продлили борьбу, не принеся казакамъ никакой пользы. Тевеккель вынужденъ былъ отступить къ Ташкенту, гдѣ и умеръ отъ раны.

Изъ послѣдующихъ хановъ наиболѣе извѣстенъ Текей или Тявка, какъ у насъ его называютъ, владѣвшій Ташкентомъ и въ теченіе почти всей жизни безуспѣшно боровшійся съ калмыками. Тявка былъ единственнымъ законодателемъ своего народа; по его приказанію были собраны всѣ преданія обычая, то есть правила, коими руководствовались судьи при рѣшеніи дѣлъ по принятому издавна обыкновенію, по съ теченіемъ времени этотъ сборникъ исчезъ.

Около 1718 г. Тявка, прельщенный обѣщаніями тогдашняго сибирскаго губернатора Гагарина и надѣясь на помощь его противъ калмыковъ, рѣшился вмѣстѣ съ другими ханами кайсацкими, Кайномъ и Абуль-Хаиромъ, подчиниться русскому правительству; но какую услугу могла оказать имъ Россія, отдѣленная отъ нихъ враждебными имъ племенами и пустынями?

Вскорѣ загѣмъ умеръ Тявка, и въ ордахъ начались междоусобія, которыми не преминулъ воспользоваться Галданъ-Цыренъ, владѣлецъ Джунгаріи, покорившій въ 1723 г. Большую и Среднюю орды и оттѣснившій Малую отъ Сыръ-Дарьи къ Уралу, гдѣ она въ 1730 г. поневолѣ должна была признать надъ собою власть Россіи.

Когда и почему произошло раздѣленіе киргизъ-кайсаковъ на три орды, почему онѣ названы Большою, Среднею и Малою, гдѣ онѣ обитали въ началѣ, — ничего этого не извѣстно. Киргизскія преданія страдаютъ въ этомъ отношеніи неполнотою, и потому намъ остается только принять фактъ, какъ онъ есть.

Разсказываютъ, напримѣръ, что какой-то ханъ передъ смертію раздѣлилъ народъ между тремя сыновьями: старшимъ, среднимъ и младшимъ или меньшимъ. Эти прилагательныя по-киргизски улу, урта, кичи. Слово же орда придано нами. Это слово татарское и значитъ вообще лагерь, ставка.

Сами киргизы не называютъ себя ордою, а дѣлятъ на юзы, то есть сотни: улу-юзъ — большая сотня, старшая, по нашему „большая орда“; урта-юзъ — средняя сотня, кичи-юзъ — меньшая, младшая сотня, а по нашему „малая орда“.

Вступленіе киргизъ въ русское подданство произошло по слѣдующему поводу: отступая передъ Джунгарами, Малая орда покинула бассейнъ Сыръ-Дарьи и двинулась на сѣверо-западъ, къ рѣкамъ Эмбѣ и Яику. Передовые развѣдчики проникли и за Яикъ, сообщая своимъ соплеменникамъ самыя утѣшительныя вѣсти о плодородіи приволжскихъ степей и обиліи пастбищъ.

Часть киргизовъ, подъ предводительствомъ самого хана Абуль-Хаира, доходила уже до Новошешинска (Казанской губерніи); киргизы разорили этотъ городъ и, хотя были прогнаны, однако захватили съ собою много русскихъ плѣнныхъ.

Россіи грозило такимъ образомъ новое нашествіе...

Но времена уже перемѣнились: границы наши не были уже такъ беззащитны, какъ прежде, и на этотъ разъ лицкая цѣпь сдержала напоръ дикой миллионной орды. Метя за набѣги набѣгами, удалые яцккіе казаки отстояли свои луга отъ погравы, свои села отъ разоренія, свои семьи отъ неволи, а вмѣстѣ съ тѣмъ отстояли и Россію отъ многихъ бѣдъ вторженія дикарей. Абуль-Гази, хивинскій ханъ, написавшій исторію монголовъ и татаръ (французскій переводъ исторіи сдѣланъ и изданъ въ 1874 г. барономъ Демезономъ, директоромъ учебнаго отдѣленія восточныхъ языковъ при азіатскомъ департаментѣ нашего министерства индѣлъ), упоминаетъ о двухъ набѣгахъ яцккихъ казаковъ, въ началѣ XVII столѣтія, на хивинское ханство. Вскорѣ по вступленіи на престолъ Арабъ-Мухамедъ-Хана, 1,000 казаковъ напали на Ургентъ, гдѣ тогда войскъ не было, разграбили городъ, захватили

большой полонъ въ 1,000 дѣвушекъ и столько же мальчиковъ и съ огромнымъ обозомъ двинулись къ рѣкѣ. Здѣсь они промедлили 7 сутокъ, чѣмъ и воспользовался Арабъ-Ханъ: воротаясь изъ похода въ Ургенчъ, онъ двинулся на перерѣзъ дороги казакамъ и окопался. Казаки дрались два дня и взяли окопы, но хивинцы были конные, они отошли по пути отступленія казаковъ на два перехода и снова окопались; прѣшніе казаки двинулись за ними и пять дней штурмовали новые окопы. Истощивъ запасы воды, они пили кровь обозныхъ лошадей. На пятый день роли перемѣнились: хивинцы перешли въ наступленіе и казаки оборонялись уже за телѣгами. На седьмой день хивинцы овладѣли обозомъ и порубили почти всѣхъ казаковъ; только сотня ихъ прорвалась къ рѣкѣ и держалась тутъ за завалами изъ деревьевъ 15 сутокъ, но, наконецъ, была также истреблена. Набѣгъ этотъ совершенъ былъ лѣтомъ.

Другой набѣгъ въ 1605 году, тоже лѣтомъ, былъ также удаченъ въ началѣ: казаки разграбили Ургенчъ, но затѣмъ были настигнуты и истреблены поголовно. Аму-Дарья, по словамъ Абуль-Гази, отошла отъ Ургенча за 30 лѣтъ до этого событія, т. е. въ 1575 году, и потекла въ озеро Сыра, т. е. въ Аральское море. Хивинцы загородили казакамъ путь къ рѣкѣ и, когда они изнывали отъ жажды, потерявъ способность сопротивляться, — истребили ихъ.

Въ книгѣ „Топографія Оренбургская“, изданной въ 1762 году, на стр. 73—78, помѣщены казацкія преданія, собранныя Рычковымъ, о походахъ атамановъ Нечая и Шамая на Хиву. Преданія въ общемъ сходны съ рассказомъ Абуль-Гази. Но поворотъ Аму въ Аральское море приурочивается къ походу Нечая, послѣ котораго хивинцы „оную горловину, которая изъ Аральскаго моря въ Каспійское впала, на устьѣ ея отъ Каспійскаго моря завалили, въ такомъ разсужденіи, дабы въ предбудущія времена изъ моря въ море судамъ ходу не было“. Отрядъ Нечая или „компанія“ считается преданіемъ только въ 500 чел., а Шамая—въ 300 чел. Нечай разграбилъ Хиву, но, отягченный полономъ и добычею, припоздавъ къ тому же изъ-за гульбы въ завоеванномъ городѣ, не успѣлъ уйти отъ возмездія.

Шамай, захвативъ въ стени „двухъ калмыцкихъ ребятъ... ради показанія дорогъ“—былъ заманенъ калмыками въ засаду и захваченъ въ плѣнъ. Калмыки предложили обмѣнъ плѣнныхъ, по наказной атаманъ, ставшій вмѣсто Шамая, отказалъ въ этомъ на томъ основаніи, что „у нихъ атамановъ много, а безъ вожей имъ пробыть нельзя“. Однако на дорогу Нечая „не потрафили, но прошиблись выше, угодили къ Аральскому морю, гдѣ у нихъ провіанта не стало“... Голодъ дошелъ до того, что казаки, „другъ друга умерщвляя, ѣли, а другіе съ голоду помирали“. Въ такой

крайности они послали въ Хиву предложеніе о сдачѣ и были забраны... Шамай же, спустя нѣсколько лѣтъ, былъ привезенъ калмыками въ войско.

Не смотря на постоянныя распри съ казаками, калмыки и башкиры въ свою очередь также пригодились намъ при вторженіи киргизовъ, ибо, отстаивая свои земли отъ насильственнаго дѣлежя съ новыми пришельцами, они, попутно, оказали яицкимъ казакамъ и Россіи существенную услугу.

Каипъ-Ханъ, изъ боязни подпасть подъ неразборчивую кару изъ-за Абуль-Хаира, обратился къ Петру Великому съ тою же просьбою, какъ и ханъ Тявка, т. е. съ просьбою о принятіи киргизовъ подъ покровительство Россіи.

Чтобы уяснить начавшееся было новое „великое переселеніе народовъ“, остановленное въ дальнѣйшемъ ходѣ русскою мощью, необходимо сказать нѣсколько словъ о народѣ, давшемъ толчокъ этому движенію.

Послѣ переворота въ Средней Азій, вслѣдствіе образованія Монгольскаго царства Чингизъ-Ханомъ, монголы большею частію кочевали въ сѣверной и сѣверо-западной частяхъ Китая, гдѣ царствовала династія Чингиза. Династія эта была низвержена въ половинѣ XIV столѣтія, и тогда начались междоусобія, сопровождаемыя страшными кровопролитіями.

Три племени: Чоросъ, Хойтъ и Хошотъ, кочевавшіе на сѣверо-западѣ Китая, въ Дзюнгариі, образовали союзъ ойратскій; къ нимъ послѣ присоединились торгоуты и союзъ назвался Дербенъ-Ойратъ (по-монгольски дербе значить—четыре), или еще Оронъ. Тайши, или правители чоросскаго племени, управляли всѣмъ союзомъ, но въ послѣдствіи другія племена перестали имъ повиноваться, союзъ ослабѣлъ, явились междоусобія и стремленія къ сепаратизму; такъ, около 1621 года отдѣлились торгоуты съ тайшею Хо-Урлюкомъ, которые и поселились въ предѣлахъ Сибири по берегамъ рѣкъ Оби, Иртыша и Тобола, но и тутъ не нашли себѣ покоя ни отъ своихъ, старавшихся подчинить ихъ прежнему порядку, ни отъ сибирскихъ киргизовъ, прикочевавшихъ сюда еще въ 1594 г. и не желавшихъ дѣлиться своими кочевьями. Киргизы дали торгоутамъ названіе калмакъ, т. е. отставшій. Названіе это, передѣланное нами въ калмыкъ, перешло въ послѣдствіи и на остальныхъ ойратовъ. Тѣснимые отовсюду калмыки, свѣдавъ о степяхъ юго-восточной Россіи, гдѣ когда-то сидѣла Золотая Орда, двинулись въ 1628 г., въ числѣ 50 тыс. кибитокъ, сначала на Эмбу и Ураль, затѣмъ въ пространство между Ураломъ и Волгою. Русское правительство не только не препятствовало этому самовольному захвату своихъ пограничныхъ пустынь, но было даже довольно, разсчитывая создать изъ новыхъ ордъ—оплотъ противъ послѣдующихъ вторженій полудикихъ народовъ

Средней Азии. Расчеты эти оказались однакожь преждевременными: калмыки смотрѣли на занятую территорію, какъ на завоеваніе, и, обольщенные легкимъ успѣхомъ, вздумали воскресить Золотую Орду. Начались грабежи, нападенія на города и села. Астрахань была сожжена и разграблена, но кремль ея устоялъ, не смотря на все усилія калмыковъ, стоившія имъ большихъ потерь и жизни самаго Хо-Урлюка. Набѣги продолжались и при сынѣ Хо-Урлюка Шукуръ-Дайчинѣ, пока, наконецъ, сила оружія не заставила ихъ покориться Россіи. Въ 1655 г. послы калмыцкіе клялись по шерстной записи царю Алексѣю Михайловичу „быть въ вѣчномъ послушаніи“ и помогать русскому войску въ походахъ противъ крымцевъ и другихъ. Но, хотя калмыки отъ походовъ и не всегда отказывались, но въ то же время продолжали грабить и русскія пограничныя села. Правительство потребовало въ 1661 г. новой присяги, которую и принялъ сынъ Шукуръ-Дайчина отъ имени отца и всего народа, причемъ лизалъ своей ножъ, прикладывая его къ горлу, и призывалъ на себя и на родъ свой, въ случаѣ нарушенія клятвы, гнѣвъ Божій...

Глава буддизма, Далай-Лама, предложилъ было Шукуръ-Дайчину титулъ хана, но тотъ отказался, не желая навлечь на себя подозрѣніе русскихъ. Преемникъ его, извѣстный Аюка *), отъ этой чести однакоже не отказался.

Итакъ, къ началу XVIII столѣтія степи Средней Азии раздѣлились слѣдующимъ образомъ: на сѣверѣ кочевали разные отрасли сибирскихъ татаръ и киргизы, прикочевавшіе въ 1594 г.; на востокѣ ойраты или дзюнгары; на югѣ — киргизъ-казаки, владѣвшіе Туркестаномъ и Ташкентомъ; на западѣ, между верховьями Урала и Эмбы, кочевали башкиры, а между устьями этихъ рѣкъ — калмыки; что касается дзюнгаръ, то еще въ началѣ XVII вѣка они, подъ давленіемъ безпрестанныхъ набѣговъ Алтынъ-Хана монгольскаго, подвинулись къ Сибири и, наложивъ дань на нашихъ данниковъ-татаръ, производили нападенія и на наши земли.

Тайши дзюнгарскіе входятъ съ этихъ поръ въ частыя сношенія съ нашимъ правительствомъ и претендуютъ на обладаніе Сибирью.

Частыя посольства ихъ ко двору однакоже скоро надѣли нашему правительству, и въ 1623 г. указано было мѣстному начальству не пропускать болѣе монгольскихъ и калмыцкихъ посольствъ, предложенія которыхъ выслушивать въ тѣхъ городахъ, куда они придутъ, и, давъ имъ надлежащій отвѣтъ, доносить о томъ въ Москву.

*) Онъ участвовалъ въ экспедиціи Бековича, но въ самомъ началѣ похода отдѣлился со своимъ и ушелъ впередъ.

Такъ какъ посольства имѣли главною цѣлью получать подарки, на которые эти дикари смотрѣли уже, какъ на дань, то вслѣдъ за прекращеніемъ пропуска пословъ начались болѣе частыя нападенія на наши земли. Черезъ девять лѣтъ мы однакоже уступили, и въ 1632 г. приказано было снова принимать калмыцкихъ пословъ и стараться ласкою подѣйствовать на этотъ народъ, чтобы расположить его къ отступленію отъ русскихъ предѣловъ. Мы, слѣдовательно, сознались въ своемъ безсиліи, и дань подарками возобновилась! Въ 1636 г. мы уже заключаемъ съ калмыками договоръ: контайши (глава ойратскаго союза) обѣщался выдавать намъ всехъ бѣглецовъ, возить соль изъ Ямышева озера (Балхашъ) на верблюдахъ, къ пристамамъ по Иртышу и, наконецъ, помогать намъ въ войнахъ. Съ своей стороны мы обязались также поддерживать калмыковъ въ случаѣ нужды. Контайши отлично понималъ значеніе нашихъ обѣщаній и нашихъ ласкъ, и потому грамоты его не отличались особенною учтивостію: въ 1645 г. онъ даже пригрозилъ разрывомъ сношеній; не смотря на то послы его были приняты у насъ весьма ласково и отпущены съ отвѣтною грамотою.

Тѣмъ не менѣе калмыки продолжали тѣснить нашихъ киргизъ, не задумываясь также и передъ нашими войсками; такъ, въ 1715 г., когда 4½-тысячный отрядъ Бухгольца *) заложилъ, не доходя Балхаша, крѣпость, то калмыки напали на нее врасплохъ и, хотя были выбиты, но обложили отрядъ, который вынужденъ былъ срыть крѣпость и отплыть по Иртышу на своихъ дощаникахъ, потерявъ около 3,800 человекъ.

Эти-то дзюнгары, съ которыми даже Россія не знала, какъ ладить, конечно, были совсѣмъ не по плечу вольнымъ казачьимъ обществамъ, не связаннымъ органически въ одинъ могучій союзъ. На этомъ основаніи просьбу Тявки (въ 1718 г.) о принятіи его съ народомъ въ наше подданство можно считать вполне искреннею. Но мы ничего не могли сдѣлать въ пользу искавшихъ нашего покровительства киргизъ, потому что и сами заботились только о мирныхъ и торговыхъ отношеніяхъ съ грознымъ тогда сосѣдомъ (указъ Петра Великаго отъ 19 января 1721 г.). Самъ Петръ I, во время похода къ берегамъ Каспія, вѣдиль къ Аюкѣ въ гости и склонилъ его воздержаться отъ воинственныхъ предпріятій.

Галданъ-Цырену, тогдашнему контайшѣ, ясно дали понять, что искательство Тявки отвергнуто. Это развязало калмыкамъ руки, и они смѣло двинулись на киргизскія кочевья и въ самомъ непродолжительномъ времени овладѣли Туркестаномъ, от-

*) Назначенный Петромъ Великимъ слѣдовать къ Эркети или Яркенду, одновременно съ Бековичемъ Черкасскимъ къ Хивѣ.

тѣснѣе киргизовъ даже отъ Сыръ-Дарьи. Мы же тѣмъ менѣе склонны были вступаться за киргизъ, что они только что разгромили наши пограничныя села, проникнувъ, какъ уже сказано, до Новомосковска.

Надъ киргизами собралась гроза: яцкіе казаки, волжскіе калмыки и башкиры отбивали ихъ отъ своихъ пастбищъ и кочевовъ, а дзюнгары неотступно гнали ихъ съ одной кочевки на другую... Киргизы бѣгали ото всѣхъ, „какъ зайцы отъ борзыхъ собакъ“. Это ихъ собственное сравненіе.

Стѣсненные и преслѣдуемые съ трехъ сторонъ, киргизы могли бы быть совсѣмъ истреблены, еслибы не удалились на югъ.

Почти вся большая орда, съ частію средней, подчинилась Галданъ-Цырену, остатки же большой орды откочевали къ Ходженту; большая часть средней—къ Самарканду; меньшая—къ Хивѣ и Бухарѣ. Разореніе киргизъ было страшное: въ безпрестанныхъ тревогахъ, въ послѣднемъ бѣгствѣ съ одной кочевки на другую—стада ихъ гибли, люди умирали съ голода, мужчины покидали своихъ женъ и дѣтей на произволъ судьбы. Тогда-то они рѣшились соединиться и выбрали руководителемъ хитраго Абуль-Хаира. Недолго пробыли на новыхъ мѣстахъ киргизы: стремленіе занять прежнія свои земли, выразившееся одновременнымъ и отчаяннымъ движеніемъ всѣхъ трехъ ордъ на сѣверъ, привело ихъ, куда имъ было надо. Малая орда, дойдя до Эмбы, гдѣ была прежняя граница ея, не остановилась здѣсь однако же, но перешла на правый берегъ этой рѣки, разгромила нынѣшнихъ волжескихъ калмыковъ и, занявъ многія кочевья ихъ, достигла до Яика. Средняя орда подвинулась на сѣверъ до рр. Ори и Уя, отъ которыхъ оттѣснила многихъ башкировъ. Такимъ образомъ эти орды остались притиснутыми къ нашимъ границамъ, но за линію прорваться не смогли. Одна только Большая орда осталась близъ дзюнгаровъ и потому скоро была почти вся покорена ими.

Къ первой половинѣ XVIII вѣка киргизы занимали уже тѣ же самыя земли, какія занимаютъ и нынѣ, за исключеніемъ развѣ Семипалатинской области и восточной части области сибирскихъ киргизовъ, гдѣ жили калмыки и нѣкоторыя монгольскія племена.

Съ этихъ поръ въ ордахъ уже не появляется такихъ хаповъ, какими были, напримѣръ Тевеккель и Тявка, и потому можно думать, что власть эта возможна была только при прежнемъ строѣ казацкаго общества. Со смертію Тявки, въ 1718 г. казаки разбились на множество отдѣльныхъ партій, изъ коихъ каждая, для сношенія съ чужеземцами, выбираетъ тотъ или другой султанскій родъ и начинаетъ жить особнякомъ.

Видя неудачу въ дѣлѣ повсемѣстнаго введенія составленнаго имъ сборника законовъ, Тявка, передъ смертію, присоеди-

нилъ свой голосъ къ голосамъ Абуль-Хаира и Каипа, молившихъ, въ 1718 г., Петра Великаго о принятіи казачьихъ ордъ въ подданство Россіи. Но и эта надежда Тявки разрушилась, такъ какъ мы ничего не могли сдѣлать въ пользу новыхъ подданныхъ, по отдаленности ихъ и потому, что собственныя границы наши только съ этого времени начинаютъ крѣпнуть.

Имя Петра пользовалось такимъ обаяніемъ въ Средней Азій, что даже и хивинскій ханъ просилъ себя правъ русскаго гражданства, рассчитывая, что званіе русскаго подданнаго защититъ его отъ притязаній бухарскаго хана, считавшаго Хиву своею данницею.

Въ сущности расчетъ Хивы былъ весьма нехитрый: подчиниться номинально государю, который, по отдаленности, не могъ пользоваться фактически никакими правами сюзеренства, было, конечно, выгоднѣе подчиненія ближайшему сосѣду. Тѣмъ не менѣе Петръ рѣшилъ воспользоваться случаемъ подчинить себя средне-азіатскія ханства—въ дѣйствительности. Дабы овладѣть единственнымъ для Россіи путемъ въ Индію и Китай, страны богатая и, для русской торговли пока недоступная, онъ указалъ для русской предприимчивости два направленія: со стороны Каспія и со стороны Иртыша.

Въ этихъ направленіяхъ и двинуты были первыя экспедиціи наши въ Среднюю Азію для возведенія опорныхъ пунктовъ и разслѣдованія путей.

ГЛАВА II.

Принятие Хивы въ русское подданство. Слухи о золотоносныхъ рѣкахъ Аму и Яркендъ Дарьяхъ. Князь Гагаринъ, Ходжа-Нефесъ, Замановъ и Бековичъ. Экспедиція Бухгольда и Лихарева вверхъ по Иртышу. Экспедиція князя Бековича Черкаскаго изъ Астрахани. Рекогносцировка стараго русла Аму-Дарья. Легенда о древнемъ Яксартѣ. Возвращеніе въ С.-Петербургъ. Новыя инструкціи Петра I. Составъ отряда для новой экспедиціи. Устройство крѣпостей по восточному берегу Каспія. Ссоры съ Кожинымъ. Выступленіе изъ Гурьева. Странности Бековича. Четырехдневный бой у Карагача. Мирный договоръ. Вѣроломство хивинцевъ. Мученическая смерть и неволи русскихъ. Нападенія туркменъ на Тюп-Караганскую и Красноводскую крѣпости. Оставленіе этихъ крѣпостей. Дальнѣйшіе виды Петра I. Посольство Флоріо Беневени въ 1718 г. Задержка въ Шемахѣ. Сраженіе русской миссіи съ войсками шемахинскаго хана. Пребываніе въ Бухарѣ. Бѣгство. Пребываніе въ Хивѣ. Наглость хивинскихъ вельможъ. Подтвержденіе слуховъ о золотомъ пескѣ. Поѣздка камердинера Никола Минера. Отчетъ Беневени. Равнодушіе правительства къ катастрофѣ Бековича. Попытки войти съ Хивою въ дружескія отношенія: Бланкенгель въ 1793 г. Субганкуловъ въ 1818 г. и Бекчуринъ въ 1819 г. Россія избираетъ новый путь въ сердце Азіи черезъ киргизскія степи. Мнѣніе объ этомъ Петра I и Павла I. Походъ въ Индію черезъ Оренбургъ.

Еще въ 1700 году прибывшій посланецъ хивинскій вручилъ Петру Великому грамоту хана Шаниаза, который просилъ принять его, со всѣмъ подвластнымъ ему народомъ, въ подданство Россіи.

Грамотою, отъ 30 іюня того же года, Петръ Великій изъявилъ свое соизволеніе и подтвердилъ его въ послѣдствіи, въ 1703 году, новому хану хивинскому Аранъ-Махмету, но ханы хивинскіе искали собственно защиты противъ Бухары, а Петръ, занятый войнами со шведами и турками, не могъ ничего предпринять въ пользу хановъ. Между тѣмъ, не смотря на принятіе Хивы въ подданство, у насъ все-таки продолжались торговля сношенія и съ Бухарою, отъ которой Хива была въ зависимости. Въ 1713 году въ Астрахань пріѣхалъ пѣкто Ходжа Нефесъ, садъръ одного изъ туркменскихъ колѣнъ, и сошелся съ княземъ Самановымъ *), которому и передалъ, что желаетъ предложить русскому царю завладѣть страной при Аму-Дарьѣ, гдѣ будто бы находится золотой песокъ. Онъ разсказалъ, что хивинцы, опа-

*) Онъ же Замановъ, Симановъ и проч., проходимецъ, родомъ персіянинъ, былъ бекомъ (правителемъ) въ Гиланѣ, по почему-то бѣжалъ отсюда, принялъ христіанство и сталъ величать себя за это княземъ.

саясь Россіи, засыпали то устье, которымъ Аму-Дарья впадала въ Каспійское море, но прибавилъ, что можно безъ большихъ усилій уничтожить плотину и возвратитъ рѣкѣ прежнее теченіе, въ чемъ русскимъ будутъ помогать и туркмены.

Самановъ проводилъ Нефеса въ Петербургъ и, при посредствѣ гвардіи поручика князя Бековича Черкаскаго *), представился вмѣстѣ съ туркменцемъ Петру Великому.

Въ то же время Петръ Великій получилъ извѣстіе отъ губернатора сибирскаго кн. Гагарина о томъ, что въ Малой Бухаріи, при городѣ Эркетти (пынѣшній Яркендъ), на рѣкѣ Дарьѣ находится золотой песокъ. Эркетъ или Яркендъ стоитъ на р. Яркендъ Дарьѣ, которую, очевидно, у насъ считали съ Аму-Дарьей тождественною. Предлагая завладѣть городомъ Эркетомъ, кн. Гагаринъ, считалъ нужнымъ по дорогѣ отъ Тобольска до Эркетти построить крѣпости: первую на Иртышѣ близъ Ямышева озера или Балхаша, а потомъ по усмотрѣнію и другія. Онъ брался устроить крѣпости, оставить войска и даже содержать ихъ изъ доходовъ Сибирской губерніи.

Находившійся въ то время въ Россіи хивинскій посоль Ашуръ-бекъ подтвердилъ показанія кн. Гагарина и предлагалъ Петру Великому, близъ того мѣста, гдѣ прежде впадала Аму-Дарья въ Каспійское море, построить крѣпость и снабдить ее гарнизономъ.

Война съ Карломъ XII была блистательно окончена, и на свободѣ Петръ усердно занялся своею давнишнею мыслью открыть путь въ Индію. Петръ обласкалъ Ашуръ-Бека, послалъ съ нимъ въ подарокъ хану 6 пушекъ съ порохомъ и снарядами и поручилъ ему проѣхать въ Индію, откуда привезти барсовъ и пугаевъ.

Впослѣдствіи, когда сдѣлалось извѣстнымъ объ убіеніи хана, Ашуръ-бекъ былъ задержанъ въ Астрахани, а пушки отобраны и, кажется, пошли съ Бековичемъ.

Не столько золото, сколько возможность обратить величайшую изъ рѣкъ Средней Азіи, Аму, въ Каспійское море и тѣмъ открыть удобный путь сообщенія Россіи съ отдаленнѣйшими странами, заставила Петра предпринять экспедиціи со стороны Каспійскаго моря и Сибири. Сибирская экспедиція, подъ началь-

*) Бековичъ былъ родомъ изъ Кабарды и въ мусульманствѣ звался Искендеръ-бекомъ. Татары и черкесы съ особенною настойчивостію лѣзли къ намъ въ князья, пользуясь неумѣніемъ русскихъ полуграмотныхъ толмачей перевести званіе бѣя, бека, хана, султана. Кабарда называлась у насъ „Черкасскою землей“; отсюда ясно происхожденіе громкаго титула отъ Бека—Бековичъ, да еще съ переводомъ «князь». Этотъ новый князь былъ женатъ на дочери князя Голицына, воспитателя Петра I, и потому пользовался милостію царя.

ствомъ подполковника Бухгольца въ 2,000 человекъ, съ нѣсколькими плѣнными шведами, знавшими горное, инженерное и артиллерійское дѣло, должна была подняться по р. Иртышу, возвести крѣпость у Ямышева озера, а оттуда идти къ г. Эркети, овладѣть имъ и развѣдать о мѣстахъ, гдѣ добывается золото. Въ июлѣ 1715 г. экспедиція изъ 2 полковъ пѣхоты и 700 драгунъ отправилась изъ Тобольска, въ числѣ 3,000 человекъ, на 32 дощаникахъ и 27 лодкахъ, вверхъ по Иртышу. Въ Тарѣ присоединился къ ней конный отрядъ въ 1,500 чел. драгунъ, слѣдовавшій берегомъ для очищенія степи отъ непріятеля. Къ 1 октября экспедиція прибыла къ Балкашу и заложила неподалеку крѣпость Ямышевъ.

Контайша *), извѣстясь объ этомъ, а также о намѣреніи нашемъ идти далѣе, собралъ въ концѣ февраля 1716 г. до 10,000 войска, напалъ на крѣпость врасплохъ и занялъ ее, но русскіе оправались и вытѣснили калмыковъ, однакоже послѣ продолжительной блокады, истощивъ всѣ запасы и потерявъ много людей отъ цыгги и сибирской язвы, срыли крѣпость и въ числѣ 700 человекъ (погибло, значитъ, 3,800), на 18 дощаникахъ, поплыли 28 апрѣля назадъ. На устьѣ р. Оми отрядъ остановился и заложилъ крѣпость Омскую **).

Гибели экспедиціи способствовало и то, что калмыки въ 52 верстахъ отъ Ямышева захватили огромный транспортъ, съ провіантомъ, деньгами, разными военными запасами и товарами купцовъ, шедшихъ въ числѣ 700 человекъ въ экспедицію при незначительномъ конвоѣ.

Люди дрались упорно цѣлый день, но, наконецъ, транспортъ былъ взятъ непріателемъ и проведенъ затѣмъ мимо отряда Бухгольца. Недостатокъ припасовъ, болѣзни и полная безпомощность вынудили нашихъ покинуть крѣпость. Въмѣсто Бухгольца, уѣхавшаго въ Петербургъ, назначенъ былъ сначала Мстигоревъ, а потомъ Ступинъ, которому и удалось утвердиться при Ямышевскомъ озерѣ редутомъ въ 1717 году.

Тогда же устроена промежуточная, между Омскою и Ямышевскою крѣпостями — Желѣзинская, а въ 1718 г. и Семипалатинская. Подъ прикрытіемъ этихъ иртышскихъ укрѣпленій генерал-майоръ Лихаревъ ***), не смотря на враждебныя дѣйствія дзюпгаръ, пробрался въ 1719 и 1720 годахъ, съ 440 человеками

*) Правитель Дербень-Ойратскаго союза, названнаго у насъ общимъ именемъ дзюпгаръ и калмыковъ.

**) На лѣвомъ берегу Оми, гдѣ крѣпость и стояла до конца XVIII столѣтія, когда перенесена на правый.

***) Смѣнившій въ 1718 году Гагарина, который былъ вызванъ въ Петербургъ, преданъ здѣсь суду за лихоимство и повѣшенъ передъ сенатомъ въ 1720 году.

вверхъ по Иртышу, до самого оз. Норъ-Зайсанъ и даже вышла въ Черный Иртышъ, а на возвратномъ пути заложилъ Усть-Каменогорскую крѣпость. Такимъ образомъ со стороны Сибири, въ 5 лѣтъ, мы успѣли основательно занять всю долину Иртыша, на протяженіи слишкомъ 1,000 верстъ!

Начальникомъ другой экспедиціи, отъ Астрахани въ Хиву, избранъ былъ лейбъ-гвардіи преображенскаго полка капитанъ-поручикъ князь Александръ Бековичъ Черкасскій.

29 мая 1714 года состоялся царскій именной указъ, объ отправленіи князя Александра Черкаскаго въ Хиву съ поздравленіемъ хана по случаю вступленія его на ханство, а оттуда въ Бухару подъ предлогомъ торговли. Ближнему боярину и воеводѣ казанскому Салтыкову повелѣно было дать Бековичу тысячи полторы военныхъ людей, пять тысячъ рублей денегъ на всѣ расходы, и сверхъ того исполнять безъ замедленія всѣ другія его требованія.

18 августа того же года Бековичъ прибылъ въ Казань, а 28 октября въ Астрахани отрядъ уже сѣлъ на суда (2 шкуны, 27 морскихъ струговъ и 1 буса).

Отрядъ экспедиціи состоялъ изъ 1,900 человекъ, въ томъ числѣ 1,650 человекъ регулярной пѣхоты. 7 ноября вся флотилія изъ „астраханскихъ черней“ вышла въ море и направилась къ Гурьеву-Городку; но по случаю льдовъ, затиравшихъ суда, экспедиція принуждена была возвратиться въ Астрахань въ началѣ декабря, потерявъ два струга при устьѣ Урала и два при устьѣ Терека.

Потребовавъ отъ Салтыкова высылки къ веснѣ въ Гурьевъ-Городокъ 500 яицкихъ казаковъ и распорядившись о пополненіи своей флотиліи 20-ю вновь изготовленными бригантинами, Бековичъ отправился въ отечество свое Кабарду и, возвратившись къ веснѣ въ Астрахань, пустился въ море 25 апрѣля 1715 года, направляясь, по прежнему, къ устью Яика, гдѣ у Гурьева ждалъ уже, посланный Салтыковымъ конный отрядъ яицкихъ казаковъ. Сообразивъ подъ конецъ, что эту кавалерію взять на суда нѣтъ возможности, Бековичъ отпустилъ казаковъ домой, а съ пѣхотою отплылъ къ Тюпъ-Карагану.

Отдохнувъ здѣсь и собравъ отъ туркменъ свѣдѣнія о степени возможности направить Аму-Дарью, по прежнему ея руслу, Бековичъ отправилъ астраханскихъ дворянъ Федорова и Званскаго съ туркменомъ Ходжею Нефесомъ, для обозрѣнія мѣстности, а самъ направился къ „Краснымъ водамъ“, гдѣ предполагалось прежнее устье Аму и куда должна была прибыть рекогносцировочная партія названныхъ дворянъ.

Партія эта двинулась на верблюдахъ по хивинской караванной дорогѣ и, дойдя на 18 день къ урочищу Карагачъ, гдѣ

ихъ путь встрѣчался съ дорогою изъ Астрахани, они нашли здѣсь плотину въ 5 верстѣ длины, 1 1/2 аршина вышины и 3 сажени ширины.

Рѣка Аму, бывшая тогда въ разливѣ, доходила до самаго этого вала.

Осмотрѣвъ затѣмъ долъ, бывший прежде, по увѣренію туркменовъ, русломъ Аму-Дарьи, и убѣдившись въ теченіе трехдневнаго пути по долу, что по обѣимъ сторонамъ его есть слѣды селеній и городовъ, а также бывшихъ арыковъ (водопроводныхъ оросительныхъ канавъ), они направились на Красныя воды, по настоянію Нефеса, отказавшагося, не смотря на все просьбы русскихъ дворянъ, вести ихъ далѣе по руслу, изъ опасенія нападеній со стороны разбойничьихъ шаекъ. Также недалеко прошелъ и Тарановскій, посланный изъ Красныхъ водъ къ урочищу Ата Ибрагимъ, до котораго доходила первая партія: провожавшіе его туркмены также отказались идти такъ далеко, и Тарановскій возвратился назадъ, удовольствовавшись увѣреніями проводниковъ, что долъ дѣйствительно тянется вплоть до Каспія. Бековичъ также удовольствовался этими рекогносцировками, и легенда о древнемъ Яксартѣ приобрѣла въ его глазахъ значеніе достовѣрнаго факта.

9 октября 1715 года экспедиція возвратилась въ Астрахань.

Получивъ донесеніе Черкаскаго о результатахъ рекогносцировки, Петръ I указалъ отправить флота поручика Кожина для описи береговъ Каспія.

Вызванный въ Петербургъ, Бековичъ поѣхалъ вслѣдъ за Петромъ въ Ригу, сумѣлъ внушить государю надежды на успѣхъ вторичной экспедиціи и получилъ за понесенные уже труды чинъ капитана гвардіи.

Новою, написанною самимъ Петромъ инструкціею, заключавшею въ себѣ 13 статей, повелѣвалось князю построить при бывшемъ устьѣ Аму у Красноводскаго залива крѣпость на 1,000 человекъ; другую построить у вала, что найденъ на уроч. Карагачъ.

Если окажется возможнымъ обратить рѣку на старое русло и запереть протокъ ея къ Аральскому морю, то перекопать старую плотину и устроить новую.

По пріѣздѣ въ Хиву склонить хана къ русскому подданству, обѣщая наследственность ханскаго достоинства въ его родѣ и русскую гвардію, которую однакожь онъ долженъ содержать на свой счетъ. Если это условіе покажется тяжелымъ, то дать войску содержаніе отъ Россіи, но только на одинъ годъ. Если ханъ согласится на эти условія, то снарядить, при его помощи, двѣ экспедиціи, которыя и отправить съ караванами: одну къ городу

Эркети*), а другую съ Кожинымъ „подъ видомъ купчины“ въ Индію къ Моголу. Обѣ экспедиціи должны были развѣдать пути и описать ихъ подробно.

Во время пребыванія въ Хивѣ, Бековичъ долженъ былъ развѣдать о бухарскомъ ханѣ и предложить ему также русскую гвардію, такъ какъ и тамъ ханы „бѣдствуютъ отъ подданныхъ“.

Въ экспедиціонный отрядъ поступили слѣдующія войска:

а) Пѣхота: изъ губерній Астраханской, Казанской и Воронежской — полки: астраханскій подполк. Кушниковъ въ 1,373 человекъ, казанскій подполк. Хруцова въ 1,254 человекъ, и азовскій подполк. фонъ-деръ Виндена въ 1,100 человекъ, всего 3,727 человекъ.

б) Кавалерія: драгунскій полкъ майора Франкенберга — 617 человекъ, сводный изъ 5 эскадроновъ пензенскихъ драгунъ и одного эскадрона изъ пѣхотныхъ шведовъ, жившихъ въ Астрахани.

в) Казаки: 15 сотенъ яицкихъ атамана Бородина — 1,500 человекъ и 5 сотенъ гребенскихъ атамана Басманова 500 человекъ, всего 2,000 человекъ.

г) Артиллерія: команда изъ 26 человекъ. Разнаго калибра орудій 22.

д) Морская команда — 232 человекъ, изъ нихъ: 71 матросъ, 146 новобранцевъ изъ солдатскихъ и садовничьихъ дѣтей, 4 офицера, 1 штурманъ и 10 нестроевыхъ.

Кромѣ того при отрядѣ состояло: 1 инженеръ и 2 ученика для руководства при построеніи крѣпостей, 4 лекаря, 21 человекъ дворянъ, 2 толмача, 15 писцовъ и 8 чиновниковъ провіантскаго и комиссаріатскаго вѣдомства (изъ нихъ два фискала для наблюденія за остальными шестью).

Всего въ отрядѣ было 6,655 человекъ. Провіантъ на солдатъ, драгунъ и казаковъ выданъ изъ Казани на годъ, а изъ Астрахани, въ морской походъ, на полгода.

Сверхъ провіанта выдано на каждаго солдата и драгуна по полупуду рыбы, — сазановъ или осетровъ коренныхъ, да вина и уксусу по ведру на человекъ и по шубѣ каждому.

Жалованье штабъ и оберъ-офицерамъ регулярныхъ войскъ опредѣлено выдать за годъ полное, армейское, а нижнимъ чинамъ по 15 алтынъ въ мѣсяцъ.

Для купческаго каравана въ Индію было куплено товаровъ на 5,000 р.

Флотилія экспедиціоннаго отряда состояла изъ 138 разныхъ судовъ.

*) Неудача движенія къ Эркети со стороны Сибири уже была извѣстна Петру I.

Снаряженіе экспедиціи обошлось въ 218,031 р. и 30 алтынъ съ полушкою.

Въ день отплытія изъ Астрахани (въ половинѣ сентября 1716 г.) Бековича поразило большое несчастье: жена его и двѣ дочери утонули. Это сильно подѣйствовало на князя и, лишивъ его душевнаго спокойствія, впоследствии отразилось и на его умственныхъ способностяхъ. Оставивъ въ Астрахани кавалерію, Бековичъ отправился съ пѣхотою на судахъ къ восточному берегу Каспія. Тюпъ-Караганъ, представляя удобный промежуточный пунктъ между Астраханью и Красными водами, обладая къ тому же хорошимъ якорнымъ мѣстомъ, былъ избранъ Бековичемъ для укрѣпленія, которое и названо было именемъ св. Петра; здѣсь оставленъ полкъ Хруцова.

Мѣсто однакоже было выбрано неудобное: на безплодной и безлѣсной косѣ, прѣсной воды вовсе не было, а въ колодцахъ она становилась горькосоленою уже черезъ сутки послѣ ихъ выкапыванія, и потому приходилось постоянно зарывать старые и выкапывать новые колодцы.

Съ Тюпъ-Карагана отправлены были два посольства: Воронинъ и Святой въ Хиву сухимъ путемъ и Давыдовъ въ Бухару, черезъ Астрабадъ, куда его долженъ былъ доставить Кожинъ; по этотъ послѣдній не исполнилъ порученія и, придя въ Астрабадъ, не пустилъ на берегъ ни Давыдова, ни его спутниковъ, не смотря на то, что ханъ астрабадскій выслалъ проводниковъ и лошадей для посольства.

Оставивъ въ кр. св. Петра казанскій полкъ Хруцова, съ 11 пушками и отплывъ еще 120 верстъ, Бековичъ остановился въ заливѣ Бехтиръ-Лиманъ (выше зал. Киндерли), который назвалъ своимъ именемъ Александръ-Бай. Тутъ заложена была другая крѣпость, также названная по имени Бековича Александровскою. на мѣстѣ весьма удобномъ къ защитѣ, почему въ гарнизонѣ оставлены были только три роты казанскаго полка. Впоследствии, когда Бековичу пришло въ голову прибавить къ своему титулу еще громкое и грозное „Девлетъ-Гирей“, т. е. покоритель царствъ, то и крѣпость эту онъ переименовалъ въ „Девлетъ-Гирей“. 3 ноября князь Бековичъ прибылъ къ Краснымъ водамъ и заложилъ здѣсь третью и важнѣйшую крѣпость, у входа въ Балканскій заливъ.

Сюда же прибылъ и Кожинъ, ложно увѣрявшій Бековича, будто ханъ астрабадскій отказалъ въ пропускѣ подпоручика Давыдова чрезъ персидскія владѣнія, по причинѣ происшедшаго, будто бы, въ Персіи бунта.

Для постройки крѣпости оставленъ былъ фонъ-деръ-Винденъ съ азовскимъ или коротояцкимъ и астраханскимъ полками, половина которыхъ была еще „не въ прїѣздѣ, понеже ихъ погодою мор-

скою разнесло и выметало по берегамъ на персидскій кряжъ и на трухменской *)“.

Какъ и въ Тюпъ-Караганѣ мѣсто было выбрано на безводной и безлѣсной косѣ, гдѣ въ колодцахъ вода „малымъ отмѣнна отъ морской и песокъ отъ моря потоплыя и вонь непомѣрная **)“. Протесты Кожина и фонъ-деръ Виндена, отказывавшагося даже отъ командованія, ни къ чему не повели. „Дѣлай то, что велятъ, ты оставляешься на пробу“,—отвѣтилъ Бековичъ и уѣхалъ въ Астрахань. Проба эта обошлась гарнизону не дешево: изъ 2473 чел. къ веснѣ 1718 года осталось только 300 съ небольшимъ, а въ Тюпъ-Караганѣ „и еще злѣе“, какъ выражался Кожинъ. Такимъ образомъ, совершенно неизвѣстно для какой надобности, Бековичъ измѣнилъ приказъ Петра I и вмѣсто одной крѣпости построилъ три, куда и засадилъ почти всю пѣхоту свою, т. е. самый надежный элементъ своего отряда... Главная и большая часть войскъ экспедиціи, совершенно бесполезно для дѣла, оставлена была умирать въ безводныхъ и вонючихъ прибрежныхъ укрѣпленіяхъ.

Самый путь избранъ былъ Бековичемъ, также вопреки волѣ Петра, не отъ Красныхъ водъ по старому руслу Аму, а отъ Астрахани...

Немудрено, что подчиненные перестали довѣрять ему, а когда онъ вырядился въ азіатскій костюмъ, обрилъ голову и принялъ титулъ Девлетъ-Гирей, т. е. покорителя царствъ, то подозрѣніе этого кабардинскаго князька въ измѣнѣ зашевелилось въ умахъ русскихъ людей, отданныхъ ему въ команду...

Онъ измѣнилъ вѣрѣ отцовъ ради женитьбы на христіанкѣ, дочери русскаго вліятельнаго князя, а братья его остались мусульманами и, конечно, какъ всѣ мусульмане, не могли относиться къ нему по прежнему. Когда жена и дѣти Бековича погибли, то весьма возможно, что эту катастрофу и родственники его, и самъ онъ объясняли себѣ, какъ наказаніе, ниспосланное Аллахомъ за измѣну вѣрѣ отцовъ... Что могло теперь удерживать его въ христіанствѣ?

Если два брата его Сіунча и Акъ-мурза прїѣхали потомъ въ отрядъ съ нѣсколькими узденями-мусульманами, то не ясно ли, что съ нимъ примирились? Облекшись снова въ татарскій костюмъ, обривъ голову и перемѣнивъ самое имя, не обратился ли Бековичъ снова въ прежняго татарина, хотя по внѣшности. А затѣмъ: погубивъ всю пѣхоту, болѣе 3000 человекъ, еще до настоящаго похода, а въ походѣ предавъ и драгунъ хивинцамъ, развѣ онъ не загладилъ свой грѣхъ передъ Аллахомъ и не поступилъ съ русскими по рецепту Конрада Валленрода?

*) Донесеніе ф. д. Виндена графу Апраксину 30 апр. 1718 г.

**) Донесеніе Кожина Апраксину 13 апр. 1718.

Возвратившись 20 февраля 1717 года на верблюдахъ въ Астрахань, Бековичъ занялся приготовлениями къ четвертому своему походу.

Кожинъ не хотѣлъ уже исполнять порученій князя Черкаскаго, не хотѣлъ участвовать въ предполагаемой экспедиціи, доказывая, что она не удастся, и требуя особаго порученія въ Индію. Онъ получилъ извѣщеніе отъ Аюки-хана калмыцкаго, что Хива собираетъ войска, чтобы встрѣтить русскихъ съ оружіемъ, что русскіе не найдутъ тамъ ни воды, ни сѣна, что хивинцы хотятъ идти на красноводское укрѣпленіе и что посланныхъ княземъ Черкасскимъ гонцовъ держать „не въ чести“.

Кожинъ извѣстилъ объ этомъ государя, генераль-адмирала графа Апраксина и князя Меншикова, обвиняя Бековича въ намѣреніи „измѣннически предать русское войско въ руки варваровъ“, а самъ возвратился въ Петербургъ. За такой самовольный поступокъ онъ былъ преданъ суду, но въ послѣдствіи, какъ кажется, прощенъ, когда предсказанія его оправдались. Слухи, сообщенные Аюки-ханомъ, были подтверждены и письмомъ изъ Хивы отъ Воронина и Святаго.

Воронина держали подъ карауломъ до прибытія хана изъ похода, но и тутъ ханъ допустилъ Воронина къ себѣ для свиданія только черезъ мѣсяць и потомъ, принявъ грамоты и дары, не давалъ ему никакого отвѣта и не отпускалъ обратно въ Россію. Въ Хивѣ дѣйствительно собирались войска и уже отправленъ былъ передовой отрядъ въ 1000 человекъ на встрѣчу русскимъ. Такимъ образомъ князь Черкасскій зналъ о приготовленияхъ хивинцевъ, но надѣялся съ ними справиться.

Въ составъ отряда сухопутной экспедиціи было назначено: Пѣхоты: двѣ роты солдатъ, посаженныхъ на лошадей, 300 чел. Кавалеріи: драгунскій полкъ 600 чел. Иррегулярныхъ войскъ: яицкихъ казаковъ 1,400 чел., гребенскихъ казаковъ 500 чел., черкесскихъ узденей (съ Сіюнчемъ и Акъ-мурзой, братьями Бековича) 22 чел., юрговскихъ татаръ (калмыки) 32 чел., нагайскихъ татаръ около 500 чел. Артиллерійскихъ и морскихъ чиновъ слѣдуетъ полагать около 100 чел. Всего 3454 чел. при 6-ти орудіяхъ. Купеческій караванъ при отрядѣ составилъ изъ 35 купцовъ (въ томъ числѣ 13 русскихъ) со 161 чел. прислуги.

При отрядѣ состояли: князь Самановъ (Замановъ), нѣсколько астраханскихъ дворянъ, подьячихъ и толмачей; проводникомъ былъ прежній туркменецъ Ходжа Нефесъ.

Слѣдовательно, всего въ отрядѣ должно полагать 3646 человекъ и изъ нихъ пѣхоты только 300 человекъ!

Войску отпущено трехмѣсячное продовольствіе, артиллерійскіе и другіе припасы; подъ 2 роты пѣхоты куплено 297 лоша-

дей, а подъ тяжести 200 верблюдовъ. Казаки имѣли своихъ вьючныхъ лошадей; драгунамъ куплено по 1 лошади на 2-хъ человекъ; кромѣ того подъ тяжести взято у астраханскихъ, красноярскихъ и другихъ жителей до 300 арбъ и немалое число телѣгъ.

На святой недѣлѣ 1717 года, въ концѣ апрѣля, яицкіе и гребенскіе казаки, подъ командою секундъ-маіора Пальчикова выступили къ Гурьеву со всеми лошадьми остального отряда (пѣхота, драгуны, уздени и проч.), отправлявшася на судахъ недѣлю позже къ тому же Гурьеву.

Изъ лагеря подъ Гурьевымъ, Бековичъ отправилъ 100 человекъ яицкихъ казаковъ для усиленія топъ-караганскаго гарнизона который потерялъ за зиму до 500 человекъ умершими (изъ 1254 чел.). Бековичъ рассчитывалъ пополнить отрядъ туркменами, подвластными Аюки-хану, но туркмены, отговариваясь сильными жарами, прислали только 10 человекъ, съ проводникомъ Кашкою. Туркмены, какъ оказалось, уже снеслись съ Хивою и держали нейтралитетъ до чьей-нибудь побѣды. Подъ Гурьевымъ Бековичъ простоялъ безъ всякой надобности около мѣсяца... Пропустивъ прохладное время, отрядъ точно дожидался жаровъ.

Стоянка здѣсь ознаменовалась ночнымъ нападеніемъ каракалпаковъ, угнавшихъ всехъ казацкихъ лошадей и захватившихъ 60 казаковъ, сторожившихъ табуны. Бековичъ однако пустился въ погоню, отбилъ табуны, выручилъ плѣнныхъ и захватилъ еще нѣсколько каракалпаковъ.

Въ началѣ іюня, слѣдовательно, въ самое трудное для степного похода время, отрядъ выступилъ изъ Гурьева въ походъ. Такъ какъ изъ похода почти никто не вернулся, то свѣдѣнія о событіяхъ добывались допросами проводника Ходжи Нефеса и казака изъ татаръ Урахмета Ахметева. Числа ихъ не сходятся день въ день, но все-таки, приблизительно, отрядъ выступилъ 8 іюня послѣ Троицы.

Оставивъ влѣвѣ большую караванную дорогу въ Хиву, отрядъ направился, „для ради конскихъ кормовъ и воды“, малою, новою дорогою, которая шла по близости морского берега и пересѣкала много рѣчекъ. Черезъ 8 дней отрядъ уже былъ на Эмбѣ, пройдя усиленными переходами, безъ дневокъ, 300 верстъ. Отдохнувъ здѣсь два дня, отрядъ двинулся къ урочищу Богачать, откуда уже слѣдовалъ по большой хивинской дорогѣ на колодцы Дучканъ, Мансулмасъ и Чилданъ. Здѣсь на ночлегѣ, бывшіе при отрядѣ калмыки и туркмены, вмѣстѣ съ проводникомъ Кашкою, бѣжали—частью въ свои аулы, частью въ Хиву. Проводникомъ сдѣлался Ходжа Нефесъ, который и повелъ отрядъ на колодцы Санъ, Косчигозы, Бѣлявли, Дуралы и Ялги-су, или вѣрнѣе Ялгису *).

* Въ переводѣ Ялги-су значить „новая вода“.

Отсюда (за 8 дней хода до Хивы) Бековичъ отправилъ въ Хиву дворянина Керейтова, со 100 казаками, для увѣренія хана въ мирной цѣли своего посольства. Это было совершенно напрасно, потому что нисколько не гармонировало съ титуломъ султана и „покорителя царствъ“, который принялъ Бековичъ съ начала похода. Бековичъ явно искалъ популярности у туркменъ: обрилъ себя голову, надѣлъ черкесскій костюмъ и намекалъ, говорятъ, что онъ и самъ можетъ быть ханомъ въ Хивѣ.

Оставивъ при колодцѣ Янгысу до 1000 художонныхъ казаковъ со многими отсталыми, отрядъ направился на колодезь Шеммилдунъ, рѣку Каракумметъ и рѣчку Акуль, которыя обѣ выходятъ по словамъ Нефеса, изъ Аму-Дарьи.

Ни на одной картѣ нельзя найти ни одного изъ упомянутыхъ названій, а существованіе на западномъ берегу Аральскаго моря развалинъ крѣп. Девлетъ-Гирей, построенной, сѣдя по преданіямъ туземцемъ, Бековичемъ, окончательно сбиваетъ изслѣдователя. Профессоръ А. И. Макшеевъ, на стр. 72 своей книги „Историч. обзоръ Туркестана“, считаетъ рѣку Каракумметъ и урочище Кара-Гумбетъ у озера Айбугиръ, нынѣ высохшаго, тождественными; а рѣчку Аккуль (по русски—бѣлое озеро) за тотъ же Айбугиръ. Ни подтверждать, ни опровергать этого совершенно невозможно, хотя можно допустить, что проводникъ Нефесъ умѣлъ различать озеро отъ рѣчки и что рѣчками могли называться большіе арыки, капризно измѣнявшіе данное имъ рукою человѣка направленіе. Подъ Ташкентомъ мы знаемъ арыки Босъсу и Чаули, которые теперь на канавки не похожи и называются рѣчками. То же самое было возможно 180 лѣтъ назадъ и въ хивинскомъ ханствѣ.

Эта путаница проще всего объясняется тѣмъ, что маршрутъ этотъ записанъ со словъ неграмотнаго проводника-туркмена, который могъ и забыть названія за неимѣніемъ карты, если не сдѣлалъ этого съ умысломъ. Вѣдь ему не прошло бы даромъ, что онъ бѣжалъ изъ отряда, если бы это узнали при его опросѣ. Онъ былъ, конечно, не настолько простъ, чтобы въ этомъ сознаваться... Во всякомъ случаѣ можно допустить, что съ устья Эмбы Бековичъ прошелъ кратчайшимъ путемъ къ Аральскому морю, заложилъ на берегу его укрѣпленіе Девлетъ-Гирей и затѣмъ двинулся въ хивинскій оазисъ.

На приложенной картѣ Средней Азіи, составленной по ряду съемокъ со включеніемъ самыхъ послѣднихъ съ карты Главнаго Штаба, нѣтъ ни одного изъ названій урочищъ и колодцевъ маршрута Нефеса. Поэтому на картѣ обозначенъ путь экспедиціи наиболѣе вѣроятный, мимо озеръ Самъ и Асмантай, доведя его только до хивинскаго оазиса. За 200 лѣтъ, конечно, многія урочища и колодцы могли исчезнуть, а явились новыя и потому

для предположеній имѣется извѣстный просторъ, города же остались и тутъ простора нѣтъ. На нашихъ глазахъ извѣстный заливъ Аральскаго моря Айбугиръ пересохъ и исчезъ не только съ картъ, но и въ мѣстныхъ названіяхъ прежнихъ урочищъ.

Принимая на вѣру показанія Нефеса и татарина Ахметева, окажется, что къ 15 августа отрядъ былъ уже на Карагачѣ, при озерахъ или разливахъ Аму-Дарьи, въ 150 верстахъ отъ Хивы, и такимъ образомъ прошелъ голою степью до 1350 верстъ въ теченіи 65 дней и въ самое жаркое время года, когда обыкновенно стоитъ выше 40° по Реомюру.

Почти на каждомъ привалѣ и ночлегѣ приходилось рыть множество (до 35) колодцевъ въ 2—4 сажень глубиною, и такимъ образомъ войска не знали отдыха. Такой тяжелый походъ, въ самое жаркое время, каковы июнь и июль мѣсяцы, сопровождался, конечно, значительною убылью верблюдовъ и вьючныхъ лошадей. Частыя дневки для отдыха мало помогали въ этомъ отношеніи, и мы видѣли, что на колодцѣ Янгысу или Янги-су пришлось оставить 1000 казаковъ съ пристальными конями. Спасшійся изъ плѣна казакъ Федоръ Емельяновъ, на допросѣ, показалъ, что, начиная отъ Гурьева до хивинской земли, „провіанту побросано и отсталыхъ лошадей дорогою покинуто многое число... За дальностію и за недовольствомъ кормовъ лошади многія пристали“.

Между тѣмъ, вслѣдъ за прибытіемъ въ хиву, бѣжавшихъ изъ отряда проводниковъ-туркменовъ, ханъ Ширгазы приказалъ заключить Керейтова и его конвой по тюрьмамъ, а самъ поспѣшилъ собрать, сколько могъ успѣть, войска. Чтобы удостовѣриться въ характерѣ посольства, ханъ послалъ въ отрядъ своихъ уздепей съ подарками Бековичу, который не принималъ пословъ въ теченіе двухъ дней, пока не подошли, оставшіеся на Янгысу 1000 казаковъ.

Это было сдѣлано съ цѣлью показать хивинцамъ силы отряда. Слухи о многочисленности хивинскихъ войскъ (ихъ было на самомъ дѣлѣ 24,000) подѣйствовали и на Нефеса, который также бѣжалъ отъ русскихъ. Князь Бековичъ, узнавъ о приготовленіяхъ хана къ войнѣ, расположилъ отрядъ тыломъ къ водѣ, оградивъ его съ прочихъ трехъ сторонъ тѣльгами и арбами.

На другой же день по прибытіи русскихъ къ Карагачу, 60 казаковъ, посланныхъ на рыбную ловлю, были захвачены въ плѣнъ, а 17 числа къ отряду подошла хивинская конница, которая безъ всякихъ предварительныхъ объясненій понеслась въ атаку.

Бой продолжался до ночи, при наступленіи которой, хивинцы отступили версты на двѣ и расположились таборомъ, охвативъ имъ отрядъ русскихъ въ видѣ полумѣсяца.

Предвидя новое нападеніе, Бековичъ окопалъ лагерь свой ровомъ и валомъ, который и вооружилъ своими шестью пушками.

На слѣдующій день бой возобновился и продолжался еще двое сутокъ сряду (другіе увѣряютъ, что бой длился даже 5 дней). Вооруженные преимущественно сайдаками (луками), хивинцы, конечно, не могли причинить русскимъ значительнаго вреда за закрытіями, а сами терпѣли отъ нашей артиллеріи и ружей значительный уронъ. Вся наша потеря заключалась въ 10 убитыхъ. Видя безуспѣшность своихъ нападений, хивинцы приступили къ переговорамъ.

Посоль хивинскій оправдывался, что нападеніе на нашъ отрядъ сдѣлано безъ повелѣнія хана и до его прибытія къ войску.

Между тѣмъ ханъ Ширгазы собралъ совѣтъ и предложилъ коварный планъ, придуманный его казначеемъ: войти въ переговоры, заманить къ себѣ русскаго предводителя и заставить его раздѣлить войско на мелкіе отряды, подъ предлогомъ размѣщенія его на зимнія квартиры по разнымъ городамъ.

Въ русскомъ лагерѣ также совѣщались на военномъ совѣтѣ. Майоръ Франкенбергъ и другіе офицеры высказались рѣшительно противъ переговоровъ, одинъ Самановъ былъ за нихъ и Бековичъ припалъ его мнѣнію, основываясь на томъ, что отрядъ сильно утомленъ, а лошади и верблюды, находившіеся тоже въ окопахъ, не могли оставаться безъ пастыбы.

Во время этихъ совѣщаній, утромъ 20 августа, хивинцы возобновили нападенія; но когда Бековичъ потребовалъ черезъ одного татарина объясненія, то ханъ отвелъ свои войска въ таборы, извѣстивъ, что нападеніе произведено безъ его вѣдома туркменами и аральцами, а для большей убѣдительности ханъ показалъ нашимъ посланцамъ двухъ туркменъ, изъ числа виновныхъ будто бы въ нападеніи, которыхъ водили передъ всѣмъ войскомъ на тонкой веревкѣ, прoderнутой одному въ поздю, а другому въ ухо.

Векорѣ затѣмъ явились въ русскій лагерь два хивинскихъ уполномоченныхъ Кулумбай и Назаръ Ходжа, съ которыми и заключенъ былъ предварительный мирный договоръ, утвержденный съ обѣихъ сторонъ клятвою, причемъ эти уполномоченные цѣловали коранъ, а князь Черкасскій—крестъ. На другой день ханъ пригласилъ князя Бековича въ свой станъ для торжественнаго пріема и для переговоровъ. Бековичъ тотчасъ отправился, вмѣстѣ съ братьями своими, Самановымъ и свитой, въ сопровожденіи 700 человекъ казаковъ и драгунъ. Ханское войско раздѣлилось и пропустило ихъ къ шатрамъ ханскимъ, вблизи которыхъ приготовлены были шатры и для Бековича.

На слѣдующій день ханъ припалъ князя Черкаскаго, который подаль ему грамоту и царскіе подарки, состоявшіе изъ сукопъ, сахара, соболей, 9 блюдей, 9 тарелокъ и 9 ложекъ серебряныхъ

и проч. *). Ханъ увѣрялъ его въ добромъ расположеніи своемъ къ русскимъ, подтвердилъ клятвою и цѣлованіемъ корана мирный договоръ, заключенный Колумбаемъ и Назаромъ Ходжею, и угощалъ Бековича и Заманова обѣдомъ, въ продолженіе котораго играла русская военная музыка.

Послѣ этого ханъ, со всѣмъ своимъ войскомъ, двинулся назадъ къ Хивѣ; съ ними пошелъ и русскій отрядъ. На другой день ханъ возвратилъ назадъ подарки съ упрекомъ, что сукна доставлены „драныя“, тогда какъ въ царской грамотѣ значатся цѣльныя. Разодралъ сукно (на куски по 5 аршинъ) Самановъ, съ цѣлію извлечь изъ этой операціи какую-то выгоду, „чтобъ имъ чѣмъ можно выгнать назадъ“. Черкасскій горько упрекалъ Саманова за эту продѣлку и даже плакалъ, но, не желая обнаружить истину, объявилъ, что это были его собственные подарки а что царскими онъ будетъ дарить хана послѣ.

Дѣйствительно, въ послѣдствіи Бековичъ снова дарилъ хана и его приближенныхъ.

Передъ отправленіемъ въ Хиву, князь Бековичъ послалъ дворянина Звалскаго извѣстить майора фонъ-Франкенберга и Пальчикова о дружескомъ пріемѣ хана и своемъ отъѣздѣ въ Хиву, причемъ предписывалъ имъ идти за нимъ слѣдомъ со всѣмъ остальнымъ отрядомъ.

Слѣдуя черезъ урочище Старую Хиву (Куныя - Ургенчъ) и Аральскія пашни, ханъ расположился лагеремъ близъ гор. Порсу на большомъ арыкѣ Порсунгуль, въ двухъ дняхъ пути отъ Хивы. Здѣсь Бековичъ имѣлъ новое свиданіе съ ханомъ и вручилъ ему новые подарки. Главный отрядъ нашъ расположился верстахъ въ трехъ отъ хивинскаго лагеря, такъ какъ ближе къ ставкѣ Бековича не допустили хивинцы. На третій день ханъ объявилъ, что онъ не можетъ поставить на квартирахъ въ одномъ городѣ такой значительный отрядъ и потому просить раздѣлить войско на нѣсколько частей, для отвода на квартиры въ ближайшіе къ Хивѣ города.

Къ удивленію, Бековичъ согласился исполнить желаніе хана и далъ фонъ-Франкенбергу и Пальчикову соотвѣтствующія приказанія, отпустивъ съ хивинскими рассыльными и большую часть своего конвоя, т. е. 500 человекъ изъ 700 въ русскій лагерь.

Офицеры наши, менѣе князя довѣрчивые, поражены были нецѣлостію такого приказанія. Узбекамъ, явившимся съ предложеніемъ раздѣлить отрядъ и идти съ ними на квартиры, фонъ-Франкенбергъ съ неудовольствіемъ объявилъ, что русскимъ отрядомъ командуетъ не ханъ, а князь Бековичъ. Два письменныхъ приказанія Бековича также не были исполнены. Дѣло казалось

*) Число 9 освящено обычаемъ въ Средней Азійи и Персіи.

этимъ бравымъ офицерамъ такъ ясно, нелѣдность приказанія была имъ такъ очевидна, что только послѣ личнаго объясненія съ Бековичемъ фонъ-Франкенберга, ъздившаго для того нарочно въ хивинскую ставку, и только послѣ угрозъ военнымъ судомъ, оба эти офицера предалися на волю Божию и, раздѣливъ отрядъ на пять отдѣльныхъ частей, распустили людей съ присланными узбеками.

Такимъ образомъ небольшія команды русскихъ, въ 450 — 500 человекъ, разошлись во все стороны подъ конвоемъ хивинцевъ, принимавшихъ какъ будто дорогихъ своихъ гостей и разводившихъ ихъ по квартирамъ. Хивинцы только того и ждали: еще не успѣлъ князь Черкасскій слѣзть съ коня, отдавъ послѣднiя приказанія уходившему отъ него отряду, какъ хивинцы бросились на оставленный имъ при себѣ небольшой конвой и часть изрубил, часть взяли его въ плѣнъ и ограбили. Экономовъ, князь Самановъ и князь Черкасскій, раздѣтые до нага, были изрублены въ глазахъ хана. Такой же участи подверглись и остальные отряды русскихъ. Они перенесли столько трудовъ и лишенiй, такъ мужественно боролись и съ природою, и съ людьми, и все это какъ будто для того только, чтобы безславно погибнуть въ виду цѣли!

Истреблены, впрочемъ, были не все: наиболѣе сильныя отобранны, какъ рабочая сила. Ихъ употребили на рытье каналовъ-арыковъ, и самые большiе изъ нихъ, какъ, на примѣръ, Палванъ-Ата, по преданiю, существующему въ Хивѣ, выкопаны были русскими. Плѣнные шведы копали у насъ Ладожскiй каналъ, стало быть, это было въ порядкѣ вещей. Наибольшее участiе въ избiенiи русскихъ принимали жители г. Порсу, и во время хивинской экспедицiи 1873 г. потомки ихъ жестоко поплатились по чистой случайности, такъ какъ наши и не знали даже, что имѣютъ дѣло именно съ тѣми, на комъ лежала русская неотомщенная кровь.

Ханъ съ торжествомъ возвратился въ Хиву, встрѣчаемый радостными толпами народа. Съ отрубленныхъ головъ снята была кожа и набита травою. У Адарскихъ воротъ, на особо устроенной висѣлицѣ выставлены были приготовленные такимъ образомъ головы Саманова и Экономова. Голова же Бековича отправлена была къ хану бухарскому; но тотъ не принялъ пословъ, велѣлъ встрѣтить ихъ на дорогѣ и сказать: „если ихъ ханъ людоѣдъ, то пусть обратно отнесутъ ему голову; а я не принимаю участiя въ его поступкѣ“.

Фактъ истребленiя русскаго отряда разсказывается еще и такъ*):

*) Родословная исторiя о татарахъ. Абуль-Гази Баядуръ Хана. Часть II, стр. 354.

во время переговоровъ Бековичъ требовалъ, чтобы запрудили русло Аму-Дарьи, шедшее въ Аральское море и, напротивъ, разрушили плотину, отклонившую рѣку отъ направленiя къ Каспiю. Хивинцы отговаривались трудною выполнить эту задачу, и Бековичъ рѣшился сдѣлать это самъ. Взявъ аманатовъ, онъ заставилъ вести себя къ Аму-Дарьѣ, гдѣ надо было строить плотину, чтобы отвести рѣку отъ Аральскаго моря.

Проводники повели русскихъ безводными степями, и когда на шестой день жажда заставила русскихъ раздѣлиться отрядами, чтобы скорѣе найти воду, то хивинцы разбили ихъ по частямъ.

Разсказъ этотъ отчасти правдоподобенъ, пока дѣло идетъ объ отводѣ р. Аму въ Каспiйское море: завѣтная мечта Великаго Петра, конечно, должна была напомнить о себѣ первую, какъ только хивинцамъ можно было уже приказывать. Что касается до безводныхъ переходовъ, то легендарность разсказа дѣлается очевидною: стоя на большомъ арыкѣ, въ двухъ дняхъ пути отъ Хивы и, значить, во всякомъ случаѣ не далѣе, какъ въ четырехъ дняхъ отъ р. Аму, странно было бы идти къ рѣкѣ пять дней, да вдобавокъ съ какою-то болотною водою, которой все-таки не хватало на отрядъ.

Замѣчательно однакожь, что братья Бековича, съ узденями, были отпущены на родину... Почему такая милость? Ради ихъ мусульманства или предательства? Основываясь на неточныхъ свѣдѣнiяхъ, сообщенныхъ Нефесомъ, можно бы принять, что все число погибшихъ и попавшихъ въ плѣнъ изъ отряда Бековича простиралось до 3,000, а такъ какъ изъ Гурьева онъ выступилъ съ 3,646 чел., то недостающiе 646 чел. могутъ быть отнесены на убыль въ походѣ. Убыль въ $\frac{1}{4}$ наличнаго числа людей можно считать ничтожною въ виду неизбежнаго изнуренiя отъ громадности трудовъ и лишенiй; усиленные переходы въ самую знойную пору оказались вовсе не такъ губительными, какъ можно было ожидать.

Приведа мнѣнiя лицъ, писавшихъ ранѣе о походѣ Бековича, что причинами гибели $3\frac{1}{2}$ -тысячнаго русскаго отряда были коварство хивинцевъ, измѣна Аюки-Хана калмыцкаго и неразумная довѣрчивость Бековича, происходившая отъ нравственнаго его разстройства вслѣдствiе семейнаго горя, Макшеевъ на стр. 75. говорить, что „немаловажною причиною... было также, какъ справедливо замѣтилъ Веселовскiй въ своемъ историческомъ очеркѣ хивинскаго ханства (стр. 173),—странное и двусмысленное положенiе Бековича, какъ мирнаго посланника съ одной стороны и предводителя военнаго отряда, слѣдовательно, непрiятеля — съ другой“. Макшеевъ раздѣляетъ это мнѣнiе, считаетъ его справедливымъ, и потому можно бы подумать, что и онъ съ Веселовскимъ на мѣстѣ Бековича, также переселился бы въ хивинскiй

лагерь въ качествѣ мирнаго посла и оттуда разсылалъ бы войскамъ глупыя приказанія въ качествѣ военачальника!

Виноватымъ оказывается одинъ Петръ Великій, соединившій въ одномъ лицѣ двѣ несомвѣстимыхъ обязанности! Но если мы обратимъ вниманіе на то, что Бековичъ, вмѣсто одной крѣпости на Каспій, какъ было повелѣно Петромъ I, построилъ еще двѣ ненужныхъ и негодныхъ, куда и засадилъ всю свою пѣхоту „на пробу“, если припомнимъ, что у фонъ-Вендена, въ азовскомъ и астраханскомъ полкахъ, изъ 2,473 чел., на Красныхъ водахъ, погибло, за зиму 2,173 чел., а на Тюпъ-Караганѣ у Хруцова, въ казанскомъ полку, изъ 1,254 чел. пострадали, по свидѣтельству Кожина, почти все *) безъ всякой пользы для похода въ Хиву; если, наконецъ, укажемъ, что въ четвертую свою экспедицію онъ простоялъ у Гурьева, безъ всякой надобности, лишній мѣсяцъ и тронулся въ походъ только съ наступленіемъ жаровъ, а затѣмъ, одержавъ побѣду надъ хивинцами, отдалъ свои войска въ распоряженіе хана для размѣщенія будто бы по квартирамъ, то объяснять все это правственнымъ разстройствомъ будетъ трудно. Къ тому же о зимнихъ квартирахъ въ августѣ, при хивинскомъ климатѣ, и думать рановато. Надо было захватить любой городъ и основаться въ немъ.

Весь уронъ, причиненный безумными распоряженіями православнаго татарина, превысилъ 6,000 чел. и 6 орудій.

Вѣсть о плачевной участи экспедиціи князя Черкаскаго прежде всего дошла въ новыя укрѣпленія при Тюпъ-Караганѣ и Красныхъ водахъ; крѣп. Св. Петра еще не была окончена, а между тѣмъ, съ полученіемъ печальной вѣсти, начались нападенія туркменъ. На военномъ совѣтѣ рѣшено было прекратить постройку крѣпости въ предположенныхъ размѣрахъ и, ограничившись готовыми уже постройками, замкнуть занятое ими пространство заборомъ и обнести валомъ. Недостатокъ дровъ, которыхъ нельзя было найти ближе Астрахани, вынудилъ командированіе туда части гарнизона, достигшей благополучно цѣли назначенія, но не возвратившейся назадъ, такъ какъ море уже замерзло.

Въ Красноводской крѣпости извѣстіе получено еще въ августѣ отъ туркменъ, которые напали на команду, посланную за дровами, и захватили 26 человекъ въ плѣнъ. Подступивъ затѣмъ къ крѣпости, они объявили высланному для переговоровъ переводчику, что отрядъ князя Черкаскаго истребленъ, и что они намѣрены овладѣть крѣпостью. 10 сентября они и дѣйствительно напали на крѣпость съ сухого пути и съ моря, ворвались въ нее, но были выбиты. Устроивъ на косѣ, соединявшей крѣпость съ материкомъ, ложементъ изъ мучныхъ кулей, гарнизонъ

*) Хотя Бековичъ доносилъ, будто тутъ умерло всего 500 чел.

отбилъ еще нѣсколько нападеній туркменовъ, но уже было очевидно, что, по крайнему неравенству силъ, долго держаться было невозможно. Собранный военный совѣтъ рѣшилъ оставить укрѣпленіе и возвратиться въ Астрахань на судахъ, омельвшихъ при крѣпости. 3 октября весь отрядъ сѣлъ на суда и отплылъ въ море, но буря разнесла суда, изъ которыхъ нѣкоторыя потерпѣли крушеніе, а другія были прибиты къ устьямъ Куры, гдѣ и прозимовали, и только весною 1718 г. возвратились въ Астрахань. Погибло въ морѣ до 400 чел.

Еще въ сентябрѣ 1717 г. сенату было донесено изъ Астрахани о печальномъ исходѣ хивинской экспедиціи; Петръ Великій былъ въ это время за границею, откуда прислалъ приказаніе казанскому губернатору усилить гарнизоны на Тюпъ-Караганѣ и Красныхъ водахъ, но это приказаніе опоздало, такъ какъ гарнизоны уже оставили укрѣпленія и воротились въ Астрахань.

Такъ окончилась знаменитая по преодолѣннымъ трудностямъ и первая русская экспедиція въ степи Средней Азіи, подававшая вначалѣ столь блестящія надежды.

Напрасно сваливать вину на калмыцкаго хана Аюку, на проводниковъ и проч. Отрядъ дошелъ и побѣдилъ,—значить, разные предшествовавшіе обманы вліянія на исходъ дѣла не имѣли.

Вся вина падаетъ на фонъ Франкенберга и Пальчикова, не сумѣвшихъ отличать законныхъ приказаній отъ незаконныхъ и повиновавшихся начальнику, который, во-первыхъ, былъ полусумасшедшимъ, а во-вторыхъ—въ плѣну. Приказаніе, о которомъ идетъ рѣчь, могъ отдать либо измѣнникъ, либо полоумный. Ничтожному отряду въ 3000 чел. нельзя расходиться среди враждебнаго населенія и сдаваться на его милость и добродушіе. Въ цѣльной массѣ такой отрядъ, съ лучшимъ вооруженіемъ, чѣмъ у врага, представлялъ уже силу, для которой вопросъ о сдачѣ на милость врага даже не долженъ быть существовать. Если приказаніе разойтись отдать измѣнникъ, передавшійся непріятелю, то приказаніе незаконно и Франкенбергъ съ Пальчиковымъ не имѣли права исполнять его. Если Бековичъ не былъ измѣнникомъ, а только душевно-больнымъ, то приказанія его являются нулевыми, какъ бредъ, ни для кого не обязательный, и исполнять ихъ преступно. Если онъ, перейдя въ лагерь хивинцевъ, боялся ихъ и передавалъ своимъ лишь приказы хана, то опять его приказы незаконны, ибо это приказы врага.

Неудачи нѣсколько, однакожь, не отклонили Петра отъ его видовъ на Среднюю Азію. Возвратясь изъ-за границы, 10 октября 1717 г. государь въ торжественной аудіенціи принялъ бухарскаго посла, который, ставъ на колѣни, поклонился царю отъ лица хана. Посоль хотѣлъ вынуть грамоту изъ особой шкатулки, но ея тамъ

не оказалось. Попросивъ прощенія у государя, онъ отправилъ одного изъ своихъ за грамотою на свою квартиру. Когда, наконецъ, грамота была поднесена царю, Петръ поднялъ надъ нею руку, а принялъ грамоту подканцлеръ Шафировъ. Затѣмъ посольство поздравило царя съ побѣдою надъ шведами и просило отъ имени эмира прислать въ Бухару девять шведовъ и отправить посломъ „разумнаго человѣка“. Петръ воспользовался случаемъ и назначилъ посломъ въ Бухару весьма образованнаго итальянца, служившаго секретаремъ оріентальной экспедиціи посольскаго приказа, по имени Флоріо Беневени. Ему поручено было утвердить русское вліяніе въ Бухарѣ, и „буде возможно заключить съ нею оборонительный альянсъ“, а хану предложить гвардію изъ русскихъ. Кромѣ того Беневени долженъ былъ собрать свѣдѣнія о торговлѣ и особенно развѣдать о рѣкахъ золотоносныхъ.

Въ сентябрѣ 1718 г. нашъ посольство выѣхало изъ Москвы и, нагнавъ въ Астрахани возвращавшееся бухарское посольство, условился съ послѣднимъ относительно дальнѣйшаго направленія пути. Рѣшено было ѣхать на Шемаху, черезъ Персію (Шемаха тогда принадлежала Персіи). Въ іюлѣ слѣдующаго года оба посла прибыли въ Шемаху, но здѣсь, по случаю враждебныхъ отношеній Персіи къ Бухарѣ, посланники были задержаны въ продолженіе цѣлаго года. Беневени приписывалъ это раздраженію персіянъ противъ русскихъ, вслѣдствіе самоуправія и буйства переводчика посольской канцеляріи Димитраки Петричиса, посланнаго курьеромъ въ Персію. Тотъ грекъ наказалъ плетью одного изъ посланных Аюки хана къ персидскому шаху за то, что тотъ не явился къ нему по первому зову, и затѣмъ заперъ его въ своей квартирѣ, освободивъ только послѣ угрозы шемахинскаго хана.

Когда, наконецъ, Беневени вздумалъ выѣхать изъ города назадъ въ Россію, то посольскій домъ былъ окруженъ войсками, и 16 человѣкъ русскихъ встрѣчены были выстрѣлами. Завязалась перестрѣлка, въ которой съ нашей стороны убито было трое, у непріятеля же пятеро. Русскіе заперлись и согласились на миръ, только подъ условіемъ немедленнаго отправленія къ шаху. Не дожидаясь однакоже разрѣшенія, посольство выѣхало изъ города 11 августа 1719 г., за нѣсколько часовъ до нападенія лезгинъ, разграбившихъ городъ.

По прибытіи посольства въ Тегеранъ, шахъ, хотя и извинялся передъ Беневени въ задержкахъ, ему причиненныхъ, и обѣщалъ отправить его немедленно въ дальнѣйшій путь, но непрерывныя возмущенія задержали посольство еще болѣе полугода. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ задержекъ, Беневени прибылъ въ Бухару только въ 1721 г., въ первыхъ числахъ ноября.

Положеніе дѣлъ въ Бухарѣ въ это время было весьма пла-

чевно. Безпрерывныя войны съ Хивою и возмущенія узбековъ дѣлали положеніе эмира ненадежнымъ. Вотъ причина, почему Беневени, въ продолженіе трехлѣтняго пребыванія своего въ Бухарѣ не могъ заключить никакихъ договоровъ съ правителемъ ея, весьма охотно желавшимъ соглашенія, но боявшимся узбековъ. Посольство должно было сношаться съ эмиромъ то черезъ внука, то черезъ его сестру и няньку. Въ письмахъ въ Россію посольство постоянно жаловалось на коварство и варварство туземнаго правительства. Изъ Бухары посла выпустили также послѣ долгихъ затрудненій. Для возвращенія въ Россію Беневени, согласно полученнаго приказа, направился было въ Персію, имѣя въ виду присоединиться къ русскимъ отрядамъ, занимавшимъ тогда сѣверныя предѣлы ея. Достигнувъ Аму-Дарьи при Керки, онъ былъ встрѣченъ туркменами, намѣревавшимися его ограбить. Это побудило Беневени бѣжать назадъ, въ Бухару, гдѣ онъ получилъ изъ Россіи указъ, дозволявшій ему избрать для возвращенія путь, какой онъ самъ заблагоразсудитъ.

Во время пребыванія Беневени въ Бухарѣ, хивинцы часто присылали къ нему гонцовъ съ приглашеніемъ пріѣхать къ нимъ. Они боялись мщенія Россіи за Бековича и потому искали примиренія съ нею. Опасаясь оставаться долѣе въ Бухарѣ, гдѣ уже намѣревались покончить съ посольствомъ, Беневени рѣшился воспользоваться приглашеніемъ хивинцевъ, и въ ночь на 8 апрѣля 1725 г. тайкомъ бѣжалъ изъ Бухары, по направленію къ Хивѣ, куда и прибылъ чрезъ 11 дней. Шахъ Ширгазы принялъ его ласково и между прочимъ, въ дружескомъ разговорѣ на одномъ изъ своихъ праздниковъ, сказалъ послу за тайну: „государь вашъ не знаетъ намѣреній князя Бековича, — онъ дѣйствовалъ для своей личной выгоды *).“ Это бросаетъ новый свѣтъ на дѣйствія Бековича: съ этой точки зрѣнія становится понятнымъ и принятое Бековичемъ прозвище „Покорителя царствъ“ (Девлетъ-Гирея), и бритье головы, и азіатскій костюмъ и прочее.

Между тѣмъ приближенные хана обирали посла и всѣми мѣрами его задерживали. Любимецъ ханскій Достумъ-бей простеръ свою безцеремонность до того, что увелъ у посла лучшаго коня, посланнаго бухарскимъ эмиромъ въ подарокъ государю, но когда посольство объявило, что коня берутъ не у него, а у его государя, которому конь принадлежитъ, то лошадь возвратили.

Чтобы избѣжать плѣна, Беневени вынужденъ былъ и изъ Хивы бѣжать тайкомъ, выпросивъ у хана тайную прощальную аудиенцію. Ханъ согласился и на прощанье просилъ передать

*) Намекъ на тайное намѣреніе Бековича утвердиться въ Хивѣ и провозгласить себя ханомъ.

государю, что князь Бековичъ, считая себя изъ рода Гюрджи-Хана, самъ хотѣлъ сдѣлаться хивинскимъ ханомъ.

Въ началѣ августа Беневени оставилъ Хиву и въ 25 дней достигъ Гурьева-городка, откуда прибылъ въ Астрахань къ 17 сентября.

Беневени, не успѣвшій пріобрѣсти для Россіи ни политическихъ, ни торговыхъ выгодъ, весьма внимательно развѣдывалъ о минеральныхъ богатствахъ края. На пути въ Бухару, при переправѣ черезъ Аму-Дарью, онъ нашелъ въ песчаныхъ ея берегахъ искры золота, почему нѣсколько горстей этого песка отправилъ изъ Бухары къ Петру Великому при шифрованномъ письмѣ, написанномъ на поляхъ письма обыкновеннаго. Въ этомъ же письмѣ онъ сообщалъ, что, хотя „р. Аму-Дарья начало свое имѣетъ не изъ золотыхъ рудъ“, но въ нее впадаетъ р. Гюкча, берущая начало близъ Бадакшана, изъ горъ богатыхъ золотомъ. Горные жители, обитающіе у истоковъ этой рѣки, для добыванія золота стригутъ овецъ и шерсть ихъ зарываютъ въ грязь и песокъ; потомъ, спустя нѣсколько времени, вытаскиваютъ ее на берегъ, просушиваютъ и затѣмъ вытряхиваютъ чистое золото. Въ горахъ же, по словамъ посла, „добывать золото и серебро запрещено и тамошніе беки держатъ вокругъ стражу“.

Чтобы собрать болѣе подробныя и достовѣрныя свѣдѣнія о золотѣ, Беневени посылалъ съ торговымъ караваномъ своего камердинера Николо Минера въ Балхъ и Бадакшанъ. По возвращеніи оттуда Минеръ посланъ гонцомъ съ письмомъ въ Москву, и здѣсь въ посольской канцеляріи онъ разсказалъ все видѣнное и слышанное во время своего дальняго путешествія. Золото и серебро, по его словамъ, добываются въ Бадакшанѣ изъ Аму-Дарьи въ лѣтніе мѣсяцы, когда убываетъ вода. Песокъ моютъ въ котлахъ, высушиваютъ на кожахъ и потомъ бьютъ по кожамъ прутьями, отчего песокъ отвѣвается, а золото остается. Не выдѣлившіяся частицы песку окончателно выгораютъ при плавлѣ золота. Распространившись о бадакшанскомъ золотѣ, серебря, лаллахъ (рубинахъ) и лаписъ-лазурикѣ, Минеръ прибавилъ, что онъ слышалъ, будто въ городахъ Каскарѣ, Маргилянѣ, Идизанѣ (не Андижанъ ли?) и Таскентѣ тоже родится золото, серебро, а также мускусъ, тензуй (?) и ремень. Мы теперь владѣемъ и Ташкентомъ, и Маргеланомъ, и Андижаномъ, а золота въ нихъ не нашли.

Въ вышеупомянутомъ шифрованномъ письмѣ о среднеазиатскомъ золотѣ Беневени писалъ государю: „Со всякою покорностію послѣднее мое слово предлагаю, что ежели вы желаете себѣ авантажъ добрый и хорошую казну прибрать, лучшаго способа и не сыскаль, что къ описаннымъ мѣстамъ собираться войною: сила въ резоны уничтожаетъ. Постороннихъ велико опасеніе не будетъ, ибо всё генерально между собою драки имѣютъ“. Тутъ же

посоль добавлялъ и другую пріятную для государя вѣсть о прежнемъ теченіи Аму въ Каспійское море. Онъ доносилъ, что Аму-Дарья въ прежнее время дѣйствительно впадала въ Каспійское море, но только не вся, а однимъ лишь рукавомъ, другимъ же она всегда вливалась въ Аральское море. Вслѣдствіе же какихъ причинъ произошло запруженіе рукава, впадавшаго въ Каспій, ему въ Бухарѣ положительно ничего не говорили. По догадкамъ однихъ, рѣка высыхала по мѣрѣ того, какъ поселенія на ней пустѣли; по другимъ—на берегахъ ея жилъ когда-то воинственный народъ, грабившій Хиву и Бухару, вслѣдствіе чего и та, и другая совместно рѣшили, что для того, чтобы побѣдить этотъ народъ, единственное средство—лишить его воды. Построили плотину, и берега рѣки тотчасъ опустѣли, когда русло ея изсякло.

Нельзя не отдать полной справедливости энергіи и добросовѣстности почтеннаго Беневени. Къ сожалѣнію, однакоже, труды его не привели ни къ чему: персидскій походъ неожиданно прервался, а вскорѣ затѣмъ послѣдовала и кончина Великаго Императора.

Беневени прибылъ въ Астрахань, когда на престолѣ российскомъ сидѣла Екатерина I.

Правительство перенесло катастрофу, постигшую Бековича, довольно безразлично,—можетъ быть, и потому, что неудача породила преувеличенныя понятія о трудностяхъ похода въ Хиву, и съ тѣхъ поръ до 1839 г., т. е. въ теченіе 122 лѣтъ, на вѣроломство, всегдашніе грабежи и разбои хивинцевъ правительство наше отвѣчало однимъ только „презрѣшемъ“. При удобныхъ случаяхъ мы даже забывали прошлое и старались установить дружескія сношенія съ Хивой. Такъ, въ 1793 году, вслѣдствіе особой просьбы хивинскаго хана, отправленъ былъ въ Хиву императрицею Екатериною II глазной врачъ надворный совѣтникъ (вездѣ впрочемъ называвшійся майоромъ) Бланкенагель, который напелъ глаза хапскаго дяди Фезаль-Бія неизлѣчимыми. Невѣжественные хивинцы требовали однакоже исцѣленія, грозя врачу въ противномъ случаѣ смертью. Фезаль-Бій ослѣпъ, а Бланкенагель засаженъ въ яму, ограбленъ и приговоренъ къ смерти. Однакоже, благодаря тому, что до ареста своего успѣлъ вылечить до 300 больныхъ туркменъ и хивинцевъ, ему удалось склонить нѣкоторыхъ изъ нихъ на свою сторону и съ помощію ихъ бѣжать изъ Хивы, черезъ Мангышлакъ, въ Астрахань.

Въ 1818 г. оренбургскій военный губернаторъ Эссенъ послалъ въ Хиву съ письмомъ поручика 4-го башкирскаго кантона Абдуль-Насыра Субганкулова, по поводу жалобы купцовъ Лазарева и Енушева на ограбленіе ихъ каравана хивинскими разбойниками. Поручикъ избавился отъ казни только тѣмъ, что доказалъ принадлежность свою къ магометанской вѣрѣ и обрилъ голову. Ата-

лыкѣ послать съ нимъ Эссену предупрежденіе, что всякій посланецъ будетъ либо казненъ, либо обращенъ въ рабство.

Однако въ 1819 году въ Хиву былъ посланъ караванбашъ Атаніазъ и коллежскій совѣтникъ Бекчуринъ, 70-лѣтній старикъ-мусульманинъ. Но, по словамъ рапорта Эссена государю, „чиновникъ сей принятъ былъ тамъ съ сугубымъ раздраженіемъ, четыре мѣсяца содержанъ подъ крѣпкою стражею въ унижительномъ мѣстѣ (?) и, наконецъ, не бывъ выслушанъ, отправленъ въ Россію безъ всякаго отвѣта“.

Въ 1819 году также была снаряжена Ермоловымъ на Кавказѣ миссія, подъ начальствомъ генеральнаго штаба штабсъ-капитана Муравьева, но и эта попытка не удалась: посольство было встрѣчено педовѣрчиво, сидѣло подъ карауломъ, обобрано до нитки и съ трудомъ получило позволеніе возвратиться на Кавказъ. Нашихъ, по крайней мѣрѣ, не рѣзали, хотя и грозили этимъ. Съ персидскими же и англійскими посланцами ничуть не церемонились. Такъ, въ 1743 году все персидское посольство, состоявшее изъ 30 человекъ, было остановлено на границѣ и здѣсь безчеловѣчно обезглавлено. О судьбѣ разныхъ англійскихъ агентовъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Сознавая трудность доступа къ среднеазіатскимъ ханствамъ тѣми путями, которыми начато было предпріятіе, т. е. со стороны Каспія и со стороны Сибири, Петръ избралъ третій путь: черезъ киргизскія степи. Русскимъ предстояло занимать громадныя пространства, обитаемая бѣднымъ, жалкимъ, полудикимъ народомъ, но это не пугало Петра.

Мурза Тевкелевъ, бывшій въ 1722 г., во время персидскаго похода, при Петрѣ Великомъ, старшимъ переводчикомъ въ секретныхъ дѣлахъ, говоритъ въ одной изъ своихъ записокъ, что по возвращеніи изъ персидскаго похода государь вознамѣрился привести „издревле слышимыхъ и въ тогдaшнее время почти неизвѣстныхъ“ киргизъ-кайсаковъ въ руссійское подданство и возложилъ исполненіе этого намѣренія на Тевкелева, произведеннаго уже, за его походные труды, въ полковники.

При этомъ „буде оная орда въ точное подданство не пожелаетъ“, то мурза долженъ былъ стараться, „не смотря на великія издержки, хотя бы до милліона держать, но токмо, чтобъ однимъ листомъ подъ протекцію Россійской Имперіи быть обязались“, такъ какъ государь, будучи еще въ персидскомъ походѣ и въ Астрахани, увѣдомился объ ордѣ, что „хотя-де оная киргизъ-кайсацкая степной и легкомысленный народъ, токмо-де всемъ азіатскимъ странамъ и землямъ оная орда ключъ и врата“.

Какъ на врата, смотрѣлъ на киргизъ и Павелъ I. Послѣ разрыва съ Англійей, онъ приказалъ, 12 января 1801 г., атаману войска

Донскаго Орлову-Денисову собрать войско и идти, черезъ Оренбургъ на Индію, которую императоръ дарилъ казакамъ.

На расходы отпущено было 1.670,285 р. Казаки выступили съ Дона 28 февраля 1801 г. въ числѣ 22,507 чел. при 24 орудіяхъ, но на подорогѣ въ сел. Мечетномъ, Самарской губ., были остановлены 23 марта и возвращены домой: въ ночь на 12 марта Павелъ I скончался скоропостижно, и походъ отмѣнялся.

Первый проектъ индійскаго похода явился, подъ влияніемъ нашихъ успѣховъ подъ Астрабадомъ. Въ 1791 году принцъ нассаускій представилъ Екатеринѣ II проектъ француза Сень-Жени, намѣтившаго путь чрезъ Бухару и Капширъ. Потемкинъ однако осмѣялъ этотъ проектъ, какъ непрактичный и невозможный.

Въ Индію стремился и Наполеонъ I—черезъ Египетъ и Сирію, но постигая его тутъ неудача показала, что покуда Англія преобладаетъ на Средиземномъ морѣ, до тѣхъ поръ морскія предпріятія, какъ на примѣръ, перевозка войскъ и запасовъ ихъ въ Сирію, — невозможны. Тогда явился новый проектъ: Франція, въ союзѣ съ Россіей, двигаютъ свои войска сухопутно, т. е. въ безопасности отъ англійскаго флота, къ Астрахани; отсюда Каспійскимъ, недосыгаемымъ для англичанъ, моремъ переправляютъ войска въ Астрабадъ, а тамъ черезъ Гератъ, Кандагаръ и Кабуль идутъ въ Индію. Пока шли предварительные переговоры на словахъ, Павелъ распорядился съ казаками, двинувъ ихъ чрезъ Оренбургъ и Бухару, а подробно разработанный во Франціи проектъ запоздалъ: адъютантъ Наполеона, Дюрокъ привезъ этотъ проектъ въ Петербургъ только 25 мая, черезъ два слишкомъ мѣсяца послѣ кончины Павла, когда самая мысль объ Индіи была оставлена и казаки успѣли вернуться на Донъ. Съ нынѣшнихъ нашихъ позицій на Аму-Дарьѣ и гератской границѣ мы и одни легко можемъ предпринять движеніе въ Индію, если то будетъ вызвано англійскою заносчивостію и новыми интригами.

Г Л А В А III.

Очеркъ исторіи казахскихъ ордъ со времени вступленія ихъ въ наше подданство до уничтоженія ханскаго эвандія. Малая орда. Заслуги Тевкелева. Построеніе Оренбурга. Планъ Кирилова. Безпорядки въ степи. Нападенія башкиръ. Коронація хана. Татищевъ. Урусовъ. Командировка Гладышева и Муравина, для выбора мѣста подъ городъ на устьѣ Сыръ Дарьи. Установленіе нами права наслѣдственности и первородства въ родѣ Абуль-Хаира. Ничтожность вліянія хановъ въ степи. Бунтъ башкировъ и усмиреніе ихъ киргизами. Ослабленіе одного народа другимъ. Бѣгство калмыковъ съ Волги. Бунтъ Пугачева. Мѣропріятія Екатерины II. Народное собраніе у киргизовъ. Республика. Игельстромъ измѣняетъ свой взглядъ на дѣло. Преслѣдованія Сырыма—президента республики Мщеніе киргизовъ. Наши линіи. Послѣдній ханъ Ширгазы. Коронація. Султаны-правители съ 1824 г. Средняя орда. Невѣжество губернатора князя Урусова, обнаруженное имъ въ договорѣ съ Аблаемъ и Абдуль Махметомъ. Соединеніе оренбургской и сибирской линій. Притѣвленія со стороны дзюнгаръ. Отказъ киргизамъ въ пристанищѣ. Подданство киргизъ средней орды Китаю. Утвержденіе Аблая въ званіи хана. Вали, сынъ его, послѣдній ханъ, ум. 1821. Проектъ Сперанскаго. Большая орда. Ссоры съ сосѣдями и бѣгство въ наши предѣлы Ташкентское ханство. Подданство Большой орды Россіи въ 1819 г. Построеніе г. Копала въ 1847 г. Взятіе укр. Таучубека въ 1850 г. Подчиненіе алатаускихъ киргизъ. Построеніе укр. Вѣрнаго въ 1854 г. Степная комиссія.

Взглядъ назадъ.

Дзюнгары, какъ уже сказано, сначала старались всячески препятствовать устройству иртышской линіи, хотя въ то же время искали случая завести съ нами торговлю.

Видя, что мы и сами заботились только о мирѣ и торговлѣ, успокоенный завѣреніями, что киргизы въ подданство наше не приняты, Галданъ-Цыренъ тотчасъ же оттянулъ отъ Иртыша значительную часть своихъ силъ на юго-западъ, для покоренія киргизъ-казаковъ. Въ 1723 г. онъ успѣлъ уже обложить данью Большую орду, а нѣсколько позже у него уже были аманаты почти ото всѣхъ родоначальниковъ Средней. Малая, съ незначительною частью Средней, случайно сохранивъ свою независимость, искала спасенія въ покровительствѣ Россіи, которое, впрочемъ, думали взять силою, прорвавшись за пограничную черту нашихъ поселеній. Прорваться однакоже имъ не удалось, и вмѣсто простой поддержки противъ дзюнгаръ, вмѣсто необременительнаго для нихъ покровительства, они нашли власть, вначалѣ, правда, снисходительную, но потомъ строгую, требовавшую полного подчиненія и порядка.

Съ 1730 г. прекращается самостоятельность ордъ и начинается многолѣтняя борьба русскаго государственнаго строя съ первобытными обществами пастушескихъ народовъ, долго не хотѣвшихъ подчиниться законамъ мира и порядка, которые стѣсняли безпредѣльное прежде право перекочевокъ, подѣкали подъ самый кошель обычай баранты, родовой и личной мести и т. п.

Съ этихъ поръ племена, хотя и управляются по прежнему своими родоначальниками, но уже знакомятся съ междоусобіями изъ-за новаго, до того имъ неизвѣстнаго начала,—изъ-за династическихъ интересовъ своихъ султановъ.

Для наглядности дальнѣйшаго изложенія необходимо обрисовать, хотя въ общихъ чертахъ, послѣдующую судьбу каждой изъ трехъ казахскихъ ордъ.

Малая орда. Въ 1730 году Абуль-Хаиръ, тѣспимый дзюнгарами и ханомъ Каипомъ, подговорилъ нѣсколькихъ челоувѣкъ обратиться за поддержкой къ Россіи. Въ Уфу, къ воеводѣ Бутурлину, отправлено было посольство съ письмомъ, будто бы ото всего народа, и просьбою о принятіи его въ подданство. Не разувнавъ ничего толкомъ и думая порадовать правительство, что вотъ слава прекраснаго управленія (въ Россіи бушевалъ тогда Биронъ) дошла даже до дикихъ,—Бутурлинъ отправилъ киргизскихъ пословъ въ Петербургъ. Тамъ, дѣйствительно, обрадовались, да и было чему: на берега Невы добровольно съ поклономъ и съ покорностію явились тѣ самые люди, для усмиренія которыхъ, столько лѣтъ посылались войска на берега Урала и Иртыша! Дворъ готовъ былъ исполнить все желанія киргизъ: пословъ щедро одарили и отправили, вмѣстѣ съ ними въ степь Полковника Мурзу Тевкелева, служившаго при Петрѣ въ персидскомъ походѣ переводчикомъ *). Тогда только открылась вся ложь: никто изъ киргизовъ и слышать не хотѣлъ о русскомъ чиновникѣ; хана не ставили и въ грошъ, нѣсколько разъ покушались на жизнь и его, и Тевкелева, но таланты, изворотливость и ловкость нашего мурзы помогли ему кое-какъ выпутаться изъ бѣды и даже выманить у народнаго собранія, въ 1732 году, согласіе на подданство. Вообще дѣломъ присоединенія къ намъ киргизовъ Россіи обязана единственно талантамъ знаменитаго мурзы. „Убѣдительность и сила рѣчей Тевкелева заставили киргизъ-казаковъ почитать его челоувѣкомъ сверхъестественнымъ“.—говоритъ Рычковъ въ своей исторіи оренбургской. Онъ успѣлъ расположить къ себѣ нѣсколькихъ вліятельныхъ людей, но въ особенности помогъ ему одинъ башкирскій старшина, славившійся на всю степь своими подвигами—Батыръ (т. е. богатырь) Таймасъ.

Не смотря ни на что, народъ не хотѣлъ и слышать о под-

*) Въ свитѣ мурзы находились и два офицера-геодезиста.

данствѣ христіанскому государству. Когда, наконецъ, согласились составить собраніе, то Тевкелеву объявили, что онъ долженъ придти въ собраніе одинъ безъ всякой свиты. Дикіе полагаютъ, что опасность положенія заставитъ русскаго мурзу быть осмотрительнѣе въ своихъ предложеніяхъ, и что поэтому онъ будетъ говорить только о томъ, въ пользу чего онъ самъ твердо увѣренъ.

Не напоминаетъ ли это древняго обычая дорійскихъ грековъ: всякій, желавшій предложить новый законъ, долженъ былъ являться въ народное собраніе съ веревкой на шеѣ. Если законъ принятъ,—предложившій его отпускается на свободу, если отринуть,—петля затягивается! Такъ, подѣ страхомъ смерти, запрещено было вводить ненужныя реформы.

Тевкелевъ согласился, но все-таки на всякій случай задарилъ знатнѣйшихъ изъ своихъ враговъ. Одинъ киргизскій старшина Букенбай общалъ ему свое покровительство. Собраніе прошло благополучно: народъ сдался на краснорѣчіе русскаго мурзы.

На собраніи присутствовали и киргизы Средней орды съ Шемякой, которые также приложили къ общему приговору свои тамги; но этотъ новый подданный скоро перемѣнилъ свой взглядъ на дѣло и сталъ нападать на русскія границы.

Безпорядки, возникшіе по этому случаю, заставили Тевкелева отпустить свою свиту въ Россію и бѣжать вмѣстѣ съ Абуль-Хаиромъ къ Сыръ-Дарьѣ, гдѣ они и кочевали до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, къ нимъ присоединились каракалпаки, просившіе также подданства Россіи (они сильно терпѣли отъ всѣхъ сосѣдей). Это обстоятельство подѣйствовало на киргизъ, и они пропустили Тевкелева въ Россію. Просьба каракалпаковъ подала проходимцу Абуль-Хаиру поводъ послать въ 1734 г. новое посольство, съ сыномъ своимъ Ирали. Приѣздъ Тевкелева въ Петербургъ за разрѣшеніемъ доставить посольство, чрезвычайно удивилъ министерство императрицы Анны: всѣ считали мурзу или погибшимъ, или плѣннымъ, и потому изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ даже посланы были въ Уфу деньги на его выкупъ.

Дворъ весьма охотно согласился принять посольство и чрезвычайно радовался, что даже „какіе-то каракалпаки“ ищутъ русскаго подданства.

Присягая на подданство, Абуль-Хаиръ, съ своей стороны, предложилъ обязательство: 1) охранять, смежныя съ землями его орды, русскія границы; 2) охранять наши купеческіе караваны въ киргизской степи; 3) выставлять, въ случаѣ нужды, вспомогательное войско изъ своихъ ордынцевъ и 4) платить ясакъ пушнымъ товаромъ. За все это онъ просилъ, чтобы русское правительство: 1) утвердило за нимъ и родомъ его ханское достоин-

ство и 2) построило, при впаденіи Ори въ Уралъ, крѣпость, куда бы онъ могъ укрыться въ случаѣ опасности. Условія были приняты, кромѣ ясака. Правительство наше имѣло въ виду, между прочимъ, сдѣлать р. Уралъ нашею границею, за которую уже и не пропускать къ себѣ киргизъ. Предполагалось еще завести на Аральскомъ морѣ вооруженныя суда, построивъ ихъ на Уралѣ, гдѣ и держать разобранными до окончанія постройки города и утвержденія связей съ ордынцами, когда уже можно бы было перевезти суда зимнимъ путемъ. Абуль-Хаиру, впрочемъ, рѣшено помогать только порохомъ и оружіемъ, а войскъ въ его распоряженіе не давать.

Въ это время оберъ-секретарь сената, статскій совѣтникъ Кириловъ подалъ, въ 1734 г., правительству два проекта объ устройствѣ управленія киргизами. Проекты были одобрены, и самому автору предоставлено было привести ихъ въ исполненіе. Кириловъ отличался географическими познаніями, составлялъ карты и славился подробными свѣдѣніями о Верхней Азіи.

Назначенный начальникомъ „извѣстной“ экспедиціи, Кириловъ привезъ съ собою плѣтую шлеяду дѣятелей. Въ штатѣ его управленія были: исторіографъ, ботаникъ, живописецъ, студенты славяно-латинской школы и проч. Сверхъ того онъ ходатайствовалъ, чтобы къ нему выпустили изъ кадетскаго корпуса нѣсколькихъ офицеровъ, „которые, обучаясь при немъ азіатскимъ языкамъ и узнавая нравы и обычаи азіатцевъ, могли бы современемъ быть начальниками того края *). Левшинъ добавляетъ къ этому, что такая мысль дѣлаетъ честь предусмотрительному уму Кирилова и достойна подражанія. Съ этимъ нельзя не согласиться.

Кирилову вмѣнено было въ обязанность надзирать за баширами и киргизами и, „если тѣ или другіе будутъ волноваться, то употреблять одинъ народъ противъ другого, сберегая русское войско“.

Наблюдать также, чтобы дзюнгары не собирали подати съ двоюданцевъ, т. е. съ кочевниковъ, переходящихъ то къ намъ, то къ нимъ. Наконецъ, Кириловъ долженъ былъ еще покупать степныхъ коней для нашей кавалеріи и разыскивать руды и золото.

Программа Кирилова была не сложна: проложить торговый путь въ Среднюю Азію, учредить судоходство по Аральскому морю и затѣмъ развить торговля и политическія сношенія съ ханствами.

Выполненіе кириловскаго плана началось съ устройства границы. Сформировавъ изъ уфимскихъ и другихъ драгунскихъ

*) Левшинъ, часть 2, стр. 112.

дѣтей двѣ драгунскія роты, Кириловъ спустился изъ Казани до Самары, оттуда на Сакмарскій городокъ и затѣмъ, вверхъ по р. Яику (нынѣ Уралъ), къ устью р. Ори. Башкирамъ и мещерикамъ онъ сдѣлалъ нарядъ на службу, а на работы по устройству здѣсь города назначены тепляри. Такимъ образомъ въ 1735 году, при устьѣ р. Ори выстроены были городъ Оренбургъ съ земляною крѣпостью, но въ 1739 году его перенесли, уже при Татищевѣ, на новое мѣсто, гдѣ теперь Красногорская станица; старый же городъ назвали Орскомъ, а киргизы „Джаманъ-Кала“, т. е. дурной городъ *). Въ 1742 г. несчастный Оренбургъ перетаскивали, при Неплюевѣ, на третье, теперешнее его мѣсто, при впадении р. Сакмары въ Уралъ. Такимъ образомъ каждый губернаторъ перетаскивалъ свой городъ на новое мѣсто. Съ 1736 года приступлено было къ возведенію укрѣпленій по Уралу и по пути сообщенія Оренбурга съ Самарою. Такъ возникли укрѣпленія: Табынское, Губерлинское, Озерное и 3 форпоста. Эти укрѣпленія составили впоследствии оренбургскую и уральскую линіи.

Съ построеніемъ Оренбурга „извѣстная“ экспедиція была переименована въ оренбургскую. Башкиры, которымъ также пришлось выставлять рабочихъ, весьма недоброжелательно отнеслись къ постройкѣ нами укрѣпленій и нѣсколько разъ нападали на работы. Сначала Тевкелевъ, а потомъ новыя войска подъ начальствомъ смѣнявшихся послѣдовательно: Румянцова, Хруцова и Соймонова, усмирили часть башкиръ, при содѣйствіи киргизовъ.

Замѣчательно нападеніе башкиръ весною 1735 года, на второй эшелонъ войскъ Кирилова, шедшій изъ Уфы къ устью р. Ори для основанія Оренбурга. Эшелонъ этотъ состоялъ изъ 5 драгунскихъ ротъ вологодскаго полка, подъ начальствомъ подполк. Чирикова. Этотъ подполковникъ далеко опередилъ своихъ драгунъ и ѣхалъ со священникомъ, писаремъ, 18 драгунами и 42 нестроевыми, безъ всякихъ предосторожностей. Обозъ его растянулся въ одну линію.

Въ 160 верстахъ отъ Уфы, на Чирикова налетѣло до 3,000 башкиръ, которые мигомъ истребили всѣхъ, ѣхавшихъ съ нимъ такъ безпечно, прежде чѣмъ вѣсть о нападеніи дошла до его драгунъ. Принявшій команду капитанъ Гебауеръ построилъ баталіонное каре и отбивалъ нападенія цѣлый день. Продолжая путь уже съ военными предосторожностями, Гебауеръ пробивался

*) Мѣсто дѣйствительно было неудобное. Орскъ поставленъ на лѣвомъ берегу Урала, т. е. на степномъ, а отъ Россіи отдѣляется рѣкою. Мѣсто низменное; въ 1854 г. одна „яшмовая“ гора не была залита водою. Гарнизонъ мѣнялся черезъ каждые полгода, вслѣдствіе развитія болѣзненности.

такъ 130 верстъ до 10 іюля, пока соединился съ Кириловымъ, въ 290 верстахъ отъ Уфы.

Колонизація края, о которой мечталъ Кириловъ, началась при немъ обычнымъ порядкомъ: гулящими людьми, т. е. бѣглыми помѣщичьими крестьянами, но когда это дошло до свѣдѣнія сената, то послѣдовалъ указъ: воротить всѣхъ бѣглыхъ на счетъ тѣхъ начальниковъ, кто ихъ принималъ, вопреки прежнихъ указовъ. Принимать дозволено только однихъ малороссіянъ *).

Не смотря на присягу 1734 года, киргизы черезъ два года уже начинаютъ разорять русскія поселенія на новой, только что устраивавшейся линіи: прорываются за нее, грабятъ подвластныхъ намъ волжскихъ калмыковъ и уводятъ плѣнныхъ. Такое же нападеніе на калмыковъ повторяется и въ слѣдующемъ году. Полная безнаказанность ободряетъ киргизовъ до того, что они уже захватываютъ въ плѣнъ не только калмыковъ, но и русскихъ. Мятежники киргизы избрали ханомъ Абуль-Хаира, который только что женился на башкиркѣ. Онъ явился съ цѣлой толпой своихъ приверженцевъ въ Оренбургъ и сталъ творить здѣсь судъ и расправу. Комендантъ заявилъ ему, что этого дѣлать нельзя, а тотъ отвѣчалъ: „городъ мой и для меня построенъ, а кто не послушаетъ, тому голову срублю“.

Такими неурядицами омрачены были послѣдніе дни сенатскаго администратора. Въ 1737 г. Кириловъ умеръ отъ чахотки, не успѣвъ довершить начатаго дѣла, которое и пошло какъ попало, сообразно взглядамъ послѣдующихъ губернаторовъ.

Послѣ Кирилова назначенъ былъ извѣстный тайный совѣтникъ Татищевъ, который и началъ съ того, что созвалъ военный совѣтъ въ Мензелинскѣ изъ ген. Соймонова, полковыхъ командировъ и уфимскаго воеводы Шемякина. Рѣшено: объявить амнистію, коноводовъ бунта держать въ Уфѣ, но показывать народу: живы моль; воеводамъ назначить жалованье, чтобы они не брали взятокъ **), а страну раздѣлить на провинціи. Одинъ Шемякинъ отстаивалъ право воеводъ и подъячихъ брать взятки. Затѣмъ Татищевъ воспользовался предложеніемъ Абуль-Хаира и впустилъ киргизовъ въ Башкирію „съ тѣмъ однакоже, чтобы онъ, дѣйствуя противъ непокорныхъ, не касался вѣрныхъ Россіи башкировъ“. Абуль-Хаиръ надѣялся заслужить прощеніе за свои набѣги и кстаті попользоваться на счетъ исконныхъ враговъ его—башкировъ. Здѣсь онъ не трудился разбирать правыхъ и виноватыхъ, а грабилъ подъ-рядъ!

Это навлекло на него неудовольствіе новаго начальника.

Страхъ возмездія при вѣсти о приближеніи Татищева съ вой-

*) Полн. Собр. Зак. X № 7514.

**) Полн. Собр. Зак. X № 7347.

сками къ Оренбургу въ іюль 1738 г., заставилъ Абуль-Хаира остерегаться и совершенно напрасно, потому что Татищевъ разсчитывалъ лишь устроить торжественную присягу хана, которому и привезъ отъ двора богатые подарки. Ханъ прикочевалъ къ крѣпости, а ѣхать на свиданіе не рѣшался, отговариваясь тѣмъ, что ему, какъ владѣтельной особѣ, не прилично сдѣлать визитъ первому. Тевкелевъ увѣрилъ его, что онъ поѣдетъ не къ генералу, а въ станъ императорскій. Это обезоружило тщеславіе хана и страхъ его тотчасъ разсѣялся: въ назначенный день (3 августа 1738 г.) ханъ, ничтожность котораго сознавалась всѣми ордінцами, принять былъ Татищевымъ съ такимъ унижительнымъ для Россіи почетомъ, что киргизамъ нельзя было сомнѣваться болѣе въ безсиліи русской власти. Въмѣсто того, чтобы получить по меньшей мѣрѣ строгій выговоръ за свои поступки, Абуль-Хаиръ получилъ богатую, золотомъ оправленную саблю „только противъ враговъ Россіи“. У подвластнаго намъ хана Татищевъ выпрашивалъ то, что имѣлъ право требовать, какъ отъ подданнаго, напримѣръ, возврата всѣхъ захваченныхъ киргизами русскихъ плѣнныхъ. Ханъ, понятно, все обѣщалъ, но, конечно, никто изъ присутствовавшихъ киргизовъ не сомнѣвался въ безсиліи хана выполнить обѣщанія. Самое торжество происходило слѣдующимъ образомъ: на встрѣчу хану былъ посланъ маіоръ съ ротою драгунъ, двумя взводами гренадеръ, музыкой и 12 заводными лошадьми. Прочія войска стояли шпалерами. Когда показался поѣздъ, артиллерія салютовала 9 выстрѣлами. Сходя съ коня у палатки Татищева, ханъ былъ принятъ поручикомъ, у дверей снаружи маіоромъ, а внутри полковникомъ. Здѣсь ждалъ его губернаторъ, окруженный свитою.

Ханъ сказалъ витѣватую рѣчь въ томъ смыслѣ, что царица русская превосходитъ всѣхъ прочихъ царей, какъ солнце всѣ прочія свѣтила, и хотя онъ, за отдаленіемъ, видѣть ее не можетъ, но сердцемъ милость ея чувствуетъ. Принимая Татищева за луну, озаренную сіяніемъ царицы, онъ заявляетъ передъ нимъ свою покорность, поздравляетъ съ побѣдами и желаетъ такого же успѣха и впередъ. Татищевъ отвѣчалъ, что не преминетъ донести объ этомъ императрицѣ, и предложилъ хану присягнуть снова. Ханъ согласился. Тогда принесенъ былъ золотой коверъ. Ханъ сѣлъ по-киргизски (опустившись на колѣна, садятся затѣмъ на пятки), выслушалъ присягу, читавшуюся ахуномъ, и поцѣловалъ коранъ. Тогда Татищевъ надѣлъ на него богатую золотую саблю. Другіе киргизы также были приведены къ присягѣ Тевкелевымъ въ другихъ палаткахъ.

Парадный обѣдъ, со здравницами и пушечной пальбой, закончилъ торжество. Эта игра въ куклы казалась Татищеву, да и многимъ изъ его сподвижниковъ весьма важнымъ политическимъ

шагомъ: преклоняясь такъ передъ владѣтельной особой, мы поднимали ее въ глазахъ дикарей, придавали ханскому достоинству должное значеніе и дѣлали положеніе хана болѣе солиднымъ. Съ другой стороны ханъ присягалъ, „стоя на колѣняхъ“... Что лучше этого докажетъ его покорность?

Все вышло какъ разъ наоборотъ: киргизы по прежнему относились къ Абуль-Хаиру за панибрата, большая часть не признавала себя подданными Россіи, считая, что Абуль-Хаиръ присягалъ лично за себя, значить, онъ одинъ и подданный. Фактъ поклоненія русскихъ хану толковался киргизами заискиваніемъ, задабриваніемъ. Русскіе, очевидно, чувствуютъ и сознаютъ свою слабость: они не только не могутъ защититься отъ набѣговъ, но даже не смѣютъ упрекнуть за нападеніе, не смѣютъ требовать возврата плѣнныхъ и потому приносятъ дары, кланяются, даютъ царскія почести атаману дикихъ разбойниковъ. Даже и присягать онъ могъ сидѣть! Мы уже сказали, что киргизы сидятъ ставши на колѣна,—это и ввело въ заблужденіе оренбургскихъ церемоніймейстеровъ. Преувеличенное опасеніе за весь юго-восточный еще не устроенный край наложило на нашу политику, относительно киргизовъ, печать робости, которую мы величали кротостію и при которой безпорядки только укоренялись, росли и плодились. Кроткая и скромная система увѣщаній, а изрѣдка и добродушные выговоры, по отношенію къ киргизамъ, а рядомъ грозная рѣчь и жестокая расправа съ другими нашими подданными, дѣлали очевиднымъ даже и дикарямъ, что такой порядокъ не естественъ, что онъ вынужденъ и вынужденъ весьма простымъ обстоятельствомъ: нашимъ безсиліемъ.

Дѣйствительно, мы были безсильны передъ безпредѣльною степью, гдѣ царить могъ только дикій номадъ, которому ничего не стоило пронестись изъ конца въ конецъ степи, на своемъ привычномъ конѣ, подъ сорокаградуснымъ зноемъ, безъ воды и пици. Русскіе, даже такіе полуосѣдлые, какъ яицкіе казаки,—не могли угоняться по безлюднымъ степямъ за дикими, которые къ тому же были у себя дома и знали на память каждый колодець, каждый клочекъ травы. Оставалось одно средство: оцѣпить кочевья киргизовъ цѣпью укрѣпленій подобно тому, какъ это было сдѣлано съ башкирами. Для этого однакоже надобно было имѣть прежде достаточно прочное звено, къ которому бы можно было прикрѣпить цѣпь,—звена этого и не было. Русскіе поселенія здѣсь только что зачинались, а потому выносить укрѣпленія далеко за ихъ линію было бы опасно. Въ такихъ обстоятельствахъ не слѣдовало, конечно, пренебрегать ничьими услугами и, если для степныхъ походовъ не годился какой-нибудь нижегородецъ,—слѣдовало прискаты подходящий подъ степныя условія элементъ.

Элементъ такой имѣлся подъ руками, — это башкиры и калмыки, которые конечно, наравнѣ съ великороссами, обязаны были принимать участіе въ защитѣ общаго отечества, а въ степяхъ только они одни и могли потягаться съ киргизами. Между этими народами существовали постоянные распри и счеты за старья баранты. Оставалось только пользоваться ихъ взаимною ненавистью и напорѣ киргизовъ сдерживать башкирами и калмыками, а возмущенія этихъ послѣднихъ усмирять киргизами. Случай скоро и представился.

Начатое въ 1735 г. возведеніе укрѣпленій, падавшее всею тяжестью, какъ натуральная повинность, на башкиръ, служившихъ рабочими и возчиками по наряду, сопровождалось возмущеніями этого народа, едва успокоившагося въ 1742 году. Къ этому присоединились еще беспорядки въ степи, гдѣ ханы, не заботясь объ участи оставленныхъ ими въ нашихъ рукахъ аманатовъ, открыто грабили и башкиръ, и волжскихъ калмыковъ, и наши караваны, а пословъ нашихъ задерживали. При такихъ обстоятельствахъ правительство вынуждено было смотрѣть сквозь пальцы и на набѣги, въ отместку киргизамъ, со стороны уральскихъ казаковъ, башкиръ и калмыковъ, а наконецъ, по неимѣнію войскъ, годныхъ для степныхъ походовъ, вынуждено было для наказанія киргизовъ за баранты и разбои, напустить на нихъ калмыковъ и башкиръ.

Ханы, подъ давленіемъ организованныхъ такимъ образомъ набѣговъ, вынуждаемы были, по временамъ, смиряться, являясь на поклонъ въ Оренбургъ, подтверждали прежнюю присягу, получали щедрые подарки, а возвратясь въ степь, принимались за прежнее, считая, не безъ основанія, „оренбургскую экспедицію“ безсильною подавить ихъ окончательно. Абуль-Хаиръ, напримѣръ, присягалъ въ 1732, 1738 и въ 1748 годахъ. У насъ почему-то вообразили, что довольно взять съ хана присягу, чтобъ утвердить свою власть въ Ордѣ.

Усмиривъ башкиръ, Татищевъ упразднилъ закамскую линію и взаимнѣ ея учредилъ киргизскую пограничную линію. Такимъ образомъ военная граница наша перекатилась цѣпью, отхвативъ у степей порядочный кусокъ. Татищевъ, какъ уже сказано, выстроилъ новый Оренбургъ у Красной горы и вблизи крѣпости устроилъ мѣшовой дворъ, съ большимъ числомъ лавокъ для привлеченія сюда каравановъ.

Въ 1739 г. Татищевъ просилъ разрѣшенія прибыть въ Петербургъ съ донесеніями. Ему разрѣшили, но на смѣну прислали князя Урусова... Въ Петербургѣ Татищевъ былъ преданъ суду за взятки, приговоренъ къ лишенію чиновъ и заключенъ въ Петропавловскую крѣпость въ 1740 г., но вскорѣ Биронъ палъ, и въ 1741 г. Татищевъ былъ помилованъ и посланъ воеводою въ

Царицынъ къ калмыкамъ, но подъ надзоромъ. Съ него не взыскали даже начета. Итакъ, въ 1739 году мѣсто Татищева занялъ князь Урусовъ (съ 1739 по 1742). Для обузданія башкировъ онъ провелъ чрезъ ихъ кочевья укрѣпленные линіи отъ Оренбурга на Верхнеуральскѣ, Челябинскѣ и до крѣпости Уйской, возстановивъ, сверхъ того, упраздненныя Татищевымъ закамскую и самарскую линіи, на которыя снова были вызваны поселенцы.

Между тѣмъ авантюристъ Абуль-Хаиръ, по принятіи имъ нашего подданства, сталъ ханомъ не только въ своей Малой ордѣ, но и въ Большой; отсюда его однакоже скоро прогнали за безсовѣстность и поборы. Тогда онъ сталъ заискивать у дзюнгаръ, просваталъ Галданъ-Цырену свою дочь и получилъ за нее въ калымъ гор. Туркестанъ, но и оттуда былъ выгнанъ киргизами Большой орды. Затѣмъ, рассчитывая утвердиться на низовьяхъ Сыръ-Дарьи, онъ снова повторилъ просьбу свою о постройкѣ для него города на мѣстѣ развалинъ Янкента, близъ нынѣшняго Казалинска. Эти просьбы оренбургская администрація преанвно считала за признаки стремленія киргизъ къ осѣдлости, тогда какъ хану просто хотѣлось имѣть опору въ русской крѣпости съ ея пушками и гарнизономъ. Сами же киргизы и не думали селиться не только рядомъ съ русскими, но и гдѣ бы то ни было! На этотъ разъ посланъ былъ на Дарью въ 1740 г. драгунскій поручикъ Гладышевъ, геодезистъ Муравинъ и еще инженерный надзиратель Назимовъ съ нѣсколькими казаками. Партію эту ограбили киргизы - чиклинцы въ Каракумахъ и увезли двухъ человекъ, остальныхъ отпустили „съ тѣмъ объявленіемъ, что въ подданствѣ-де обрѣтается одинъ Абуль-Хаиръ-Ханъ, чего ради и сына своего въ Россію отдалъ и за то подарки получаетъ, а мы-де не въ подданствѣ“. Это прекрасно характеризуетъ взглядъ такъ называемыхъ подданныхъ Абуль-Хаира

Ханъ укрывался въ Аральское владѣніе (гдѣ теперь Даукара, къ сѣверу отъ Хивы). Туда прибыли къ нему и наши посланные. Въ это время Надиръ-Шахъ персидскій раздѣлывался съ хивинцами за разбой и казнилъ хана ихъ Юлбарса (въ переводѣ—тигръ). Хивинцы, рассчитывая на какую-нибудь перемѣну къ лучшему, выбрали на ханство Абуль-Хаира, какъ русскаго подданнаго. Къ Надиръ-Шаху посланъ былъ Муравинъ съ просьбой пощады Хивѣ, какъ странѣ, подчинившейся русскому подданному и слѣдовательно вступившей подъ покровительство Россіи. Шахъ принялъ Муравина весьма ласково, но требовалъ, чтобы Абуль-Хаиръ самъ пріѣхалъ въ Хопки (гдѣ стоялъ персидскій лагерь). Ханъ собрался было ѣхать къ шаху, но перехватилъ письмо изъ лагера, заставившее его опасаться участи Юлбарса. Едва упробивъ своихъ подданныхъ отворить ему ворота и выпустить изъ города для свиданія съ шахомъ, ханъ тотчасъ повернулъ въ

другую сторону и поскакали, преслѣдуемый выстрѣлами своихъ обманутыхъ подданныхъ. вмѣсто него выбранъ былъ сынъ его Нурали, но Хива все-таки была взята персами, оставившими тамъ своего бека, вскорѣ впрочемъ убитого ханомъ Нурали. Въ 1742 году Гладышевъ снова ѣздилъ въ Хиву съ присяжнымъ листомъ, посланнымъ къ хану, какъ русскому подданному, но Нурали листа не принялъ *).

Между тѣмъ, Абуль-Хаиръ повздорилъ съ Оренбургомъ изъ-за того, что тамъ не соглашались перемѣнить аманата—сына его—на другого, хотя въ сущности аманаты эти только вводили насъ въ лишніе расходы, а распорядиться съ ними, въ случаѣ измѣны, по-азіатски, мы никогда не рѣшались. Въ это время, съ воцареніемъ императрицы Елизаветы, высланъ былъ губернаторствовать въ Оренбургъ Неплюевъ (съ 1741—1759)**), который первымъ дѣломъ, вошелъ съ представленіемъ о переносѣ Оренбурга на новое мѣсто, гдѣ онъ стоитъ и доселѣ. 18 октября 1842 года перенесеніе это и состоялось. Всѣ отмѣненные Татищевымъ распоряженія Кирилова онъ возстановилъ. Киргизы, подстрекаемые самимъ ханомъ, производили страшныя баранты въ теченіе 1743 и 1744 годовъ. Только приготовленія Неплюева къ вторженію въ степь съ волжскими калмыками, заставили киргизовъ приемирѣть на время. Намѣстнику ханства калмыкскаго Дундукъ-Дашѣ написана была грамота (отъ 24 апрѣля 1744 г.), коею повелѣвалось: получить въ Астрахани порохъ и свинець и двинуться въ киргизскія степи. Вся добыча, какую калмыки могли бы взять у киргизъ-казаковъ, предоставлялась въ ихъ пользу. Но эта грамота не была отослана по назначенію, и вторженіе не состоялось изъ опасенія нашествія Галданъ-Цырена, который въ это время подвигался къ нашимъ границамъ.

Чтобы остановить раззадоренныхъ калмыковъ, пришлось прибѣгнуть къ казнямъ... калмыки притихли, но зато расходились киргизы. Въ 1746 году они сдѣлали набѣгъ по льду Каспійскаго моря на калмыковъ и русскихъ, убили до 100 чел. и захватили до 700 плѣнныхъ. Въ 1747 г., опять по той же дорогѣ, повторень былъ набѣгъ, но калмыки откочевали, и киргизамъ пришлось возвращаться съ пустыми руками. Ледъ уже былъ плохъ, надобно было идти чрезъ Ураль, а тамъ уже поджидали япцкіе

*) Гладышевъ нашелъ въ Малой ордѣ пробравшагося сюда англійскаго купца Джокка, у котораго и купилъ нѣсколько товаровъ для подарковъ каракалпакамъ.

**) Замѣчательнѣе тѣмъ, что умѣлъ ладить и даже былъ любимцемъ Петра I, Екатерины I, Остермана и Бирона. Зато, съ восшествіемъ на престолъ Елизаветы, онъ тотчасъ былъ, какъ бироновецъ, удаленъ на губернаторство въ Оренбургъ.

казаки... Много погибло здѣсь киргизовъ въ стычкѣ и подолдомъ, не выдержавшимъ ихъ толпы...

Абуль-Хаиръ сталъ споситься съ Персіей. Тутъ снова выступаетъ на сцену неизмѣнный Тевкелевъ, присланный изъ Петербурга мирить хана съ Неплюевымъ. Оренбургъ, наконецъ, смирился и въ 1747 г. согласился перемѣнить аманата, не иначе, впрочемъ, какъ на законнаго же, *)—отъ ханши. Тогда Абуль-Хаиръ пріѣхалъ въ Орскъ, отдалъ въ аманаты, вм. Ходжи-Ахмета, другого законнаго сына, Апчувака, обѣщавъ возвратить плѣнныхъ и далъ подписку, что Малая орда не будетъ больше нападать на Россію... Было ясно, что оренбургскій губернаторъ рѣшительно не понималъ своей задачи и не зналъ собственнаго оружія: вмѣсто того, чтобы пасовать передъ измѣнникомъ-ханомъ,—ему стоило только объявить киргизамъ въ прокламаціи о низложеніи его, и дѣло было бы сдѣлано, потому что народъ не терпѣлъ Абуль-Хаира.

Безпокойный авантюристъ былъ, наконецъ, убитъ въ 1749 году въ одномъ изъ междоусобій. Разсчитывая пограбить каракалпаковъ, онъ наткнулся на хана Средней орды Барака, которымъ и убитъ въ происшедшей стычкѣ. Неплюевъ тотчасъ отправилъ въ орду чиновника, чтобы направить выборъ на старшаго сына покойнаго—на Нурали-Хана.

Такимъ образомъ дарованное киргизамъ право выбора обращалось въ пустую комедію. При назначеніи Ирали въ 1791 г. сдѣлано было еще проще: собраннымъ въ Оренбургѣ старшинамъ прочли сначала указъ императрицы объ избраніи именно Ирали, а затѣмъ приказали исполнить всѣ формальности выборовъ! Мы сдѣлали разомъ три весьма важныя ошибки: во-первыхъ, установили правило избирать хановъ непременно изъ рода Абуль-Хаира, а киргизы его ненавидѣли; во-вторыхъ, мы ввели на практикѣ законъ первородства, направляя выборъ на старшаго сына, — тогда какъ у киргизовъ существовалъ обычай наследованія слѣдующимъ по старшинству братомъ, въ-третьихъ, мы постоянно стѣсняли народную волю въ свободѣ выбора и тѣмъ озлобляли противъ себя массу недовольныхъ, не пользуясь за то никакими выгодами. вмѣсто порядочнаго хана мы довольствовались и плохимъ, лишь бы онъ былъ старшимъ сыномъ предшествовавшаго, а эти старшіе, какъ нарочно, были подрядъ изъ рукъ вопъ плохи.

Кромѣ того, ханы скоро освоились со введеннымъ нами правомъ первородства и, считая себя ханствующими не по милости Россіи, а по праву, стали пренебрегать и тяготиться даже такою призрачною зависимоścią, въ какой они считались относительно Россіи.

*) Абуль-Хаиръ хотѣлъ сбыть въ аманаты своего побочнаго сына.

Сто лѣтъ мы подерживали это право и, не облагая никакою податью новыхъ подданныхъ, довольствовались только славой, что такіе ести, и щедро одаривали разныхъ хановъ и ихъ посольства, когда имъ приходило въ голову развлечься поѣздкой въ Уфу и обзавестись новыми халатами на счетъ русскаго правительства!

Избранію Нурали содѣйствовала мать его, ханша Папай, пользовавшаяся большимъ вліяніемъ и даже имѣвшая собственную печать, — что составляетъ рѣдкое исключеніе въ народѣ, гдѣ женщина—раба! Государыня прислала ей за услуги кусокъ золотой парчи.

Въ грамотѣ 26 февраля 1749 г. Нурали названъ просто „ханомъ киргизъ-кайсацкимъ“, безъ наименованія ордѣ. Оказалось, что въ депутации, посланной имъ въ Петербургъ, не было ни одного настоящаго представителя Средней орды, которая была тогда въ подданствѣ у дзюнгарѣ. Разные бѣдники, которыхъ выдавали за депутатовъ отъ этой орды, были просто слуги Абуль-Хаира, давно отставшіе отъ своего рода.

Желая придать, въ глазахъ дикарей, болѣе важности званію хановъ, правительство положило, съ этого времени, сопровождать утвержденіе хановъ и присягу ихъ особымъ великолѣпнымъ и разными церемоніями. Мы опишемъ, въ своемъ мѣстѣ, одну изъ такихъ церемоній при утвержденіи хана Ширгазы въ 1812 году.

Хонтай-Дзи или контайша Галданъ-Цыренъ потребовалъ у новаго хана сестру его, просватанную ему еще покойнымъ ханомъ, получившимъ въ калымъ г. Туркестанъ. Нурали боялся ссориться съ русскими, вступая въ связи съ дзюнгарами и не зная, что дѣлать. Въ Оренбургѣ весьма основательно опасались утвержденія родственной связи нашихъ хановъ съ дзюнгарскимъ контайшей, такъ какъ эта связь могла бы повести и къ политическому сліянію, что не рѣдкость у дикихъ. А въ такомъ случаѣ все населеніе земель отъ западнаго Китая до Каспія двигалось бы по мановенію одного повелителя.

Чтобы удержать Нурали отъ сближенія съ Галданъ-Цыреномъ, посланъ былъ опять Тевкелевъ, которому поручено было сдѣлать всѣ уступки, даже обмѣнять аманата, но тутъ получено было извѣстіе, что сестра хана весьма кетати умерла. Дѣло тѣмъ и кончилось.

Мы уже говорили, какъ понемало наше правительство просѣбы киргизъ о постройкѣ въ степи укрѣпленій и городовъ. Киргизы и не думали объ осѣдлости, русскія укрѣпленія были имъ нужны, какъ опорные пункты, подъ защиту которыхъ они могли бы стать въ случаѣ бѣды. Ошибочно появивъ желаніе киргизъ, правительство наше настойчиво пользовалось каждымъ случаемъ, чтобы начать дѣло колонизаціи кочевниковъ: такъ, въ 1749 году,

когда Нурали-Ханъ просилъ разрѣшенія построить надъ могилою отца (Абуль-Хаира) надгробный памятникъ,—ему предлагали и денежныя на то средства, но съ условіемъ, чтобы могила была перенесена къ оренбургской линіи и чтобы при памятникѣ киргизы основали городъ и въ немъ поселились. Киргизы однакоже рѣшительно отказались. Это было истолковано лишь нежеланіемъ селиться близъ линіи, и потому, въ видѣ уступки, имъ предложили выбрать самимъ мѣста для поселеній на р. Илекѣ. Киргизы и на это не согласились. Тогда имъ предложили строиться на Эмбѣ, но они и тутъ остались непоколебимы. Правительство однакоже никакъ не хотѣло допустить такого простаго объясненія, что для киргизъ еще не настала эпоха перехода отъ кочевого образа жизни къ осѣдлому и что искусственными мѣрами такого переворота вызвать нельзя. Долго еще у насъ не покидали проекта колонизаціи степи осѣдлыми киргизами: предложенія въ этомъ смыслѣ повторялись въ царствованіе Екатерины II.

Между тѣмъ незаконный, въ глазахъ киргизъ, выборъ Нурали-Хана повелъ къ тому, что большая часть Малой орды избрала другого хана, Султана Батыра, сынъ котораго былъ въ то время ханомъ въ Хивѣ. Этотъ ханъ вошелъ также въ сношенія съ оренбургскимъ начальствомъ, но оно отклонило его предложенія. Тогда киргизы по обыкновенію стали мстить грабежами. У насъ принята была остроумная мѣра, придуманная Нурали-Ханомъ: задерживать по указанію его нѣкоторыхъ изъ прибывающихъ на линію для мѣновой торговли киргизъ и оставлять ихъ въ залогъ до тѣхъ поръ, пока ихъ товарищи не возвратятъ ограбленнаго. Это однакоже не помогло дѣлу, а только озлобило киргизъ (потому что ханъ указывалъ обыкновенно на своихъ недоброжелателей) и вдобавокъ убило зарождавшуюся торговлю пашу съ киргизами, которые, конечно, перестали послѣ этого ѣздить на мѣну, и торговля перешла въ руки бухарцевъ и хивинцевъ.

Доказательствомъ того, какъ неосновательны были эти мѣры и какъ подрывалось ими наше вліяніе, служить то, что, предоставивъ (правда поневолѣ, по безсилію) свободу выбора народу въ Средней ордѣ, мы не имѣли отъ нея столько неприятностей, сколько имѣли при постоянномъ вмѣшательствѣ въ дѣла Малой. Напримѣръ, въ 1760 году ханъ Средней орды Аблай отобралъ у своихъ ордынцевъ и выдалъ намъ всѣхъ русскихъ плѣнныхъ, а такъ называемые „подданные“ Малой орды грабили насъ ежегодно, и посаженные нами ханы ихъ не могли ни разу выполнить нашихъ просѣбъ и своихъ обѣщаній о выдачѣ плѣнныхъ.

Вообще подданство киргизъ было престранное: податей они

никакихъ не платили, повинностей не несли, а наше правительство все-таки ухаживало за ними, точно ради славы считается владыкою киргизы! Хановъ заманивали въ подданство и удерживали въ немъ щедрыми подарками, а съ 1750 г. и жалованьемъ. Безпрестанныя посольства отъ киргизскихъ хановъ, придиравшихся къ каждому случаю, чтобы такимъ путемъ выудить нѣсколько дорогихъ подарковъ, походили просто на вымогательство. Дѣйствительно, это приобрѣло, наконецъ, характеръ ежегодной дани, и правительство вынуждено было, назначить двухлѣтній срокъ для пріѣзда пословъ, чтобы не каждый годъ нести эту новую повинность!

Неудовлетворительные подарки вели иногда за собою неприятныя послѣдствія, вродѣ набѣговъ и баранты; чтобы избѣжать такихъ послѣдствій, мы вынуждены были задабривать хановъ и, такъ сказать, покупать у нихъ миръ... Какъ смотрѣли киргизы на дикій и принятый нами отъ дикихъ же обычай дѣлать при каждомъ случаѣ подарки, можно видѣть, напримѣръ, изъ того, что султанъ Баракъ, ханъ Средней орды, отправивъ пословъ ко двору, собрался было ѣхать и самъ въ Оренбургъ, но прибывшій къ нему чиновникъ привезъ такіе ничтожныя, на киргизскій глазъ, подарки, что султанъ разобидѣлся и тотчасъ откочевалъ въ степь.

Всевозможнымъ послабленіямъ не было конца; заложниковъ мѣняли уже по первому требованію и принимали въ аманаты даже трехлѣтнихъ ребятъ *)!

Очевидно теперь, что киргизская орда представляла, для тогдашней Россіи, опаснаго и неприятнаго сосѣда, а не вассала, что пограничное начальство не знало какъ ладить, не знало какъ приняться за эту орду, чтобы оградить себя отъ вторженій. Всѣ мѣропріятія правительства представляются поэтому дѣнью болѣе или менѣе неудачныхъ опытовъ. Каждый правитель, конечно, очень хорошо зналъ, что лучшее средство для удержанія массъ въ повиновеніи составляютъ крѣпости и войска, но крѣпостей нельзя было выдвигать прямо въ безлюдную степь, не обезпечивъ ихъ сообщеній рядомъ укрѣпленій и поселеній, а это стоило большихъ денегъ, колонизація же шла обычнымъ медленнымъ путемъ. Кромѣ того и войска для занятія такихъ пронизывающихъ степь линій было недостаточно. Только линіи вдоль или параллельно границѣ составляютъ надежный оплотъ и вмѣстѣ базу для наступленія. Со стороны Сибири мы имѣли, напримѣръ, рядъ ли-

*) Айчувакъ, сынъ Абуль-Хаира, былъ замѣненъ Адилемъ, а въ 1750 г. пятилѣтнимъ сыномъ Нурали-Хана; аманатъ этотъ вскорѣ умеръ, привезенъ былъ второй сынъ хана, но и тотъ умеръ въ 1769 г. Ханъ приписалъ это недостатку присмотра и ни за что не хотѣлъ дать новаго аманата, да и самъ не ѣхалъ въ Оренбургъ, не смотря на приглашенія.

ній по меридіану, а не поширотѣ, точно на вѣсу, и такимъ образомъ обладали операціонными путями, а не базой и, значитъ, могли дѣйствовать только наѣздами, а не облавою.

Нѣкоторые администраторы предпочитали посылать, по временамъ, въ степи летучіе отряды для наказанія виновныхъ, отбитія добычи и захвата плѣнныхъ (ради обмѣна на своихъ). Но эти летучіе отряды рѣдко настигали виновныхъ и грабили только тѣхъ, кто, не чувствуя за собой вины, сидѣлъ спокойно на мѣстѣ и не торопился уходить при вѣсти о русскомъ отрядѣ. Расчѣбренными киргизамъ ничего больше не оставалось, какъ идти тоже на добычу и барантовать на линіи. Такимъ образомъ баранты плодились одна другою, старые счета путались съ новыми, каждый считалъ себя въ долгу и недостаточно отомщеннымъ, и обѣ стороны бѣднѣли съ каждымъ годомъ. Отбитый скотъ угонялся обыкновенно, что было мочи, не останавливаясь долго для корма и, конечно, погибалъ во множествѣ. Если нашимъ отрядамъ и удавалось отбить забарантованный киргизами скотъ, то это считалось военною добычею, шло на мясныя порціи, продавалось съ аукціона и только въ рѣдкихъ случаяхъ возвращалось хозяевамъ.

Пробовали удерживать у хановъ жалованье до тѣхъ поръ, пока они не заставятъ своихъ киргизовъ возвратить ограбленное имущество, но это также не помогало. Кто-нибудь долженъ былъ уступить: или мы отойти къ Волгѣ, или киргизы отъ Урала,—выбирать было не изъ чего, и Неплюевъ рѣшилъ воспользоваться первымъ случаемъ, чтобы окончательно задавить крамолу, сначала по эту сторону Урала, гдѣ мы никакъ не могли справиться съ башкирами, а потомъ и за Ураломъ.

Въ 1755 году въ Башкиріи снова вспыхиваетъ возмущеніе. Одинъ мулла Б а т ы р ь - Ш а разослалъ прокламаціи, въ которыхъ упрекали мусульманъ въ повиновеніи христіанамъ. Башкиры поднялись. Неплюевъ тотчасъ двинулъ туда войска и объявилъ киргизамъ, калмыкамъ, тептярямъ и мещерякамъ, что онъ отдаетъ имъ Башкирію на разграбленіе. Началась кровавая драма. Чтобы возбудить умы киргизовъ, послано было къ нимъ подложное письмо, будто бы отъ оренбургскаго ахуна. Въ письмѣ хвалилось возстаніе башкировъ, но высказывалось опасеніе, какъ бы они, освободясь отъ Россіи, не принялись за киргизовъ. Письмо это,—назовемъ его хоть дипломатическою хитростію,—достигло своей цѣли, какъ нельзя лучше. Кажется, впрочемъ, что и безъ этой „хитрости“ киргизы охотно бы пошли на грабежъ, а кого грабить,—имъ это все равно! Башкиры, не имѣя силъ противиться такому нашествію, бѣжали съ женами и дѣтьми, въ числѣ 50 тысячъ человекъ, за Ураль, потерявъ на переправѣ множество людей; прочіе скрылись въ киргизскія степи. Чтобы

воспрепятствовать башкирамъ соединиться съ киргизами, Неплюевъ прибѣгъ къ мѣрѣ весьма жестокой, но по тогдашнимъ обстоятельствамъ совершенно умѣстной: онъ подарилъ киргизамъ женъ и дѣтей всѣхъ башкировъ, которые бѣжали къ нимъ въ степи. Началась, безпримѣрная въ лѣтописяхъ, травля: киргизы рѣзали каждаго встрѣчнаго башкира, присвоивая себѣ все его имущество, женъ и дочерей. Немногіе успѣли ускользнуть отъ истребленія, возвратясь въ русскіе предѣлы. Разказы этихъ несчастныхъ взволновали всю Башкирію: гнѣвъ и ревность немедленно вооружили толпы мстителей, просившихъ у начальства позволенія идти за Уралъ. Неплюевъ объявилъ, что государыня не позволяетъ переходить границу, а между тѣмъ далъ секретное приказаніе всѣмъ пограничнымъ начальникамъ смотрѣть сквозь пальцы и не замѣчать самовольныхъ переходовъ башкировъ въ степи зауральскія. Пользуясь мнимою оплошностію русскихъ кордоновъ, толпы башкировъ пробрались за рѣку и набросились на киргизъ, щедрою рукою воздавая имъ кровь за кровь, око за око!

Ханъ Нурали жаловался Неплюеву на этотъ набѣгъ, но получилъ въ отвѣтъ, что киргизы сами навлекли на себя эту бѣду, принявъ въ свои аулы вѣроломныхъ бѣглецовъ, и что вся Башкирія стремится къ такимъ же подвигамъ. Предоставленные самимъ себѣ, киргизы ополчились поголовно; начались отвѣтные набѣги, завязалась нескончаемая усобица: какъ голодные шакалы за добычу, грызли дикари, а русской орелъ оставался спокойнымъ зрителемъ кровавой распри!

Такъ разными „хитростями“ Неплюевъ сумѣлъ сравить двухъ беспокойныхъ сосѣдей. Когда мѣра зла переполнилась и обѣ стороны были достаточно ослаблены другъ другомъ,—Неплюевъ на шель, что наше спокойствіе надолго будетъ обезпечено, и потому рѣшилъ прекратить борьбу народовъ.

Башкирамъ строжайше подтверждено не ѣздить за Уралъ, киргизамъ предложено удалиться къ югу отъ Урала; а пограничнымъ начальникамъ предписано не допускать больше никакихъ съ обѣихъ сторонъ переходовъ, усиливъ для этого пикеты.

Но еще долго враги не могли успокоиться, и много впоследствии потрачено было русскихъ денегъ и русской крови, чтобы разнять обозлившихся и разорившихся противниковъ, искавшихъ въ барантѣ средства поправить свои дѣла. Кровавое пролитіе хотя и уменьшилось, но вражда между народами продолжается еще и донынѣ.

Этимъ путемъ мы достигли двухъ цѣлей: руками башкиръ мы значительно ослабили киргизовъ и отшатнули ихъ подалѣе отъ линіи, а руками киргизовъ окончательно смирили башкировъ, которые съ этихъ поръ живутъ тише воды, ниже травы.

Политика наша, въ этомъ случаѣ, была совершенно основательна. Правительство указывало ее еще въ 1734 году *), рекомендуя надзирать за киргизами и башкирами и, въ случаѣ волненій, употреблять одинъ народъ противъ другого, сберегая русское войско. Елизавета, какъ сказано въ своемъ мѣстѣ, въ грамотѣ намѣстнику ханства калмыцкаго Дундукъ-Дашѣ отдавала ему Малую орду на разграбленіе. Екатерина II держалась той же системы, и грамотою отъ 10 мая 1763 г., намѣстнику калмыцкому Убаншѣ, поручалось остановить вооруженною рукою и расчебарить киргизовъ Малой орды, если они захотятъ прорваться за линію и перейти кочевать въ наши предѣлы **).

Находятся впрочемъ люди, которые обвиняютъ тогдашнее наше правительство въ жестокости, которые предпочли бы, повидимому, подавлять и калмыковъ, и башкировъ, и киргизовъ только одними русскими, которые, наконецъ, ради идеальной любви къ своимъ „братьямъ дикимъ“, готовы были, кажется, принести скорѣе въ жертву русскую, чѣмъ башкирскую кровь, но эти не русскіе патриоты забываютъ и время, и пространство, забываютъ, что на обширной территоріи оренбургскаго края сошлись и столкнулись самыя разнородныя племена, что войскъ, оберегавшихъ границу, было мало, что, наконецъ, Россіи приходилось пожертвовать кѣмъ нибудь изъ двухъ: или башкирами, или коренными русскими. Если она пожертвовала первыми для спасенія вторыхъ, то, конечно, не заслужила тѣмъ порицанія. Кто не согласился бы жить спокойно подъ защитою сосѣдей, которые бы выносили на своихъ плечахъ всѣ послѣдствія нападеній? Дорого бы дали мы всякому кто бы вмѣсто насъ подставилъ свои бока подъ удары Золотой орды!

Частыя перемѣны губернаторовъ, смотрѣвшихъ на Оренбургъ, какъ на почетную ссылку, и потому торопившихся устраивать свои дѣла и выбраться „въ Россію“, вредно отражались на системѣ управленія этою окраиной. Каждый новый губернаторъ ломалъ и перекраивалъ все, сдѣланное его предшественникомъ, такъ что мѣропріятія правительства, лишеныя устойчивости, не могли привиться и укорениться надлежащимъ образомъ. Неплюевъ, правившій краемъ 17 лѣтъ, по тому уже одному успѣлъ сдѣлать болѣе всѣхъ и дѣйствительно оставилъ по себѣ память.

Но и онъ, все-таки, сознавалъ себя безпомощнымъ передъ неурядицей степей и потому, пуждаясь въ киргизахъ для обузданія башкиръ, дѣлалъ имъ уступку за уступкой: ханамъ пла-

*) Инструкція коллегіи иностранныхъ дѣлъ Кирилову.

**) Обѣ эти грамоты остались въ Оренбургѣ и не были отправлены по назначенію, первая изъ-за движенія Галданъ-Цырена, а вторая потому, что киргизы остались на мѣстахъ.

тили жалованье (съ 1750 г.), заложниковъ мѣняли по первому требованію, пока не домѣнялись до трехлѣтняго младенца!

Хивинскій ханъ Каипъ, родственникъ Ширгазы, истребившаго отрядъ Бековича, посланному съ караваномъ изъ Оренбурга въ 1752 г., переводчику (вѣроятно, Гуляеву и Чучелову) „не только задержаніе, но и озлобленіе учинилъ“, но такъ какъ Хива была для насъ недосыгаема, то „по разсужденію коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ презрѣннн здѣсь онъ оставленъ“ (рапортъ оренб. оберъ-коменданта Зенбулатова въ іюль 1783 г. уфимскому и симбирскому ген.-губернатору). Хотя такое наказаніе презрѣніемъ и было, конечно, весьма чувствительно для деликатной хивинской природы, но и оно мало помогало дѣлу!

Новый начальникъ Давыдовъ (съ 1759 по 1763 г.) принесъ съ собою и новое направленіе: онъ сталъ высокоумѣриѣе и пренебрежительноѣе обращаться съ ханомъ Нурали, и когда тотъ, въ 1759 году, съ братьями, пріѣхалъ въ Оренбургъ, губернаторъ принялъ ихъ холодно и не далъ обычныхъ подарковъ. Это такъ раздражило избалованныхъ дикарей, что они, разобиженные уѣхали въ свои аулы и тотчасъ дали себя знать: караваны, шедшіе въ Оренбургъ, были остановлены, начались набѣги и грабежи, не прекращавшіеся до 1761 года, когда уже высшее правительство, не смотря на доводы Давыдова, назначило жалованье не только хану, но и братьямъ его. Такимъ образомъ русскіе унизились до того, что стали платить дань полудикимъ сосѣдямъ, лишь бы избавиться отъ ихъ набѣговъ. Киргизы, очевидно, перестали уже считать себя подданными и, напримѣръ, при вступленіи на престолъ Екатерины II, сносились съ Китаемъ и съ афганцами и затѣмъ снова начали грабежи, продолжавшіеся до 1767 года, когда, наконецъ, посланъ былъ въ степь сильный отрядъ.

Кончина Петра III и вступленіе на престолъ Екатерины II привели въ Оренбургъ новаго губернатора-изгнанника. Это былъ извѣстный Волковъ (съ 1763 по 1764 г.), тайный секретарь Петра III *), но онъ продержался только одинъ годъ и вышелъ въ отставку, не желая быть „преступнымъ похитителемъ жалованья, валя пень черезъ колоду“, такъ какъ видѣлъ невозможность быть полезнымъ, когда руки его связаны, а злоупотребленія растутъ.

При преемникѣ его, тайномъ совѣтникѣ князѣ Путятинѣ (съ 1765—1768 г.), происходили въ степи чрезвычайные беспорядки, едва улаженные при помощи войскъ. Аманатомъ въ Оренбургѣ

*) Петръ III до такой степени полагался на Волкова, что повелѣлъ всѣ пакеты на Высочайшее имя „адресовать тайному секретарю Волкову“. Имъ написана была жалованная грамота дворянству, освобождавшая отъ тѣлесныхъ наказаній, и проектъ объ уничтоженіи тайной канцеляріи.

въ это время былъ сынъ Нурали, султанъ Аблай, влюбившійся въ дочь князя до того, что принялъ христіанство. Но такъ какъ съ этихъ поръ онъ, конечно, долженъ былъ отказаться отъ какой бы ни было роли въ степи, а родство съ дикими ханами русскому князю казалось не подѣ стать, то Путятинъ, не колеблясь, дозволилъ хану Нурали взять сына обратно и замѣнить его другимъ аманатомъ.

Путятинъ былъ послѣднимъ губернаторомъ изъ гражданскихъ чиновниковъ. Съ 1769 г., т. е. съ назначеніемъ генераль-поручика Рейнсдорпа, начался рядъ военныхъ губернаторовъ.

Тѣмъ временемъ въ Россіи готовились событія, которыя могли бы имѣть роковыя послѣдствія, если бы киргизы и башкиры были въ силахъ принять въ нихъ участіе. Мы говоримъ о выселеніи калмыковъ и бунтѣ Пугачева.

Чтобъ вѣрнѣе оцѣнить тогдашнее положеніе дѣлъ, надобно знать средства, какими располагала мѣстная власть.

Въ Оренбургской губерніи расположено было только 5 гарнизонныхъ батальоновъ: одинъ въ Ставрополѣ, а 4 въ Оренбургѣ, откуда отдѣлены были 3 роты въ Уфу, Илецкую и Троицкую крѣпости. Во всей Сибири было 7 гарнизон. бат.: въ Тобольскѣ—3, въ Томскѣ и въ Иркутскѣ по одному и въ Селенгинскѣ 2.

Оренбургская линія, простиравшаяся отъ Яика до Звѣриноголовской крѣпости, слишкомъ на 1300 в., защищалась только тремя конными ландмилицкими полками, содержавшими гарнизоны. Яицкіе казаки, хотя и закаленные въ нескончаемыхъ стычкахъ съ дикими, не могли быть принимаемы въ расчетъ такъ какъ непрерывно волновались. Оренбургскіе казаки несли только полицейскую и разсылочную службу.

Сибирская линія, отъ Звѣриноголовской крѣпости до Кузнецка, на разстояніи 2072 верстъ, защищалась 8-ю неуклюжими драгунскими полками, не пригодными для погони за „вѣтреными и легкомысленными народами“. За Байкаломъ, въ Селенгинскомъ уѣздѣ, расположенъ былъ Якутскій карабинерный (конный) полкъ, сформированный въ 1764 г. изъ поляковъ и дезертировъ—матеріала весьма ненадежнаго!

Далѣе, отъ Кузнецка до р. Амура, на протяженіи 3000 в., не было уже ни одного солдата, защита вѣрена иррегулярнымъ войскамъ, которыхъ во всей Сибири, вмѣстѣ съ инородцами, считалось всего лишь съ небольшимъ девять тысячъ. Берегли границу въ сущности китайцы. Чтобы усилить средства линій, военная коллегія *), исходя изъ той вѣрной мысли, что „вѣтренныхъ и легкомысленныхъ народовъ не множествомъ числа, а ре-

*) Докладъ ея за № 13,649 въ Полн. собр. законовъ т. XLIII часть I стр. 186.

гулярствомъ и хорошимъ устройствомъ войскъ побѣждать надлежитъ“, рѣшила переформировать пограничныя части и составить ихъ изъ всѣхъ трехъ родовъ оружія: пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи. Это, конечно, придало бы имъ большую самостоятельность, и комендантамъ не пришлось бы тратить время, въ случаѣ набѣга, на пустую переписку о присылкѣ подкрѣпленій.

Легкія полевыя команды, учрежденныя въ 1772 г, состояли изъ двухъ ротъ мушкетерскихъ въ 272 чел., егерской команды въ 48 чел., полуэскадрона драгунъ въ 60 чел. и четырехъ единороговъ 12-фунтовыхъ съ 32 артиллеристами. Всего 556 чел.

Цифра пограничныхъ астраханскихъ, оренбургскихъ и сибирскихъ войскъ увеличилась на 5,226 чел., а расходы казны не только не увеличились, но еще сократились на 40,010 р. 24 коп. отъ расформированія драгунъ. Недолго берегли наши границы эти команды: въ 1772 году, по случаю войны съ Турціею, опасной войны со Швеціею и неурядицы въ Польшѣ, военная коллегія рѣшилась оголить восточную границу, чтобъ прикрыть западную, — легкія полевыя команды съ Оренбургской, Яицкой и Илецкой линій потянулись въ Польшу, Балтійскій край и Финляндію.

Для защиты виѣшней и для охраны внутренняго порядка оставались только „скареды и срамцы“, по выраженію генераль-аншефа Бибикова. Когда начались безпорядки, то „гарнизонная негодница“, изъ этихъ скаредовъ и срамцовъ состоявшая, „носу никуда показать не смѣла“, а только все отписывала „страшные рапорты“. — Пришлось воротить назадъ легкія полевыя команды, которыя только напрасно прогулялись и въ 1773 снова явились въ Оренбургскій край.

Полная безопасность и приволье, какія наши у насъ калмыки, способствовали увеличенію ихъ благосостоянія. Скота расплодилось невѣроятное множество, да и число самихъ калмыковъ тѣмъ временемъ все увеличивалось новыми переселенцами, благодаря постояннымъ безпорядкамъ въ Дзюнгаріи и опустошеніямъ, какія производили тамъ киргизы. Въ 1755 году жители провинціи Или (Дурботы, Хошоты, Олоты и Хойты) переселились въ Россію и были размѣщены въ томъ же Убашіевомъ аймакѣ, подъ названіемъ новыхъ тургутовъ. Всего калмыковъ считалось до 80,000 кибитокъ, а по китайскимъ источникамъ, основаннымъ на показаніяхъ самихъ торгоутовъ, до 920,000 кибитокъ. Такъ какъ нельзя ручаться за достовѣрность русскихъ цифръ (ибо никакой переписи калмыкамъ не дѣлалось), то мы каждый разъ будемъ приводить и китайскія цифры.

Еще съ конца XVII вѣка у насъ начались неудовольствія съ калмыцкими ханами изъ-за крещенія калмыковъ. Ханы требовали выдачи крещеныхъ, какъ бѣглецовъ. Затѣмъ при жизни Аюки

хана начались волненія и междоусобія изъ-за вопроса: кому быть его преемникомъ? Петръ I, посѣтившій хана Аюка, поднялъ его во мнѣніи народа и тѣмъ остановилъ волненія, такъ какъ всѣмъ стало ясно, что русскій царь будетъ поддерживать сыновей Аюки.

По смерти Аюки, вдова его захотѣла выдти замужъ, — опять междоусобія изъ-за вопроса: кому быть женихомъ? Когда въ Царицынъ прибылъ, помилованный Татищевъ управлять калмыками, то калмыцкій намѣстникъ не хотѣлъ ему подчиниться и жаловался въ Петербургъ. Распоряженія Татищева отмѣнялись..

Ему поручено было составить для калмыковъ судебныя уставы, а онъ потребовалъ отъ Дондукъ-Даши присылки сборника обычаевъ. Составить такой сборникъ, конечно, трудно, да и требуется времени, а потому ни тотъ, ни другой къ работѣ не приступали и только перекорялись. Наконецъ, сенатомъ былъ присланъ приставъ полк. Спицынъ, который и разыскалъ лицъ, ссорившихъ воеводу съ намѣстникомъ, Ихъ отправили въ Петербургъ, и тамъ одного изъ виновныхъ высѣкли плетью, а вдову Дондука Омбо, ханшу Джану, съ дѣтьми, крестили *). Тѣмъ кончились смуты калмыцкія въ 1744 г.

Въ 1761 году между потомками Аюки-Хана возникли снова изъ-за ханскаго достоинства междоусобія, сопровождавшіяся безпорядками и неповиновеніемъ русскому правительству.

Тогда рѣшено было оцѣнить орду укрѣпленіями по Волгѣ, Уралу, Самарѣ и Тереку.

Въ то же время Россія вела рядъ войнъ съ Пруссіей и требовала отъ калмыковъ, согласно условію, вспомогательнаго войска. Это послѣднее обстоятельство въ особенности поразило новопривывшихъ, которые рассчитывали было на продолжительный отдыхъ и спокойствіе. Олоткій цырѣнь (старшина) сталъ подговаривать остальныхъ возвратиться назадъ въ Или, иначе подъ русскою властію торгоутамъ не сдобровать: и безъ того уже въ разныхъ войнахъ Россіи погибло ихъ до 80,000 человекъ, а теперь царица требуетъ всѣхъ старше 15 лѣтъ, и это съ очевидною цѣлью искоренить торгоутовъ, принудить ихъ къ осѣдлости, а землю отобрать въ казну! Такія рѣчи произвели желаемое дѣйствіе: калмыки встревожились. Начались тайныя совѣщанія и рѣшено было воспользоваться первыми морозами въ зиму 1771 года, чтобы перейти Волгу по льду. Ледъ однако запоздалъ, и потому успѣли подняться только тѣ, которые кочевали на ея степномъ берегу. Такихъ было по нашему счету 30,000 кибитокъ, а по китайскимъ источникамъ 460,000. Въ предѣлахъ Россіи осталось только около 13,000 кибитокъ, не успѣвшихъ присоединиться къ бѣжавшимъ, за

*) Отъ нея пошелъ родъ князей Дондуковыхъ.

невозможностию переправиться черезъ Волгу. Тогда наше правительство объявило ханское достоинство уничтоженнымъ, а калмыки, раздѣленные на роды или улусы, были подчинены своимъ нойонамъ *).

Врядъ ли бы стали калмыковъ удерживать силой, но они при этомъ разграбили четыре наши поселенія и зарѣзали до 1000 торговцевъ и мастеровыхъ, развѣзавшихъ въ это время по ихъ улусамъ.

Въ погоню посланъ былъ изъ Орска генераль Траубенбергъ, но онъ ихъ не догналъ, хотя и дошелъ до Улутаускихъ горъ, откуда по недостатку провіанта, изнуренію лошадей и развившейся болѣзненности, не могъ даже вернуться обратно въ Орскъ, а вышелъ напрямикъ къ Усть-Уйской станицѣ. Трудно было и ожидать чего-нибудь иного, когда орскій отрядъ сформировался едва-едва черезъ три мѣсяца, послѣ того, какъ калмыки снялись съ кочевьевъ! Все это время шла дѣятельная и бесплодная переписка между начальствующими. Тщетно генер.-поруч. Рейнсдорнъ просилъ ген.-м. Станиславскаго помочь сибирскими войсками орскому отряду, — тотъ хотя и собралъ черезъ мѣсяць, два эскадрона, но и тѣ посылать раздумалъ: самому - де пригодятся! Хотя киргизамъ и было приказано остановить калмыковъ, но они, воспользовавшись случаемъ пограбить, нарочно пропустили бѣглецовъ, чтобы не пришлось отдать назадъ добычу. Траубенбергъ былъ посланъ къ яицкимъ казакамъ, съ которыми и долженъ былъ преслѣдовать калмыковъ, но казаки, недовольные стѣсненіями прежнихъ вольностей, давно уже роптали, а тутъ и вовсе отказались повиноваться; Траубенбергъ настаивалъ и былъ убитъ. Присланы были регулярныя войска съ генераломъ Фрейманомъ, который силою оружія усмирилъ бунтъ. Зачинщики были наказаны кнутомъ и сосланы въ Сибирь, а казачье правленіе уничтожено.

Понятно, каково было расположеніе умовъ: „погоди, мы еще не такъ трянемъ“, — слышалось по станицамъ. Извѣстною слабостию нашего народа — окружать таинственностью всякую перемѣну правленія и составлять цѣлыя легенды по поводу кончины лицъ царствующей династіи, — какъ нельзя лучше воспользовалась польско-иезуитская интрига, по поводу государственнаго переворота 1762 г. Отрѣшеніе Петра III, вступленіе на „прародительскій“

*) Все высшее сословіе ойратовъ имѣло общее названіе нойонъ, означающее на ойратскомъ (калмыцкомъ) языкѣ господинъ, властелинъ, начальникъ, предводитель.

Званіе нойона первоначально принадлежало однимъ только потомкамъ Чингизъ-Хана и его братьевъ по мужскому колѣну: но впоследствии его стали присваивать себѣ дальніе родственники хановъ, происходившіе изъ побочныхъ линий.

престоль Екатерины II и скоропостижная смерть эресь-императора послужили темою къ самымъ романическимъ рассказамъ. Обычная легенда о „спасеніи“ и бѣгствѣ царя передавалась изъ устъ въ уста и настроила общество на ожиданіе великихъ событій. Явилось множество самозванцевъ, которыхъ одного за другимъ ловили и казнили.

Въ началѣ 1772 г. изъ рекрутской команды, шедшей въ Москву, бѣжалъ на Волгу одинъ солдатъ, по имени Богомолловъ, который и выдалъ себя за Петра III. Скоро онъ былъ пойманъ и посаженъ въ Царицынѣ въ тюрьму. Черезъ недѣлю здѣсь вспыхнулъ бунтъ, но комендантъ Цыплетевъ безъ кровопролитія отѣснилъ толпу и разсѣялъ ее, захвативъ нѣсколькихъ бунтовщиковъ. Богомолловъ былъ посланъ тайкомъ къ астраханскому губернатору и послѣ суда надъ нимъ отправленъ для казни назадъ въ Царицынъ, но на дорогѣ умеръ.

Неизвѣстность о томъ, куда онъ дѣвался, породила новые толки: сталъ ходить слухъ, будто въ Астрахани арестантъ былъ признанъ самимъ начальствомъ за настоящаго Петра III...

Слухи и толки эти бродили въ средѣ темнаго народа, никѣмъ не оспариваемые, ничѣмъ не опровергаемые. И вотъ, семь мѣсяцевъ послѣ царицынскаго происшествія, въ селѣ Мальковнѣ (нынѣ гор. Вольскъ) объявился новый Петръ III. Это былъ бѣглый преступникъ, донской казакъ Зимовойской станицы, Емельянъ Ивановъ Пугачевъ.

Бѣлыя знамена съ красными и черными осемиконечными крестами (старовѣрческими) влекли къ себѣ яицкихъ казаковъ, взбурдаженныхъ обѣщаніями „жаловать ихъ крестомъ и бороною, рѣками и лугами, деньгами и провіантомъ, свинцомъ и порохомъ и вѣчною вольностию“. Столько благъ за разъ!

Черезъ двѣ недѣли Пугачевъ владѣлъ уже 7 крѣпостями. Въ рядахъ его считалось до 3,000 конницы и пѣхоты (изъ „гарнизонной негодницы“) и болѣе 20 пушекъ. Не станемъ вспоминать всѣхъ фазъ этого знаменитаго бунта, — довольно сказать, что Илецкій городокъ, Пенза и Саратовъ были взяты, Казань сожжена, и только ничтожный Яицкій городокъ да Оренбургъ удержались противъ мятежниковъ. Бѣгство калмыковъ и бунтъ Пугачева выпали на долю преемника Пугачина, генераль-поручика Рейнсдорна, — перваго во е н н а г о губернатора оренбургскаго. Въ виду того, что случавшіяся уже не разъ попытки къ самозванству именемъ Петра III были подавляемы скоро и безъ усилій, — правительство не придало сначала бунту Пугачева особаго значенія. 5 октября 1773 г. Пугачевъ сталъ подѣ Оренбургомъ и прислалъ Рейнсдорпу указъ: „впустить его въ городъ безъ сопротивленія и встрѣтить, какъ прямого государя“. Рейнсдорнъ, возвращая пакетъ, собственноручно надписалъ: „прямо сущему

злодѣю и отъ Бога отступившему человѣку и сыну сатанину“.

Сжегши подгородную слободу и тревожа мятежниковъ не всегда удачными вылазками*), Рейндорпъ держался до тѣхъ поръ, пока побѣды князя Голицына подъ крѣп. Татишевою, въ 70 верстахъ отъ Оренбурга, положили предѣль осадѣ. Пугачевъ съ 10 пушками и 5,000 чел. ушелъ за рѣку Сакмару въ степь; здѣсь въ Коловертной лощинѣ былъ выданъ своими сотнику Харчеву, который и передалъ его Суворову въ Яицкомъ городкѣ, откуда въ деревянной клѣткѣ онъ былъ отвезенъ въ Москву. Екатерина простила казаковъ, но 15 янв. 1775 г. повелѣла истребить названія „Яикъ, Яицкій“ и проч., замѣнивъ ихъ Ураломъ, Уральскомъ и проч.

Рейндорпа упрекають въ нѣкоторыхъ ошибкахъ: онъ объявилъ, напримѣръ, что Пугачевъ бѣглый, заклеянный каторжникъ, и тотъ воспользовался этимъ, чтобы доказать, что онъ не Пугачевъ, ибо не заклеяненъ! Рейндорпъ отправилъ къ Пугачеву для переговоровъ извѣстнаго разбойника Хлопушу, который однакоже въ острогъ не вернулся, а присталъ къ Пугачеву, и надѣлалъ впоследствии много зла Россіи.

Во время этого бунта киргизы сохраняли выжидательное положеніе, пока опредѣлится, чья сторона возьметъ верхъ.

Правда, главными соучастниками Пугачева были яицкіе казаки и башкиры, — исконные враги киргизовъ, и потому можно было предполагать скорѣе, что киргизы станутъ на сторонѣ государства, чѣмъ на сторонѣ своихъ непосредственныхъ враговъ, тѣмъ не менѣе фактъ существуетъ, и какими бы побужденіями ни руководствовались киргизы, они все-таки держали, такъ сказать, „вооруженный нейтралитетъ“, собравшись массами близъ границы. Невмѣшательство ихъ значительно облегчило правительству дѣло подавленія бунта. Грабежи и хищническіе набѣги на линію продолжались, впрочемъ, своимъ чередомъ до 1774 г., когда мы могли выслать въ степь войска.

Екатерина II, послѣ неудавшагося намѣренія сдѣлать киргизовъ осѣдлыми и послѣ бѣгства калмыковъ, сообразила, что дѣло ведется не такъ, что въ сношеніяхъ съ кочевниками мы, должно быть, держимся какого-нибудь невѣрнаго правила. Поэтому она сразу измѣнила весь характеръ сношеній и въ 1775 г. запретила высылать войска за Уралъ, но уже въ 1779 г. вынуждена была отмѣнить это запрещеніе, такъ какъ дѣло оказалось настолько испорченнымъ, что никакія мѣры кротости уже не достигали цѣли.

*) 13 января гарнизонъ потерялъ на вылазкѣ много офицеровъ и солдатовъ убитыми, 400 чел. плѣнными и 9 орудій.

Правительство, однакоже, продолжало начатую задачу: рядомъ учрежденій, сходныхъ съ дѣйствовавшими тогда въ имперіи, привязать полудикихъ подданныхъ къ общему государственному строю и пробить въ глубь азіатскихъ степей дорогу прогрессу и цивилизаціи.

Такъ, въ 1782 году учреждено для кочевниковъ особое управленіе: „пограничная экспедиція“, разрѣшено пропускать киргизскій скотъ на зиму въ Россію, отпущены деньги на постройку караванъ-сараявъ, школь и мечетей. Но, не смотря на все это, набѣги продолжались, такъ что въ 1784 и 1785 годахъ пришлось снаряжать экспедицію въ степь, причѣмъ освобождено много плѣнныхъ.

Съ 1781 по 1796 годъ Оренбургская губернія именовалась Уфимскимъ намѣстничествомъ.

Въ 1784 году учрежденъ пограничный судъ для разбора дѣлъ, между киргизами и пограничными жителями, но никто сюда не ходилъ судиться, и въ 1799 году суды закрыты. Что касается до школь, то, хотя строенія и были возведены, но они оставались пустыми и, наконецъ, развалились...

Ген. отъ инф. баронъ Игельстремъ (1785—1790 *), видя, что киргизы совершенно развелись, и что ханская власть безсильна связать ихъ въ одно цѣлое, предложилъ было дать каждому поколѣнію особаго начальника съ цѣлью постепенно низвести бесполезное званіе хана до степени пустого звука и затѣмъ уничтожить его, а въ степи мало-по-малу ввести общіе съ Россіею порядки, на основаніи вводимыхъ тогда учрежденій для управленія губерній. Разосланы были прокламаціи къ народу, помимо хана, съ увѣщаніемъ прекратить набѣги на линіи, и междоусобныя баранты. Киргизы составили народное собраніе, куда не былъ допущенъ ни одинъ султанъ, и выбрали предводителемъ извѣстнаго тогда разбойника Сырма. Все собраніе присягнуло на вѣрность Россіи, но подъ условіемъ, чтобы все потомки Абуль-Хаира были навсегда лишены ханскаго достоинства. Пока продолжалось собраніе (1786—1787), набѣговъ не было (захвачено было только въ первый годъ 12, а во второй 2 плѣнныхъ), тогда какъ въ 1784 и 1785 годахъ плѣнныхъ насчитывалось до 176 ежегодно; въ 1788 г. снова начались набѣги и захвачено 43. Въ первый годъ собранія пропущено было зимовать въ Россію 45,000 кибитокъ, которыя и возвратились на Уралъ въ совершен-

*) Изъ ливонскихъ дворянъ. Правиль краемъ два раза: съ 1785 по 1790 г. и съ 1796 по 1799 г. Въ промежутокъ былъ главнокомандующимъ, въ Польшѣ. Онъ былъ большой волокита и баловень женщинъ, поэтому за недосугомъ, прозѣвалъ польскую революцію 1794 г. Уволенный въ отставку, онъ жилъ въ Ригѣ до воцаренія Павла I.

помъ порядкѣ. Казалось, все шло прекрасно; мы нашли секретъ, какъ поладить съ беспокойными подданными: предоставить имъ управляться, какъ сами заблагоразсудятъ. Такъ бы и слѣдовало продолжать. Нурали, вызванный въ Оренбургъ, былъ высланъ затѣмъ на жительство въ Уфу (гдѣ впоследствии и умеръ въ 1790 г.). Ханская власть на самомъ дѣлѣ уже не существовала. Но тутъ сынъ Нурали попалъ на аулъ предводителя народнаго собранія, батыря Сырыма; тотъ впрочемъ скоро освободился и тутъ узналъ, что губернаторъ опять хочетъ завести хана и писалъ о томъ уже въ Петербургъ. Такая непослѣдовательность нашей политики, конечно, не могла внушить къ намъ никакого довѣрія, и понятно, что все остальные мѣропріятія наши не могли имѣть успѣха.

Въ 1787 г. учреждены 5 расправъ,—судебныя мѣста, подходившія къ обычаямъ народа,—но при этомъ требовалось, чтобы дѣлопроизводство было непременно письменное, а какъ начальники были безграмотные, то дѣло, конечно, попало въ руки муллы и погибло. Чтобы размѣнять одного крупнаго хана на нѣсколько мелкихъ старшинъ, въ каждомъ изъ трехъ поколѣній выбраны были по одному главному и по нѣсколько второстепенныхъ старшинъ для надзора за порядкомъ.

Въ 1786 г. разрѣшено было киргизамъ селиться, на что назначались и пособія отъ казны; въ 1788 году разрѣшено переходить въ Россію на земли, имъ отводимыя; въ 1789 г., заведены казенныя училища съ содержаніемъ дѣтей пансіонерами. Въ томъ же году, указомъ 30 апрѣля, приказано, наконецъ, составить уложеніе на основаніи народныхъ обычаевъ. Вотъ цѣлый рядъ мѣръ, безспорно прекрасныхъ, но все это было или дурно примѣнено или и вовсе не выполнено. Только въ 1871 г. почти черезъ 100 лѣтъ, оцѣненъ указъ 30 апрѣля, и введено въ Малой ордѣ управленіе на основаніяхъ народныхъ, да и то послѣ блистательнаго опыта въ туркестанскомъ генераль-губернаторствѣ.

Все мѣропріятія Игельстрѣма не могли укорениться отчасти потому, что исполнители плохо примѣняли ихъ къ дѣлу, а главнымъ образомъ и потому еще, что самъ Игельстрѣмъ скоро измѣнилъ интересамъ государства, ради прелестей княгини Той-Кара, дочери Нурали-хана. Женщина умная и красивая, бывшая замужемъ за чиновникомъ пограничной комиссіи, она усвоила себѣ свѣтскость и лоскъ образованія, но одѣвалась всегда по-азиатски. Покоривъ сердце стараго волокиты *), Той-Кара склонила его на

*) Игельстрѣму было тогда 63 года, но онъ любилъ молодиться и увѣрялъ, что ему только 47 лѣтъ. Одинъ разъ онъ съ досадою швырнулъ свой послужной списокъ, въ которомъ чиновникъ, недавно опредѣленный въ канцелярію и не знавшій слабости барона, осмѣлился прибавить къ прошлогоднимъ годамъ одинъ годъ.

сторону своего семейства. Къ этому прибавились еще и клеветы на Сырыма. Киргизскому самоуправленію готовился конецъ.

Султаны лишившіеся значенія въ ордѣ, конечно, старались очернить батыря Сырыма, что имъ и удалось, вотъ по какому случаю: турки, начиная войну съ нами, старались возбудить противъ насъ бухарцевъ, которые въ свою очередь обѣщали киргизамъ вооруженное содѣйствіе, приглашали ихъ къ общему союзу противъ невѣрныхъ. Прокламація эмира ходила по рукамъ старшинъ киргизскихъ и, наконецъ, была доставлена Сырыму, который, какъ это сдѣлалъ бы и всякій ханъ, отвѣчалъ эмиру весьма уклончиво, увѣряя, что онъ ничего противъ войны не имѣетъ, но самъ ее начать не можетъ до прибытія бухарскихъ войскъ. Очевидно, что это была простая отговорка, съ цѣлью только отпихаться и выиграть время. Однакоже, этому придано было значеніе открытой измѣны. Въ другое время Игельстрѣмъ, конечно, не обратилъ бы на это обстоятельство никакого вниманія, но тутъ была Той-Кара, и старый селадонъ принесъ ей въ жертву и свои прежнія убѣжденія, и свою честь, и интересы государства! Забылъ онъ, что хану Абуль-Хаиру прощалось нарушеніе присяги, когда онъ безъ церемоніи сносился съ джунгарами, нашими врагами; что ему прощались и нападенія на наши линіи. Забылъ онъ, что въ 1762 году мы смотрѣли сквозь пальцы на сношенія хана Нурали съ богдыханомъ и даже на принятіе первымъ китайскаго подданства! Но то были ханы, а это простой батырь, представитель демократическаго начала!

Правительству было представлено, что дальнѣйшее развитіе демократическихъ началъ въ киргизскомъ народѣ можетъ поставить насъ въ затруднительное положеніе, что вліяніе старшинъ, принадлежавшихъ къ „черной кости“, значительно прочтѣ вліянія, какое имѣли султаны и ханы, представители „бѣлой кости“, что поэтому гораздо безопаснѣе управлять киргизами снова при помощи нелюбимыхъ имъ, но зато и не опасныхъ намъ султановъ.

Какъ только оренбургское начальство стало выказывать недовѣріе къ батырю Сырыму, послѣдній и самъ перемѣнился въ отношеніи готовности содѣйствовать видамъ этого начальства, а когда, на мѣсто умиравшаго въ Уфѣ хана Нурали, Игельстрѣмъ сталъ прискивать новаго, то понятно, что Сырымъ не могъ быть къ этому равнодушнымъ, и съ этихъ поръ онъ дѣйствительно ищетъ поддержки въ бухарскомъ эмирѣ, возмущаетъ киргизовъ противъ ненавистныхъ султановъ и противъ Оренбурга, который ихъ поддерживалъ. Словомъ, пошла прежняя неурядица. Правительство тотчасъ приняло мѣры. Самая простая и обыкновенная въ этихъ случаяхъ, была тогда смѣна губернатора. На этотъ разъ

Игельстромъ былъ смѣненъ генераль-поручикомъ Пеутлингомъ (съ 1790 по 1794).

Въ 1791 году, по смерти Ирали, назначенъ былъ братъ его Ирали. Протесты народа, ссылавшагося на обѣщаніе наше не назначать ханами потомковъ Абуль-Хайра, оставлены были Пеутлингомъ безъ вниманія. Тогда снова начались нападенія на линію со всѣми ихъ послѣдствіями. Въ 1794 г. правительство наше, наконецъ, сдѣлалось: Пеутлингъ былъ смѣненъ, а вмѣстѣ съ нимъ рѣшено смѣнить и хана, но уже на этотъ разъ принять во вниманіе волю народа. Потребовалось узнать желаніе киргизовъ. Оказалось, что всѣ желали Абуль-Гази Каипова. Новый губернаторъ, генераль-поручикъ Вязмитиновъ (1795—1796), не одобрялъ такого выбора; благодаря его поддержкѣ выбранъ былъ старшій братъ смѣненнаго Ирали султана — Ишимъ. Султанъ Ишимъ, хотя и былъ весьма преданъ русскимъ, но не имѣлъ въ степи никакого значенія, ни вліянія, а потому для насъ былъ въ сущности бесполезенъ. Недовольные киргизы снова поднялись: ханъ не смѣлъ даже отойти отъ линіи! Въ видѣ уступки желаніямъ народа придавъ былъ хапу совѣтъ—диванъ, но и это не помогло: въ 1797 г. Сырымъ, напавъ на аулъ хана, убилъ его и разбавилъ все имущество. Вязмитиновъ былъ смѣненъ и назначенъ опять Игельстромъ (1797—1799). Обоюдныя баранты однакоже достигли ужасныхъ размѣровъ, всѣ считали другъ за другомъ старые долги.

Оренбургское начальство сочло нужнымъ наказать Сырыма вооруженною рукою. Въ зиму 1797 и 1798 г. былъ высланъ въ степь сильный отрядъ уральскихъ казаковъ, угнавшихъ у киргизовъ нѣсколько тысячъ лошадей; къ казакамъ были присоединены и башкиры, которые на свою долю угнали также около 5 000 головъ.

Киргизы, конечно, отомстили немедленно, и всему этому не предвидѣлось конца: старые счета росли. Тогда составлены были смѣшанныя коммисіи изъ представителей заинтересованныхъ сторонъ: киргизовъ, казаковъ, башкировъ и калмыковъ, для разбора претензій, но никто не шель разбираться, а расправлялись своими средствами. Въ степи стало такъ тошно жить прилинейнымъ киргизамъ, что въ 1797 г. до 12,000 кибитокъ ихъ перешло въ Россію навсегда, чтобы спасти какъ-нибудь жизнь и имущество. Главная распря происходила изъ-за того, что казаки постепенно захватывали земли и, наконецъ, завладѣли ялцскими соляными копами. Игельстромъ хотѣлъ было возвратиться къ прежней своей системѣ управленія безъ хана, но выбрать было некого, и онъ составилъ совѣтъ изъ 6 человекъ подъ предѣтельствомъ стараго и глухого сына Абуль-Хайрова, Айчувака. Совѣтъ долженъ былъ имѣть постоянное мѣстопробываніе на р.

Хобдѣ. Членами выбирались по два, отъ каждаго изъ трехъ полкѣній. Но эта новая администрація тѣмъ только отличалась отъ прежней, что вмѣсто одного хана явилось семь, и такихъ же ненавистныхъ народу, такъ какъ назначеніе ихъ зависѣло отъ начальника Оренбургскаго края, а не отъ воли народной. Ордынцы, конечно, не хотѣли имѣть совѣта, не относились къ нему ни съ какими дѣлами и даже, наконецъ, соглашались перейти лучше къ прежней системѣ, т. е. къ ханамъ, ибо одинъ все-таки лучше семи. У насъ были рады такому настроенію умовъ и назначили киргизамъ хана—глухого старца Айчувака, не смотря на высказывавшіяся въ адресахъ желанія киргизовъ имѣть ханомъ Каратая. Предѣдателемъ ханскаго совѣта назначенъ былъ все-таки не Каратай, а братъ его Букей. Съ этого времени начались перекочевки: киргизы, тѣснимые казаками, наконецъ, уступили и откочевали внутрь степи, а нѣкоторые и въ Хиву, но оставили за собой право на прежнія стойбища. Боясь за свою жизнь, ханъ Айчувакъ бѣжалъ подъ защиту русскихъ за Уралъ. Букей, изъ личныхъ видовъ, подговорилъ лживыми обѣщаніями 7,000 кибитокъ изъ Малой орды перейти также за Уралъ на земли, покинутыя въ 1771 г. калмыками. Просьба объ этомъ подана была императору Павлу I, и въ 1801 году получено разрѣшеніе. Киргизы двинулись, но когда вскорѣ вздумали воротиться, то были удержаны навсегда при помощи сотни казаковъ, данной Букеемъ. Букей дѣйствительно достигъ цѣли: въ 1812 г. его сдѣлали ханомъ Внутренней или Букеевской орды, и онъ зажилъ съ тѣхъ поръ сатрапомъ, считаясь, совершенно безъ всякаго основанія, какимъ-то владѣтельнымъ княземъ. Впослѣдствіи притѣсненія, имъ дѣлаемая, не разъ вели за собою попытки его подданныхъ бѣжать назадъ за Уралъ, не смотря даже на всѣ выгоды спокойствія и благосостоянія, какими они у насъ пользовались; русскіе удерживали ихъ однакоже вооруженною рукою. Въ послѣдній годъ XVIII столѣтія были уничтожены пограничная экспедиція и пограничный судъ.

При Игельстромѣ башкиры и мещеряки, жившіе въ губерніяхъ Оренбургской, Вятской и Пермской, были раздѣлены на кантоны и подчинены главному начальнику Оренбургскаго края.

Съ назначеніемъ губернаторомъ генераль-маіора Бахметева (1799—1803) всѣ присутственныя мѣста были переведены изъ Оренбурга въ Уфу и наконецъ учреждена Оренбургская епархія.

Послѣ него назначенъ былъ кн. Волконскій. Долгое управленіе (14 лѣтъ) генерала отъ инфантеріи князя Волконскаго, извѣстнаго своими чудачествами *), могло бы уже по одной продол-

*) Рассказываютъ, что князь постоянно ходилъ въ халатъ и въ орденѣхъ, появляясь въ такомъ костюмѣ даже на улицахъ, темъ привлекать

жительности принести краю немалую пользу, если бы не отсутствие всякой энергии и последовательности в губернаторь, когда-то контуженномъ в голову. Рядомъ съ основательными мѣрами его управленія блистаютъ и совершенно неудачныя, если не вовсе странныя. Онъ установилъ, на примѣръ, подать за пропускъ киргизскаго скота на зимовку въ наши предѣлы,—съ лошади по 1 коп., съ коровы и быка по 1 деньгѣ, а съ барана по одной подушкѣ въ мѣсяць. Положилъ также начало паспортной системѣ введеніемъ билетовъ для киргизовъ, желавшихъ наниматься въ работники, за что и взималась билетная подать.

При немъ же устроена новоилецкая линія въ киргизской степи и, что еще важнѣе, вѣщія, оренбургская линія, отъ Оренбурга до предѣловъ Западной Сибири. Такимъ образомъ Волконскому принадлежитъ честь соединенія линій и закрытія нашей среднеазиатской границы. Въ связи съ образованіемъ новоилецкой линіи шли и реформы войска: казакамъ указано служить не по найму, а по очереди, и войску дано обмундированіе. Это вызвало сильнѣйшее неудовольствіе между казаками и заставило князя Волконскаго лично отправиться съ отрядомъ въ Уральскъ для вразумленія не повинующихся.

Въ 1804 г. было подтверждено, что за гребези будетъ отнынѣ взискиваться, а комендантамъ предписано преслѣдовать только тѣхъ, кто врывается къ намъ за линію, а если успѣли уйти назадъ въ степь или за Уралъ, того не преслѣдовать и оставлять въ покое. Чтобы опредѣлить, въ какую сторону прошла партія, придуманы были сѣмы, — прутья, натканые вдоль границы; если они оказались наклоненными внутрь границы,—тогда началась погоня. Орскъ попалъ въ вѣчную осаду и должень былъ выгонять скотъ на правый берегъ, ибо на лѣвомъ, киргизскомъ, берегу, его подкарауливали киргизы, преслѣдовать которыхъ запрещалось за границей. Такимъ образомъ угрозы наши оказались недействительными, ибо, ограничивались только словами.

Къ концу XVIII столѣтія Россія оградилась отъ степныхъ дикарей слѣдующими линіями: 1) яицкою или уральскою въ 700 в., изъ

толпы мальчинокъ. Гуляя по городу, онъ часто останавливался среди улицы и совершалъ всѣ естественныя отправления.

Получивъ изъ Петербурга бумаги, Волконскій прежде всего распечатывалъ царскіе указы, благовопно крестился, цѣловалъ подпись, но, не читая, клалъ указы за образъ до прихода правителя канцеляріи, которому они и передавались со словами: „дать надлежащій ходъ“. Бумаги князь подписывалъ, также не читая и только предварительно спросивъ: „Ты, Ермолаевичъ, читалъ, что здѣсь написано?“—„Читалъ, ваше сіятельство.—„Побожись!“—и только послѣ торжественной клятвы правителя канцеляріи князь подписывалъ все, что тотъ ему ни подавалъ.

Чужачества князя принимались контузіи в голову, отъ которой онъ часто страдалъ.

4 городовъ (Гурьева, Яицкаго, Илецкаго, Сакмарскаго городковъ), 2-хъ крѣпостей—Кулагина и Калмыкова и 18 форпостовъ.

2) Оренбургскою въ 1100 верстъ, по среднему и верхнему Яику, Ую и Тоболу изъ 23 крѣпостей и 27 редутовъ. Крѣпостями были: Разсыпная, Нижнеозерная, Татищева, Чернорѣченская, Оренбургъ, Красногорская, Верхнеозерная, Ильинская, Губерлинская, Орская, Таналыцкая, Уртазымская, Кызыльская, Магнитная, Верхнеяицкая, Карагайская, Петропавловская, Степная, Троицкая, Каракульская, Крутоярская, Усть-уйская и Звѣриноголовная.

3) Ишимская или Горькая въ 600 в., изъ 9 крѣпостей: Прѣсногорьковская, Кабанья, Прѣсновская, Становая, Петропавловская на р. Ишимѣ, Полуденная, Лебяжья, Николаевская и Покровская. Сверхъ того между ними разсыпаны были еще 17 редутовъ. Линія заселена сибирскими казаками.

4) Иртышская въ 1100 верстъ, также заселенная сибирскими казаками, имѣла 8 крѣпостей и 34 редута. Крѣпости были: Омская, Желѣзинская, Ямышевская, Долонская, Семипалатинская, Убинская, Устькаменогорская и Бухтарминская.

Всего на линіяхъ было 46 городковъ—крѣпостей и 96 редутовъ.

По ишимской линіи также, какъ на оренбургской, для наблюденія за прорывами воровскихъ шаекъ, вдоль дороги, со стороны степи устроена была въ 1771 г. ограда изъ столбовъ въ 4 фута высоты, соединенныхъ двумя жердями... Въ 1835 г. отъ Орска вытянута новая линія до Березовской станицы на р. Уѣ, съ 5 укрѣпленіями: Императорскимъ, Наслѣдника, Константиновскимъ, Николаевскимъ и Михайловскимъ. Съ 1836 г., вдоль этой линіи повели непрерывный валъ со рвомъ для обезпеченія отъ набѣговъ и степныхъ пожаровъ. Но за хивинскимъ походомъ работа была не кончена и брошена.

Линіи эти тянулись либо вдоль рѣкъ по меридіанамъ съ юга на сѣверъ, либо по озерамъ и висѣли, какъ люстры съ потолка, а между собой, т. е. по широтѣ, связаны не были. Получались какъ бы корридоры, по которымъ свободно и вторгались дикари... Соединеніе линій, постройка укрѣпленій въ центрѣ зимнихъ кочевковъ,—до этого тогда еще не додумались и прибѣгали къ сѣмамъ, заборамъ и трапновымъ валамъ!

Въ 1805 году ханъ Айчувакъ отказался, по дряхлости, отъ ханскаго званія, и ему назначена была пенсія въ 1000 рублей, а ханомъ сдѣланъ Джантюря.

Въ 1806 г., во время голода въ степи, князь Волконскій разрѣшилъ въ Илецкой защитѣ продавать бѣднымъ казенный хлѣбъ, по каждому менѣе куля заразъ. Далъ, кромѣ того, 100 р. на покупку сѣмянъ, но съ контролемъ чиновниковъ, которые могли

такимъ образомъ вмѣшиваться въ частное хозяйство; земледѣіе, конечно, не привилось.

Въ 1809 г. Джантюря былъ убитъ султаномъ Каратаемъ. Ханскому совѣту приказано вступить въ управленіе, но члены совѣта боялись показаться въ степь, и Каратай дѣлалъ, что хотѣлъ. Наконецъ, Волконскій рѣшилъ опять назначить хана, но не придумалъ ничего лучше, какъ выбрать изъ того же жалкаго рода Абуль-Хаирова, Султана-Ширгазы, не смотря на протесты народа, предпочитавшаго Каратая. По случаю назначенія двухъ новыхъ хановъ (Ширгазы—въ Малой и Букея—во Внутренней ордахъ), устроенъ былъ въ 1812 году праздникъ, стоившій 20,000 руб. Получивъ извѣстіе объ утвержденіи „избраннаго“ султана Ширгазы Айчувакова въ званіи хана, Волконскій назначилъ 23 августа днемъ торжества принесенія присяги.

Вотъ какъ происходила эта церемонія. 22 числа, въ 7 час. утра съ крѣпости даны были 3 пушечныхъ выстрѣла, въ 8 час. за ханомъ посланы были 1 штабъ-офицеръ и 2 оберъ-офицера съ каретой для хана и двумя колясками для его свиты. Когда киргизы усѣлись въ экипажи, то впереди кареты двинулись 2 офицера съ 4 урядниками, а свади ея 50 казаковъ. По знакамъ „махальныхъ“ тотчасъ тронулся изъ крѣпости и губернаторъ, чтобы никому никого не ждать. Оба поѣзда съѣхались къ мѣсту въ одно время. Войска отдали честь, музыка заиграла *).

Взойдя вмѣстѣ съ ханомъ на возвышеніе, Волконскій объявилъ народу Высочайшую волю, на утвержденіе Ширгазы и велѣлъ читать Императорскую грамоту на русскомъ и татарскомъ языкахъ... Ханъ сѣлъ на коверъ, повторилъ за ахуномъ слова присяги, поцѣловалъ коранъ, поднялъ его на голову, затѣмъ всталъ и приложилъ печать свою къ присяжному листу.

Тотчасъ грянулъ 21 выстрѣлъ изъ орудій, находившихся въ строю, и 11 съ крѣпости. Пѣхота и казаки пустили бѣглый огонь изъ ружей. Во время этой салютации совершенно обрядъ „вѣнчанія на ханство“: соболью шапку надѣлъ на голову хана генераль-маіоръ. Соболью шубу, крытую золотой парчей, подаль полковникъ, саблю золотую надѣлъ подполковникъ, а самъ губернаторъ вручилъ грамоту. Ханъ поцѣловалъ ее и поднялъ на голову.

Въ 4 часа начался обѣдъ съ музыкой и пушечной пальбой при здравицахъ въ честь Императорской фамилии и хана. Вечеромъ данъ балъ, а на другой и третій дни въ степи угощали, прикочевавшихъ съ ханомъ киргизовъ. Нельзя однакоже не согласиться съ Каратаемъ, который при этомъ случаѣ замѣтилъ:

*) Въ строю находились: 1 полкъ пѣхоты (гарнизонный), 1 полкъ тептарей, 3 сотни башкиръ, 2 сотни оренбургскихъ казаковъ и 1 рота артиллеріи. Упоминается это съ цѣлю показать, что инородцы несли воинскую повинность задолго до всесословной.

„Князь только даромъ тратитъ деньги Государя; онъ дѣлаеть хановъ, изъ которыхъ одинъ будетъ жить всегда въ Россіи, а другой никуда не годится“. Это было и мнѣніемъ цѣлой степи.

Новый губернаторъ, графъ Петръ Кирилловичъ Эссенъ (съ 1817 — 1830 гг. *), круто повернулъ политику и сталъ сближаться съ людьми вліятельными (Каратаемъ и др.), а Ширгазы презиралъ и, наконецъ, просилъ даже замѣнить его другимъ (Арунгази), но киргизами вѣдало, съ 1818 г., министерство иностранныхъ дѣлъ, и тогдашній канцлеръ Несельроде не согласился на это.

При Эссенѣ учреждена въ Оренбургѣ школа для обученія казачьихъ дѣтей, въ Уфѣ гимназія, а въ Оренбургѣ неплюевское военное училище. Эссену принадлежитъ также первый проектъ образованія изъ башкировъ 15 постоянныхъ казачьихъ полковъ, учрежденія войскового правленія, мировыхъ словесныхъ судовъ, съ выборами отъ народа мировыхъ судей. Императоръ Александръ Павловичъ однакоже не согласился съ проектомъ и собственноручно написалъ на докладѣ Эссена: „не лучше ли башкировъ обратить въ казенныхъ поселянъ?“ Преемникъ же Эссена, Сухтеленъ, пошелъ еще дальше и заявилъ официально, что онъ „находитъ башкировъ въ военномъ смыслѣ бесполезными“.

Въ 1820 г. снаряжена была Императорская миссія въ Бухару изъ статскаго совѣтника Негри и барона Мейендорфа, съ конвоемъ въ 530 человекъ, при 2 орудіяхъ. Конвоемъ командовалъ гвардіи капитанъ Цюлковскій. Миссія обошлась въ 219,495 р. асс. Арунгази провожалъ ее по своей степи и оказалъ нѣкоторыя услуги, но былъ оклеветанъ въ сношеніяхъ съ Хивой, поѣхалъ для оправданія въ Петербургъ, былъ тамъ задержанъ и сосланъ въ Калугу, гдѣ и умеръ въ 1833 г. Это былъ единственный патріотъ и вполне честный человекъ, но и онъ погибъ безъ пользы.

Въ степи тотчасъ начались волненія (съ 1822 г.) и набѣги. Это было мщеніе киргизовъ за плѣнъ народнаго любимца.

Въ 1824 г. министерство иностранныхъ дѣлъ согласилось, наконецъ, удалить Ширгазы, который былъ вызванъ въ Оренбургъ первоприсутствующимъ въ пограничную комиссію, а степь была раздѣлена на три территоріи безъ соображенія съ родовыми началами. Каждую часть отдали въ управленіе особому султануправителю, съ жалованьемъ въ 1,200 р. въ годъ и 60 четв. муки. При султанѣ назначень состоятъ конвой изъ 200 казаковъ. Дивановъ, однакоже, учреждено не было, и потому султаны правили безконтрольно.

*) Род. въ 1772 г. и вскорѣ записанъ вахмистромъ въ л.-кирасирскій полкъ. На 18 году произведенъ въ офицеры, а черезъ 8 лѣтъ, въ 1798 г., т. е. на 26 году отъ роду, произведенъ въ генералы!

Такъ какъ безпорядки не прекращались и киргизы продолжали грабить караваны, то у насъ въ 1824 г. устроили вооруженный караванъ съ военнымъ конвоемъ изъ 625 человекъ *) при 2 орудіяхъ. За Яны-Дарьею у Бишъ-Тюба, караванъ былъ атакованъ хивинцами, туркменами и киргизами. 13 дней отбивались наши, устроивъ завалы, но, наконецъ, бросили товары и ушли. Такъ какъ въ разграбленіи каравана участвовали главнымъ образомъ хивинцы, то для устрашенія ихъ и вмѣстѣ для осмотра мѣстности предпринята была, въ 1825 году, рекогносцировка Усть-Урта, возложенная на полковника генеральнаго штаба Берга (впоследствии графъ, фельдмаршалъ и намѣстникъ Царства Польскаго). Хивинцы перетрусили **) и выслали въ Сарайчиковскую крѣпость посла со слономъ, въ подарокъ государю. Посолъ однако же принять не былъ, и Хивѣ предложены были условія: 1) заплатить всѣ убытки, 2) возвратить всѣхъ плѣнныхъ и 3) впредь не покупать у кочевниковъ русскихъ людей.

Ханъ не согласился на эти условія, страхъ хивинцевъ миновалъ и дѣла пошли еще хуже. На Каспій ежегодно увозилось киргизами и туркменами до 200 ч., и какъ ни ласки, ни угрозы не дѣйствовали на этихъ нашихъ подданныхъ, то правительство вынуждено было выкупать у нихъ нашихъ плѣнныхъ!

По истинѣ странное подданство хивинцевъ...

Болѣе подробно о вооруженномъ караванѣ и походѣ Берга будетъ сказано въ главѣ IV.

Ширгази, тяготясь своимъ незавиднымъ положеніемъ, въ 1825 г. ушелъ въ Хиву, но потомъ, видя неуспѣхъ ханскихъ вѣдѣній, которыми онъ назначался правителемъ всѣхъ придарьинскихъ киргизовъ, не хотѣвшихъ о томъ и слышать, возвратился въ степь и кочевалъ подъ Оренбургомъ, съ нѣсколькими кибитками. По смерти его, въ 1835 г., семейству назначена была жалкая пенсія во 100 р. въ годъ. Такъ нищенски закончилось поприще послѣдняго хана Малой орды.

Средняя орда (до 406,000 душъ). Шемяка, присутствовавший на собраніи 1737 года, присягнулъ вмѣстѣ съ другими, но въ душѣ, какъ видно, вовсе не желалъ подчиниться Россіи. Тотчасъ за присягою киргизы Средней орды два раза вторгались въ русскіе предѣлы,—во второй разъ даже подъ предводительствомъ самого Шемяки. Въ посланной отъ Абуль-Хаира въ Петербургъ депутаціи не было ни одного представителя Средней орды. Несмотря на это, начальнику „извѣстной экспедиціи“ Кирилову была вручена въ 1734 году Высочайшая грамота и на имя хана

*) Пѣхоты было (сосланная рота лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка)—271 чел., казаковъ—270, артиллеристовъ—56, нестроевыхъ—28.

**) Выбѣжавшіе изъ Хивы наши плѣнные увѣряли, будто тамъ отлиты были уже золотые ключи для сдачи русскимъ.

Шемяки, которому императрица простила первую измѣну и повелѣвала учинить вторичную присягу.

Грамота эта, по случаю смерти Шемяки, осталась не отправленною. Уже при Неплюевѣ въ 1742 г. султанъ Баракъ, надѣясь на щедрость нашего правительства, присягнулъ Елисаветѣ и отправилъ въ Петербургъ посольство. Послы, дѣйствительно, были щедро одарены, самому же Бараку была послана только грамота и золотая сабля. Баракъ обидѣлся ничтожностью подарка сравнительно съ выславшимися обыкновенно ханамъ Малой орды: по азіатскимъ понятіямъ ему было выказано этимъ пренебреженіе. На приглашеніе пріѣхать въ Оренбургъ, для полученія сабли и грамоты, Баракъ отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ и присланнаго къ нему съ этимъ приглашеніемъ чиновника не принялъ, приказавъ обойтись съ нимъ поглубже. Въ 1748 году, какъ сказано, Баракъ убилъ Абуль-Хаира, но черезъ годъ самъ былъ отравленъ въ гостяхъ у одного ходжи.

Кромѣ Барака еще два султана—Абдуль-Магметъ (внукъ хана Тявки) и Аблай—пріѣзжали въ 1740 году въ Оренбургъ для принесенія присяги и были, конечно, немало удивлены легкостію обязанностей, налагававшихся на нихъ вмѣстѣ съ подданствомъ. Дѣло въ томъ, что тогдашній начальникъ „оренбургской комиссіи“ **), генераль-лейтенантъ князь Урусовъ, оказался несвѣдущимъ даже въ географіи сосѣдней страны, а ужъ о раздѣленіи киргизовъ на орды нечего и спрашивать! Еще при Татищевѣ былъ снаряженъ караванъ для открытія торговли съ Ташкентомъ. Въ этомъ первомъ русскомъ караванѣ часть товаровъ принадлежала казнѣ (купцы боялись многимъ рисковать), и потому начальникомъ каравана назначенъ былъ поручикъ Миллеръ, при которомъ состоялъ и геодезистъ для съемки. Караванъ былъ разграбленъ подъ самымъ почти Ташкентомъ на пути изъ Чемкента. Когда въ 1739 году назначенъ былъ, вмѣсто Татищева, Урусовъ, то къ нему пріѣхали, съ поздравленіями, сыновья Абуль-Хаира: Нурали и Эрали. Они передали князю просьбу отца о возведеніи города при устьѣ Сыра. Князь разразился упреками за разграбленіе каравана и получилъ въ отвѣтъ, что подъ Ташкентомъ сидитъ не Малая, а Большая орда, за которую Абуль-Хаиръ не отвѣтственъ. Когда велѣдъ затѣмъ прибыли султаны Аблай и Абдуль-Магметъ, то послѣ церемоніи присяги на золотомъ коврѣ, князь потребовалъ отъ присягнувшихъ султановъ обязательства: 1) охранять проходившіе чрезъ ихъ землю въ Россію и обратно караваны, 2) возвратить товары, разграбленные подъ Ташкентомъ Большою ордою, и 3) прекратить ссоры съ волжскими калмыками.

**) Названія края безпрестанно мѣнялись: то назовутъ „извѣстною экспедиціею“, то оренбургскою экспедиціею, то оренбургскою комиссіею.

Не вѣдалъ бѣдный князь, что, во-первыхъ, чрезъ Сибирскую степь, гдѣ сидѣла Средняя орда, не проходило тогда еще ни одного каравана, во-вторыхъ, Абдуль-Магметъ и Аблай, какъ представители Средней орды, не могли, конечно, ни отвѣчать за дѣйствія Большой, ни обязываться за нее возратить награбленное, а въ-третьихъ, съ волжскими калмыками ссорилась опять-таки не Средняя орда, а Малая!

Султаны, конечно, тотчасъ все обѣщали, посмѣиваясь въ душѣ такой наивности русскаго начальства, но зато они ничего и не выиграли отъ своего подданства: въ 1741 году, дзунгарскій контайши, пославъ въ Малую орду 15,000 войска для наказанія киргизовъ за разграбленіе его ауловъ, пощадилъ при этомъ и ни въ чемъ неповинную Среднюю орду.

Дзунгарскій полководецъ былъ немало удивленъ, когда оренбургскій комендантъ объявилъ ему о подданствѣ Аблая и Абдуль-Магмета и о томъ, что впредь всякія неудовольствія на Малую и Среднюю орду должны быть заявляемы русскому правительству, а не рѣшаться самими дзунгарами своимъ судомъ и расправой. Такое требованіе только подзадорило дзунгаровъ доказать несостоятельность русской власти въ Средней ордѣ, и потому на возвратномъ пути они захватили и увели съ собою Аблая. Послы Галданъ-Цырена требовали аманатовъ и отъ Абуль-Хаира, но тотъ предложилъ имъ ѣхать вмѣстѣ въ Оренбургъ, гдѣ они были ласково приняты Неплюевымъ, но отказались договариваться на томъ основаніи, что присланы не къ русскому генералу, а къ хану Абуль-Хаиру! Наше правительство вынуждено было войти съ Галданъ-Цыреномъ въ непосредственныя сношенія. Къ нему отправленъ былъ, вмѣстѣ съ возвращавшимися дзунгарскими послами, майоръ Миллеръ, который долженъ былъ похлопотать объ освобожденіи Аблая. Просьба эта была исполнена только въ 1743 году. Нападенія дзунгаръ въ 1744 году на нашихъ данниковъ,—сибирскихъ татаръ, вынудили насъ значительно усилить войска въ Сибири. Всѣ дѣла по управленію сибирскою границею поручены особому начальнику, генералъ-майору Киндерману. Только со смертію энергическаго Галдана въ 1746 г., когда начались у дзунгаръ междуособія, сибирская граница наша могла отдохнуть. Однакоже, для обезпеченія Тобольской губерніи отъ вторженій калмыковъ, рѣшено было соединить оренбургскую линію, рядомъ форпостовъ, съ оконченными иртышскими крѣпостями. Соединеніе линій велось вдоль цѣпи горькихъ и соленыхъ (камышловскихъ) озеръ, лежащихъ между Омской крѣпостію и р. Ишимомъ, и потому линія впоследствии названа Горькою. Въ 1752 году началась постройка крѣпостей: Покровской, Николаевской, Лебяжьей, Полуденной, Петропавловской, Становой, Прѣсновской, Кабаньей, Прѣсногорьковской и Звенигородской. Крѣпости

эти впоследствии обратились въ казачьи поселенія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ торговые пункты. Мѣновая торговля открыта была, впрочемъ, еще въ 1750 году, въ гор. Троицкѣ, къ которому и приключало на постоянныя стойбища значительное число кибитокъ Средней орды, спасавшихся подъ защиту нашихъ поселеній отъ натиска дзунгаръ. Къ счастью, у дзунгаръ начались междуособія, вслѣдствіе отказа нѣкоторыхъ родовъ повиноваться избранному главѣ Дербень-ойратскаго союза. Амурсана и Давацій, боровшіеся за титулъ хонъ-тай-дзи (по нашему контайши), не могли уже тѣснить киргизовъ по прежнему и даже обращались къ нимъ за помощью. Аблай поддерживалъ преимущественно Амурсану, но дѣла этого тайши пошли такъ плохо, что онъ вынужденъ былъ обратиться за помощью къ китайцамъ и для этого призналъ надъ собою власть богдыхана. Аблай же обратился къ сибирскому пограничному начальству съ просьбою дать пристанище внутри линіи женамъ и дѣтямъ киргизовъ нѣкоторой части Средней орды. Въ этомъ, однакоже, Аблаю было отказано на основаніи указа военной коллегіи отъ 31 января 1755 года. Было ясно, что изъ опасенія ничтожныхъ въ сущности враговъ, каковы были дзунгары, мы отдавали имъ на жертву своихъ подданныхъ. Кредитъ нашъ палъ... Хотя, по ходатайству Неплюева, указъ этотъ и былъ отмѣненъ въ слѣдующемъ же году, постановленіемъ сената отъ 24 октября 1756 г., хотя киргизамъ и было позволено кочевать близъ уйской линіи, а въ крайнихъ случаяхъ и внутри линіи, но уже дѣла поправить было нельзя: отказъ 1755 г. совершенно оттолкнулъ Аблая отъ Россіи... Съ этихъ поръ и до конца своей жизни онъ поступалъ съ нами весьма коварно. Осуждать безусловно указъ 1755 г. нельзя, ибо правительство преслѣдовало въ сущности совершенно основательную идею: поставить преграду всякимъ вторженіямъ за извѣстную черту, всякимъ переселеніямъ народовъ, будь то завоеватели или угнетенные, тѣснимые другими. Мы уже извѣдали на оренбургскомъ опытѣ, что угнетенные весьма скоро оправляются и дѣлаются нашими угнетателями. Наконецъ, не вмѣшиваясь въ распри нашихъ заграничныхъ подданныхъ съ ихъ сосѣдями и предоставляя имъ вѣдаться собственными средствами, мы именно достигали самой главной цѣли: обезпечить свои пограничныя поселенія чужими боками.

Дзунгары были совершенно покорены китайцами въ 1757 г., съ помощію Амурсана, который, впрочемъ, скоро отложился отъ Китая и бѣжалъ въ степь къ Аблаю, но бѣжалъ одинъ. Впоследствии онъ выбѣжалъ въ Россію, гдѣ и жилъ до самой смерти. Самъ Аблай попалъ въ плѣнъ къ калмыкамъ и отправленъ въ Пекинъ, куда для его выкупа отправился Абдуль-Фейзъ (сынъ Абдуль-Магмета). Вмѣсто выкупа, оба султана приняли присягу на вѣрноподданство богдыхану, обязавшись не дѣлать болѣе на-

паденій на подвластныхъ ему калмыковъ. Вернувшись въ степь, подъ прикрытіемъ китайскаго войска, они, въ присутствіи прибывшихъ съ ними чиновниковъ, склонили къ присягѣ и остальныхъ старшинъ Средней орды. Китайцы утвердили за киргизами всѣ тѣ земли, какими они владѣютъ и понынѣ въ Семипалатинской области. Для мѣновой торговли имъ указанъ Чугучакъ, а султанамъ разрѣшено посылать въ Пекинъ посольства за подарками черезъ каждыя 7 лѣтъ (у насъ сроки были выгоднѣе: черезъ каждые 3 года).

Такимъ образомъ Средняя орда, во второй половинѣ XVIII вѣка, стала въ тѣ же отношенія къ Китаю, какъ и къ Россіи, а пожалуй, даже и въ лучшія.

До сихъ поръ однакоже Средняя орда не причиняла намъ никакихъ безпокойствъ и, конечно, благодаря нашему полному невмѣшательству въ ея внутреннія дѣла. Что касается до другихъ сосѣдей, то Аблай не отказывался побарантовать то у бурутовъ, то у каракиргизовъ. Поддерживая дружескія сношенія и съ Китаемъ, и съ Россіей, Аблай присягалъ обѣимъ державамъ и отъ обѣихъ получалъ щедрые подарки. Присягнувъ, напимѣръ, Екатеринѣ въ 1762 г., онъ въ томъ же году отправилъ посольство и въ Пекинъ за подарками. Намъ это нисколько не вредило, а киргизамъ принесло огромную пользу, помогая имъ управиться съ единственными врагами своими джунгарами.

Бѣгство воляжскихъ калмыковъ въ 1771 г. и воззваніе нашего правительства ко всѣмъ киргизамъ объ оказаніи бѣглецамъ всякихъ препятствій въ пути, послужило въ глазахъ Аблая признакомъ нашего безсилія, а пугачевскій бунтъ, глубоко потрясшій восточную Россію, окончательно подорвалъ нашъ кредитъ.

Съ этого времени Аблай пересталъ заботиться даже о сохраненіи наружной покорности своей Россіи и самовольно принялъ титулъ хана. На запросъ нашего правительства относительно титула, Аблай отвѣчалъ, что ханское званіе приобрѣлъ онъ побѣдами надъ тургутами, а также избраніемъ, по смерти Абдуль-Магмета, отъ всѣхъ орды казачьихъ и даже отъ туркестанцевъ и тапкентцевъ. На дѣлѣ, какъ извѣстно, этого избранія никогда не было. Аблай дѣйствительно игралъ въ Средней ордѣ важную роль, какъ лучший ходатай передъ сильными сосѣдями по нуждамъ орды, какъ дипломатъ, умѣвшій поладить съ этими сосѣдями въ такой степени искусно, что считался подданнымъ двухъ державъ, ничѣмъ себя притомъ не обязывая и только пользуясь очередными періодическими подарками. Двоеданство кочевниковъ есть, въ сущности, вполне естественный исходъ изъ ихъ географическаго положенія между двумя сильными сосѣдями, когда лѣтовки ихъ находятся въ предѣлахъ одного, а зимовки—въ предѣлахъ другого сосѣда.) Поэтому и полной, безраздѣльной покор-

ности киргизовъ мы могли добиться только тогда, когда овладѣвали не только лѣтовками, но и зимовками ихъ.

Аблай, впрочемъ, сознавалъ неправильность присвоеннаго имъ титула, и потому только въ сношеніяхъ съ нашимъ правительствомъ онъ называлъ себя ханомъ, а въ ордѣ считался по прежнему только султаномъ.

Примѣръ Аблая соблазнилъ и многихъ другихъ султановъ, желавшихъ также разыграть роль новыхъ подданныхъ и получить подарки. Въ 1775 г. (въ іюнѣ и октябрѣ) независимые отъ Аблая султаны Средней орды прислали къ начальнику сибирской линіи пословъ съ предложеніемъ подданства, а сынъ и племянникъ Аблая просили въ то же время о назначеніи имъ жалованья по примѣру Аблая. Императрица Екатерина, рескриптомъ отъ 25 мая 1776 г., отказала во всѣхъ этихъ просьбахъ на томъ основаніи, что вся орда уже принята въ подданство Россіи еще при императрицѣ Аннѣ, а назначеніе жалованья пріучаетъ киргизовъ считать снисхожденіе необходимою.

Вынужденное признать совершившійся фактъ, правительство наше желало однакоже внушить киргизамъ мѣтніе, что званіе хана не можетъ быть самовольно принято безъ вѣдома и согласія Россіи, и потому послало въ орду (1778 г.) чиновника, который долженъ былъ уговорить Аблая подать императрицѣ письменное прошеніе объ утвержденіи его въ ханскомъ достоинствѣ. Аблай, въ ожиданіи подарковъ, поддался на доводы чиновника и послалъ съ прошеніемъ своего сына, который былъ принятъ въ Петербургѣ весьма ласково и получилъ богатые подарки. Аблай не согласился однакоже ѣхать ни въ Оренбургъ, ни въ Троицкъ, ни на сибирскую линію, куда его приглашали для припесенія присяги и полученія подарковъ и грамоты, не согласился даже присягнуть и въ своихъ кочевьяхъ, въ присутствіи русскаго чиновника, опасаясь, вѣроятно, потерять довѣріе китайцевъ, а можетъ быть и своихъ, такъ какъ много султановъ считали себя ничуть не ниже Аблая и, конечно, не захотѣли бы ему подчиниться.

Потерпѣвъ неудачу въ затѣянной игрѣ и чувствуя себя оскорбленнымъ, правительство наше прекратило выдачу Аблаю жалованія и рѣшилось возстановить противъ него другихъ султановъ Средней орды и поднять кого-нибудь изъ султановъ ему враждебныхъ. Думали даже захватить какъ-нибудь Аблая и выслать въ Россію. Словомъ, изъ-за одного раздраженнаго самолюбія хотѣли наказать всю мирную Среднюю орду, породивъ у нея разорительную усобицу, доголѣ ей неизвѣстную. Аблай совершенно кетати затѣялъ дальній походъ противъ бурутовъ и уталился отъ нашей границы. Множество плѣнныхъ бурутовъ выселено было Аблаемъ въ сѣверную часть сибирской степи, гдѣ они и

слыли нѣкоторое время подѣ названіемъ „джаны (новыхъ) киргизовъ“.

Въ 1781 году Аблай умеръ и похороненъ въ г. Туркестанѣ.

Вали, побочный сынъ Аблая, имѣя свои кочевья по близости русскихъ крѣпостей, именно въ нынѣшнемъ Кокчетавскомъ округѣ, и сообразивъ, какія выгоды онъ можетъ извлечь изъ русскаго правительства, началъ интриговать между своими, успѣлъ склонить на свою сторону нѣкоторыхъ киргизовъ и затѣмъ обратился къ нашему правительству съ просьбою объ утвержденіи за нимъ ханскаго достоинства. Просьба эта была съ радостію принята, и въ 1782 году Вали присягнулъ въ Петропавловской крѣпости, въ присутствіи генераль-поручика Якоби, получивъ такимъ образомъ власть надъ преданными Россіи прилинейными киргизами и, слѣдовательно, право обирать ихъ. Самъ Вали однакоже не отличался особенною преданностію Россіи и, на примѣръ, отказалъ въ выдачѣ туркменъ, захваченныхъ еще въ 1771 г. Аблаемъ при нападеніи на волжскихъ калмыковъ. Это вызвало насъ на рѣшительныя мѣры: въ степь послана была экспедиція. Отрядъ сибирскихъ казаковъ освободилъ плѣнныхъ туркменъ и, конечно, пощипалъ при этомъ подвластныхъ Вали киргизовъ. Новосозданный ханъ жаловался на это императрицѣ и, не получивъ удовлетворенія, послалъ въ зиму на 1795 годъ сына своего къ богдыхану для принесенія покорности, а султановъ, преданныхъ Россіи, продолжалъ притѣснять. Въ январѣ 1795 г. два султана, 19 старшинъ и 122,360 человекъ киргизовъ Средней орды подали на имя императрицы прошеніе объ избавленіи ихъ отъ власти хана Вали и принятіи ихъ въ непосредственное завѣдываніе русскаго правительства. Замѣчательно, что это уже второй примѣръ заявленія киргизами желанія управляться безъ хановъ: за 10 лѣтъ передъ этимъ племена Малой орды просили о томъ же самомъ, но и теперь, какъ тогда, просьба народа была пренебрежена. Вали остался ханомъ, не смотря на то, что въ низости и грабительствѣ его мы не сомнѣвались.

Зато Вали обѣщался удовлетворить претензіи недовольныхъ, и, чтобы задобрить наше правительство, предложилъ учредить въ Петропавловскѣ пограничный судъ, который состоялъ бы изъ депутатовъ отъ киргизовъ и пограничныхъ казаковъ и разрѣшалъ бы спорныя между обѣими сторонами дѣла. Судъ этотъ, открытый въ 1806 г., имѣлъ, конечно, извѣстную участь, одинаковую съ оренбургскимъ: въ немъ никто не судился... Вали по прежнему притѣснялъ подвластныхъ ему киргизовъ и вызвалъ, за одно съ сибирскими казаками, беспощадными въ степныхъ поискахъ, переселеніе многихъ семействъ внутрь Россіи. Просьбы ихъ на этотъ разъ были услышаны, и указомъ отъ 30 сентября 1797 года, киргизамъ разрѣшено селиться внутри Имперіи. Больше

15,000 кибитокъ тотчасъ же перешло на правую сторону Иртыша.

Переселенцы управлялись, какъ сами знали, податей никакихъ не платили, повинностей не несли, но какъ сибирскіе казаки, были конечно, нѣсколько стѣснены въ своихъ пастбищахъ, то въ пользу казаковъ рѣшено было взимать съ переселенцевъ такъ называемый „ремонтный сборъ“, установленный въ 1801 году (именной указъ 7 августа). Переселенцы стали называться поэтому „станичными киргизами“.

Ремонтный сборъ былъ впрочемъ не великъ: по 1 головѣ съ каждаго 100 головъ, какого бы то ни было скота, то есть, 1% съ капитала. Сборъ этотъ впослѣдствіи обратился въ ясачную подать.

Между тѣмъ, число недовольныхъ ханомъ все возрастало, а какъ правительство не желало снимать съ Вали, разъ данное ему званіе, то нѣкоторые старшины киргизскіе, полагая, что они вѣрнѣе добьются цѣли, если будутъ просить не объ уничтоженіи ханскаго достоинства, а о простой замѣнѣ одного хана другимъ, просили наше правительство объ утвержденіи начальникомъ надъ ними Букея, сына Барака. Разсчетъ ихъ оказался вѣрнымъ. Императоръ Александръ изъявилъ согласіе на ихъ просьбу, и въ 1816 году Букей утвержденъ ханомъ, но умеръ въ 1819 году, а въ 1821 г. умеръ и Вали. По настояніямъ тогдашняго генераль-губернатора Западной Сибири графа Сперанскаго, на ихъ мѣсто уже никто не былъ назначаемъ, и въ Сибирской степи рѣшено было ввести порядокъ управленія, сходный съ принятымъ въ Западной Сибири вообще. Такъ уничтожилась ханская власть, созданная нами самими, вопреки обычаю и желаніямъ самаго народа. Степь раздѣлена на округа и волости, съ сохраненіемъ родового начала. Волости управлялись послѣдственными султанами. Установленъ былъ законъ первородства, но если султанъ не оставилъ ни сына, ни внука, то наследовалъ братъ или ближайшій родственникъ, по выбору всею волостію. Старшіе султаны выбирались на 3 года и назначались начальниками округовъ; они вѣдали свои участки при помощи дивановъ или совѣтовъ.

На выборахъ каждый разъ должны были устраиваться, на казенный счетъ, празднества, при чемъ заслужившіе получали медали, халаты и другія награды. Привѣтствія старшему султану — качаніе на бѣломъ войлокѣ — были узаконены уставомъ.

Выходило такимъ образомъ, что одного большого хана мы размѣняли на нѣсколько мелкихъ.

До перенесенія административныхъ учрежденій внутрь кочевьевъ киргизскихъ, Средняя орда тянула болѣе къ Китаю, нежели къ Россіи. Примѣръ Аблая долженъ былъ, конечно, найти подражателей, если принять во вниманіе то благоговѣніе, которое питаютъ нынѣ киргизы Средней орды къ памяти этого сул-

тана, имя котораго служить *ураномъ*, т. е. боевымъ кликомъ, (какъ наше ура), у многихъ племенъ киргизскихъ.

Въ 1822 г., по проекту Сперанскаго, Сибирь раздѣлена на Западную и Восточную съ центрами въ Тобольскѣ и Иркутскѣ. Западная Сибирь составила изъ губерній Тобольской и Томской и области Омской, къ которой причислена вся сибирская киргизская степь. Степь раздѣлена на округа, управляемые окружными приказами съ властью полицейскою и судебною, подъ предѣтельствомъ старшаго султана изъ двухъ русскихъ засѣдателей по назначенію и двухъ киргизовъ по выбору. При каждомъ приказѣ назначена команда линейныхъ казаковъ.

Округа дѣлились на волости, волостные назывались султанами, а судъ и при нихъ бѣями; волости дѣлились на аулы, управляемые старшинами.

Къ 1838 г. центромъ Западной Сибири сталъ Омскъ, и къ этому году дѣйствовали въ степи уже 7 приказовъ, при которыхъ уже завелись поселенія сибирскаго казачьяго войска.

Съ открытіемъ внутри степи окружныхъ приказовъ, намъ уже нечего было опасаться китайскаго вліянія, такъ какъ вмѣстѣ съ нашими учрежденіями явились въ степи и наши войска.

Однакоже, оставляя управление народомъ въ рукахъ султановъ, мы, конечно, сами лишили себя средства упрочить свое вліяніе въ степи. Рано или поздно, а вредное сословіе султановъ должно было сойти со сцены. Заведеніе внутри степи окружныхъ приказовъ и казачьихъ поселковъ вызвало неудовольствіе между султанами и послужило причиной бунта султана Касима и сына его Кениссары, мечтавшихъ воскресить времена Аблая, восстановить званіе хана и стать ханами. Бунтъ этотъ вынудилъ насъ построить укрѣпленія: Актавское, Улутавское и Джергаинь-агачское, въ теченіе 1838—1840 годовъ. Войска на линіи были усилены, и такимъ образомъ бунтъ Касима и Кениссары содѣйствовалъ упроченію нашего господства въ сибирской степи, какъ способствовалъ тому же и въ оренбургской.

Большая орда (до 100,000 душъ). Большая орда, послѣ распаденія казацкаго союза, кочевала южнѣ Малой и Средней ордъ по р. Сырь-Дарьѣ и въ окрестностяхъ озера Балхаша. Хановъ она не имѣла, управляясь нѣсколькими султанами. Въ то время, какъ одинъ изъ султановъ Малой орды Абуль-Хаиръ принималъ подданство Россіи, вліятельнѣйшимъ султаномъ въ Большой ордѣ былъ Юлбарсъ, не принимавшій никакого участія ни въ искательствахъ, ни въ присягѣ Абуль-Хаира, который для приданія себѣ значенія присягалъ и за Большую орду.

Узнавъ, хотя и поздно, о продѣлкѣ Абуль-Хаира, оренбургское начальство не рѣшилось послать въ Большую орду, изготовленную для нея Высочайшую грамоту. Узнавъ, что орда эта нахо-

дится вдали отъ Россіи, наше правительство и не хлопотало больше о ея подчиненіи. Другая грамота (отъ 17 іюля 1789 года), относительно торговли зачуйскихъ киргизовъ съ Россіей, осталась также не отправленною, такъ какъ уже сдѣлалось извѣстнымъ о покореніи Большой орды джунгарами.

Большая орда владѣла Ташкентомъ, Туркестаномъ и окрестными поселеніями. Киргизы, однакоже, въ этихъ городахъ не жили. Владычество ихъ выражалось только тѣмъ, что изъ ихъ среды выбирались ханы ташкентскіе и пачальпики городовъ. Киргизскіе правители собирали подать съ осѣдлыхъ жителей, но не въ свою пользу, а въ пользу джунгарскаго хонтайдзи. Но какъ только у джунгаровъ начались междоусобія, султаны Большой Орды стали принимать въ нихъ такое же дѣятельное участіе, какъ и султаны Средней.

Съ паденіемъ джунгарскаго союза, Большая Орда раздвинула свои кочевья къ Востоку и частью вошла въ составъ Китайской имперіи, частью размѣстилась по бассейнамъ озера Балхаша и рѣки Чу, сохранивъ на нѣкоторое время свою независимость, подъ управленіемъ своихъ старшинъ и бѣевъ (судей). Во вѣншихъ предпріятіяхъ этой орды слышатся впрочемъ тѣ или другія изъ вліятельныхъ султанскихъ фамилій: въ 1771 году, напри- мѣръ, при нападеніяхъ на спасавшихся изъ Россіи калмыковъ, слышится имя султана Эрали. Постоянныя баранты у кара-киргизовъ, ташкентцевъ, а послѣ смерти Аблая (1781 г.) и у ихъ соплеменниковъ Средней орды, конечно, перессорили Большую орду со всеми сосѣдями, метившими ей такъ аккуратно, что въ концѣ XVIII вѣка многія племена этой орды ищутъ спасенія во все стороны: и въ предѣлахъ Россіи (области сибирскихъ киргизовъ и Семипалатинская) и въ Средней ордѣ, съ которой слилось нѣсколько отдѣленій юсуновскаго племени (акмолинскій и каркаралинскій районы).

Въ 1789 году въ предѣлы Россіи перешло до 4,000 кибитокъ Большой орды, подъ предводительствомъ султана Чурыгая, которому и назначено кочевать въ окрестностяхъ Усть-Каменогорской крѣпости.

Въ 1793 году перешелъ и Тугумъ съ сотнею кибитокъ.

Оставшіеся за р. Чу, продолжали баранты, пока (въ 1798 году) не были окончательно смиренны и даже покорены однимъ изъ ташкентскихъ ходжей Юнусомъ, набравшимъ изъ ташкентцевъ сильную шайку. Видя, что съ киргизами добромъ ничего не подѣлаешь, что мягкость обращенія и уступчивость они принимаютъ за страхъ, за сознаніе въ слабости,—Юнусъ принялъ другую методу: всемъ плѣннымъ рубили головы и складывали ихъ въ пирамиды въ виду непріятельскаго войска!

Это зрѣлище привело киргизовъ въ ужасъ. Никому не хотѣ-

лось попасться въ плѣнь, и потому они стали боязливы, дрались, что называется „съ оглядкой“: чуть кто увидитъ обходъ или малѣйшую опасность, — тотчасъ раздаются крики; удалыхъ когда-то киргизовъ охватываетъ паника, и они бѣгутъ безъ оглядки.

Такъ пала власть киргизовъ надъ Ташкентомъ въ 1798 г. Теперь они сами стали платить дань Ташкенту въ лицѣ ходжи Юнуса... Благодаря этому успѣху Юнусъ обложилъ киргизовъ податью (со 100 барановъ одного), далъ имъ кодексъ правилъ для разбирательства своихъ споровъ и несогласій и сдѣлался полновластнымъ ханомъ какъ этой части орды, такъ равно и Ташкента.

Независимость ташкентскихъ хановъ была, однако, непродолжительна. Въ 1814 году они подчинились Кокану, къ которому перешла и Большая орда за исключеніемъ только тѣхъ племенъ, которыя слились съ Среднею ордою, и еще тѣхъ, которыя кочевали въ Семирѣченскомъ краѣ, по бассейнамъ рѣкъ Или и Чу и по сѣверному склону Алатавскихъ горъ. Эти послѣдніе роды бросили свои пашни въ Чимкентскомъ районѣ и наскоро откочевали къ Китаю... Такъ мало склонны они были разставаться съ волей. Въ 1819 году султанъ Сюкь, сынъ Аблая, объявилъ нашему правительству о желаніи, довѣрившихъ ему вести переговоры соплеменниковъ (въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ кибитокъ) вступить въ подданство Россіи. Правительство приняло просьбу киргизовъ и для обезпеченія новыхъ подданныхъ отъ посягательства Китая основало городъ Копаль. Вся область по рѣкамъ Или и Чу, какъ западная часть Джунгаріи, считалась китайцами своею. Они предоставили ее только въ пользованіе киргизамъ Средней орды, платившимъ извѣстную дань, наѣзжавшимъ китайскимъ сборщикамъ. Поэтому приходилось сноситься съ Китаемъ для выясненія вопроса о томъ, кому собственно принадлежитъ тутъ земля. У насъ, наконецъ, рѣшили, что это киргизская степь и принадлежитъ киргизамъ, а не китайцамъ. Рѣшеніе это послѣдовало только въ 1847 году, когда задуманъ широкій планъ связать сибирскую и оренбургскую линіи на Сырь-Дарьѣ: отъ Сибири потянулись къ югу новые казачьи поселки, основана была станція Сергіополь, потомъ Копаль, а на устьѣ Сырь-Дарьи возведено укр. Раимъ, перенесенное затѣмъ на ур. Казалу, гдѣ нынѣ Казалинскъ. Внутреннее управленіе ордою осталось прежнее: правительство въ это не вмѣшивалось и никакою податью новыхъ своихъ подданныхъ не облагало до 1868 года, т. е. до введенія положенія 1867 г. общаго для всего Туркестанскаго генералъ-губернаторства. Остальныя племена Большой орды (атбаны, дулаты и джалаиры), и дикокаменные киргизы, кочевавшіе по сѣверному склону Алатау и потому сохранившіе свою независимость, подчинились въ 1845 и 1847 годахъ также Россіи. Но такъ какъ въ

Заилійскомъ краѣ появились коканскіе сборщики, вслѣдствіе претензій коканскихъ хановъ на господство въ этомъ краѣ, и такъ какъ свою претензію коканцы подкрѣпили рядомъ мелкихъ крѣпостей, то для изгнанія отсюда коканцевъ былъ отправленъ изъ Копала, въ 1850 году, отрядъ изъ 50 чел. пѣхоты, 175 казаковъ и 2 орудій, подъ начальствомъ капитана ген.-шт. Гутковскаго. Отрядъ атаковалъ, на р. Кескеленѣ, крѣпостцу Таучубекъ, состоящую изъ редута, по 40 сажень въ каждомъ боку, съ гарнизономъ въ 150 чел. Но бывшіе при отрядѣ, въ качествѣ союзниковъ, киргизы измѣнили и напали на отрядъ. Гутковскій вынужденъ былъ отступить и выдержалъ затѣмъ на р. Алматы бой со скопищемъ въ 6—7 тысячъ. На слѣдующій годъ экспедиція была повторена болѣе сильнымъ отрядомъ полк. Карбышева изъ баталіона пѣхоты, 5 сотенъ казаковъ, 6 конныхъ орудій и 1 ракетнаго станка. Коканцы покинули крѣпость, которая и была взорвана, а мѣсто заровнено. Наконецъ, въ 1854 году, у самаго подножія Большого Алатау, основано было на р. Алматы укрѣпленіе Вѣрное, сдѣлавшееся вкорѣ центромъ русскихъ поселеній.

Новый планъ правительства оказался превосходнымъ: не вмѣшиваясь, на первыхъ порахъ, во внутреннія дѣла управленія вступающими въ подданство кочевниками, тотчасъ же возводитъ среди ихъ кочевьевъ достаточно сильное укрѣпленіе, которое могло бы служить опорой и намъ самимъ, и кочевникамъ въ случаѣ нападений извнѣ.

Напоминая постоянно о нашемъ владычествѣ и принося съ собою, на первый разъ, только свободу торговли, русское укрѣпленіе пріучало кочевниковъ постепенно къ подчиненію и въ то-же время знакомило ихъ съ нами. Подданство становилось фактомъ дѣйствительнымъ. Возведеніе Вѣрнаго повело, кромѣ того, къ осуществленію давно задуманнаго плана: соединенія сибирской и оренбургской линій цѣпью укрѣпленій. Вѣрное послужило главнымъ базисомъ военныхъ дѣйствій 1864 г., вслѣдъ за которымъ основанъ еще рядъ зачуйскихъ укрѣпленій, затѣмъ покорена та часть коканскаго ханства, гдѣ обитали подвластные Кокану киргизы Большой орды. Такимъ образомъ все племена древняго казацкаго союза попомногу, одно за другимъ, подчинились Россіи. Осталась только та часть Большой орды, которая расселилась по южнымъ склонамъ Тянь-Шаня, въ предѣлахъ Западнаго Китая.

Занятіе Семирѣченскаго и Заилійскаго краевъ настолько увеличило территорію киргизской степи сибирскаго вѣдомства, что вслѣдъ за устройствомъ Вѣрнаго, степь была раздѣлена на двѣ области: сибирскихъ киргизовъ и Семипалатинскую. Въ 1859 году обѣ области изъяты были изъ военнаго управленія

и поступили въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ, за исключеніемъ Запѣйскаго края, переименованнаго въ 1862 г. въ Алатавскій округъ.

Со введеніемъ новаго административнаго дѣленія Россіи на военные округа въ 1865 году, рѣшено было произвести реформу и въ управленіи киргизами. Для изученія на мѣстѣ обычаевъ и быта этихъ кочевниковъ учреждена была такъ называемая „Степная коммиссія“ подъ предсѣдательствомъ тайнаго совѣтника Гирса изъ трехъ весьма дѣльныхъ офицеровъ генер. штаба: ген.-майора Гутковского и полковниковъ Проценко и Гейнса. Коммиссія эта объѣхала все степи, изучила порядки ихъ управленія и выработала проектъ положенія объ управленіи ими. Въ 1868 г. проектъ этотъ былъ утвержденъ, и все киргизы получили единообразное управленіе. Оренбургская степь раздѣлена также на двѣ области: Уральскую и Тургайскую. Къ первой было причислено и Мангышлакское приставство, которое однако въ 1870 г. отошло въ вѣдѣніе намѣстника Кавказа.

Въ основаніе новаго положенія легло широкое выборное начало, совершенно убивавшее султановъ, потомковъ разныхъ хановъ, словомъ, бѣлую кость, аристократію дикарей. Отъ каждаго 50 кибитокъ выбирался одинъ представитель въ собраніе подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго начальника, и они-то выбирали на 3 года волостныхъ управителей и биевъ, т. е. судей. Къ уѣздному начальнику назначался старшій помощникъ изъ русскихъ и младшій изъ туземцевъ. Раздѣленіе на волости и приблизительная перепись кибитокъ возложена была на организаціонныя коммиссіи изъ уѣздныхъ начальниковъ и нѣсколькихъ русскихъ чиновниковъ и офицеровъ въ каждомъ уѣздѣ.

Положеніе было переведено на туземныя нарѣчія и разъяснялось по пунктамъ пятидесятникамъ. Въ Туркестанскомъ краѣ введеніе положенія обошлось безъ всякихъ волненій, а въ Оренбургскомъ вызвало бунтъ въ 1869 и 1870 годахъ, о чемъ будетъ сказано въ связи съ изложеніемъ мѣропріятій противъ Хивы передъ походомъ 1873 года.

Такимъ образомъ исторія упроченія нашей власти надъ киргизами тянулась, можно сказать, 139 лѣтъ,—съ 1734 по 1873 г., т. е. до занятія Хивы, гдѣ явились съ повинною все бѣглые предводители послѣднихъ бунтовъ ихъ, а наконецъ и сынъ Кениссары—Сыддыкъ. Исторія эта полна ошибокъ, опытовъ, противорѣчій во взглядахъ и мѣропріятіяхъ разныхъ русскихъ правителей Оренбурга и Сибири.

Болѣе ста лѣтъ мы пытались, и вполнѣ безплодно, удерживать киргизъ въ повиновеніи, при посредствѣ ихъ хановъ, насильно подчиняя этимъ хапамъ даже тѣ отдѣльные роды, которые предпочитали управляться wybranными ими самими батырями,

выдвинувшимися изъ рядовыхъ черной кости, благодаря только личнымъ достоинствамъ, а не по наслѣдству.

Чтобы вкоренить у киргизовъ понятія о важности ханскаго званія и наслѣдственности ея, мы нарочно преувеличивали значеніе хановъ, устраивали имъ нѣчто вродѣ коронаціи, кланялись этимъ глупымъ дикарямъ, осыпали ихъ подарками, снабжали ихъ гвардіей изъ казаковъ и строго наказывали ихъ подданныхъ за непочтеніе и неповиновеніе. Были люди, какъ Игельстремъ и Эссенъ, которые сознавали несостоятельность принятой нами системы, но покончить съ нею удалось только Сперанскому въ Сибирской киргизской степи въ 1822 г. Въ сосѣдней же Оренбургской степи ханы были замѣнены султанами-правителями, что, какъ и все полумѣры, не принесло ровно никакой пользы, если не считать впрочемъ презрѣнія и ненависти, понемногу подточившихъ въ киргизахъ уваженіе къ бѣлой кости.

Преемники Эссена, какъ Сухтеленъ и Перовскій, держались еще мнѣнія, что киргизская степь не составляетъ такой же части Россіи, какъ и самый Оренбургъ, а есть только колонія, и что для блага метрополіи киргизы должны на вѣки вѣчные оставаться кочевниками и доставлять государству скотъ, кожи, сало, шерсть и другіе сырые продукты. Держать ихъ въ повиновеніи считалось этими губернаторами лучше всего набѣгами русскихъ войскъ съ лицій. Киргизы смотрѣли на эти поиски, какъ на баранту, и старались превзойти русскихъ въ молодечествѣ, отвѣчая также набѣгами и барантой.

Порядокъ этотъ круто измѣнился только при Обручевѣ въ 1845 г., когда началась постройка укрѣпленій въ степи для овладѣнія лѣтовками и зимовками киргизъ. Набѣги дикарей на самую линію почти сразу прекратились, разряжаясь, какъ на громотводахъ, на новыхъ степныхъ укрѣпленіяхъ. Миновать ихъ съ награбленнымъ добромъ было трудно, такъ какъ они и стояли какъ разъ на лучшихъ путяхъ у живой воды. А еслибы и обойти стороною, то гарнизонъ не упустилъ бы случая отбить баранту и другую добычу.